

Философия Право

№ 1 (104)

Научно-теоретический журнал
Издается с апреля 2000 года
Выходит четыре раза в год

2023

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций 17 октября 2017 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-71314

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Гусарова М.А.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В СТАНОВЛЕНИИ
ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ 7

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Давыдов М.В., Лубский Р.А.

ПОНЯТИЕ «ПОТЕРПЕВШИЙ» И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО АДМИНИСТРАТИВНО-
ПРАВОВОГО СТАТУСА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ 14

Ефимов А.А.

ДОСМОТРОВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
ГРАЖДАН 21

Капранов А.В., Ковган Е.Ю., Билоконь В.П.

О СПЕЦИФИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА
ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ В ОБЛАСТИ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ 27

Степанова Е.Е. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ И МОНГОЛИИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ	36
--	----

5.1.3. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Пономарева Н.В. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ СИСТЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАВЕЩАНИЮ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	42
--	----

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Пахомов С.В. ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕМ СОБСТВЕННЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА	48
---	----

Комаров И.М., Парубов А.И. ТРАДИЦИИ ЯЗЫКА КРИМИНАЛИСТИКИ И ИХ СОБЛЮДЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	55
--	----

Григорян Д.К. ЭЛИТАРНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУК: К ВОПРОСУ О ПОСТАНОВКЕ НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ	60
---	----

Коллантай В.А. СБОР И ИССЛЕДОВАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В ЦЕРКОВНОМ СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ	66
--	----

Халиуллина А.Ф. ФОРМИРОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИХ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	72
---	----

Карпика А.Г. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ КРИПТОВАЛЮТ В ПРОТИВОПРАВНЫХ ЦЕЛЯХ	77
---	----

Маилян А.В. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ	83
--	----

Калачева А.В. О ШИРОКОМ И УЗКОМ ПОДХОДАХ К ПОНИМАНИЮ ОРГАНА ДОЗНАНИЯ КАК СУБЪЕКТА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ	89
--	----

Богатырев Д.В. МЕХАНИЗМ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ И ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ЕГО СОЗДАНИЯ	96
--	----

Марсаков И.С. ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ НА ЭТАПЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД	103
--	-----

5.5.2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ (ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Геращенко И.Г., Геращенко А.И. И.Г. ФИХТЕ О ДИАЛЕКТИКЕ СВОБОДЫ И НЕОБХОДИМОСТИ В ЗАМКНУТОМ ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ	111
--	-----

5.7.7. СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ (ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ)

Егорычев А.М., Мардахаев Л.В., Варламова Е.Ю. СОЦИАЛЬНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА XXI ВЕКА: УНИВЕРСАЛЬНОЕ, НАЦИОНАЛЬНОЕ, ОСОБЕННОЕ	118
Москаленко С.Г. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПЦИИ МОНАРХИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ Л.А. ТИХОМИРОВА (1852–1923)	125
Ромадыкина В.С. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИЙ «НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ» И «ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО»: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ	133
Тошпина А.В. КРИТИКА УНИВЕРСАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	140

5.7.8. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ (ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ)

Рожковский В.Б. ИДЕЯ ВОСКРЕШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ И ПРОЕКТЕ ТРАНСГУМАНИЗМА: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	148
Рунаев Р.Ю. ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ ЛЕГИТИМАЦИИ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	159

Исполняющий обязанности главного редактора
(заместитель главного редактора): **С.В. Пахомов**, канд. юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

Ю.В. Анохин, д-р юрид. наук, проф.;
И.Е. Абрамова, д-р полит. наук, проф.;
П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
В.М. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, доц.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Дизер, д-р юрид. наук, доц.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
А.А. Контарев, д-р филос. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Кузина, д-р полит. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Е.Е. Несмеянов, д-р филос. наук, проф.;
Г.Г. Небрятенко, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
Т.С. Оленич, д-р филос. наук, доц.;
А.В. Понделков, д-р полит. наук, проф.;
Т.С. Паниотова, д-р филос. наук, проф.;
В.Б. Рожковский, д-р филос. наук, доц.;
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц.;
Е.А. Рыбалка, д-р филос. наук, проф.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
В.И. Третьяков, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.

Учредитель и издатель – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Адрес редакции, издателя: 344015, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83; тел.: 8 (863) 207-86-34
Электронная почта: mkuzmin49@mvd.ru
Официальный сайт журнала: <https://рюи.мвд.рф>

Оформить подписку на журнал можно через интернет-каталоги www.akc.ru и www.pressa-rg.ru
Индекс – 79848.

Цена подписки на издание за минимальный подписной период – 500 руб.

Редактор: *В.А. Ковальчук*

Компьютерный набор и верстка – *Е.Е. Пелехатой*

Подписано в печать 24.03.2023. Выход в свет 31.03.2023.

Формат 60x84 1/8. Объем 21 п. л. Набор компьютерный.

Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 19,53. Тираж 300 экз. Заказ № 8.

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.
344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

CONTENTS

5.1.1. THEORETICAL-HISTORICAL LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Gusarova M.A. ON THE ROLE OF THE FRENCH ENLIGHTENMENT IN THE FORMATION OF THE NATURAL LAW CONCEPT	7
--	---

5.1.2. PUBLIC AND LEGAL (STATE AND LAW) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Davydov M.V., Lubsky R.A. THE CONCEPT OF «VICTIM» AND PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF ITS ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS IN PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE OFFENCES	14
Efimov A.A. SEARCH MEASURES AS A BASIS FOR ENSURING THE SAFETY OF CITIZENS	21
Kapranov A.V., Kovgan E. Yu., Bilokon V.P. ON THE SPECIFICS OF THE APPLICATION OF CERTAIN MEASURES TO ENSURE THE PROCEEDINGS IN THE CASE OF AN ADMINISTRATIVE OFFENSE IN THE FIELD OF ROAD SAFETY	27
Stepanova E.E. LEGISLATION OF RUSSIA AND MONGOLIA IN THE FIELD OF ANTI-CORRUPTION	36

5.1.3. PRIVATE (CIVIL) LAW SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Ponomareva N.V. MODERN APPROACHES TO THE CONSTRUCTION OF A SYSTEM OF INHERITANCE BY WILL AND THEIR IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN FEDERATION	42
--	----

5.1.4. CRIMINAL AND LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Pakhomov S.V. THE PROSPECTS OF USING THE INVESTIGATOR'S OWN PROFESSIONAL EXPERTISE DURING THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX	48
Komarov I.M., Parubov A.I. TRADITIONS OF THE LANGUAGE OF CRIMINALISTICS AND THEIR OBSERVANCE IN MODERN FORENSIC RESEARCH	55
Grigoryan D.K. ELITE CRIME AS AN OBJECT OF STUDY IN THE CRIMINAL LAW SCIENCES: TO THE QUESTION OF SCIENTIFIC PROBLEM STATEMENT	60
Kollantay V.A. COLLECTION AND RESEARCH OF EVIDENCE AS ELEMENTS OF PROOF IN THE CHURCH TRIAL OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH	66
Khaliullina A.F. FORMATION OF SPECIAL KNOWLEDGE OF THE INVESTIGATOR AND THEIR USE IN THE INVESTIGATION OF JUVENILE CRIMES	72
Karpika A.G. TOPICAL ISSUES OF COUNTERING THE USE OF CRYPTOCURRENCIES FOR ILLEGAL PURPOSES	77
Mailyan A.V. CURRENT ISSUES OF THE FORENSIC INNOVATIVE TECHNOLOGIES USE IN THE CRIMINAL CASES INVESTIGATION	83
Kalacheva A.V. ON THE BROAD AND NARROW APPROACHES TO THE UNDERSTANDING THE BODY OF INQUIRY AS A SUBJECT OF CRIMINAL PROCEDURAL RELATIONS	89
Bogatyrev D.V. THE MECHANISM OF OVERCOMING THE ABUSE OF LAW IN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS AND THE GROUNDS FOR ITS CREATION	96

Marsakov I.S. PARTICULARITIES OF INTERACTION BETWEEN ECONOMIC SECURITY AND ANTI-CORRUPTION UNITS AT THE STAGE OF DETECTION OF CORRUPTION-RELATED CRIMES COMMITTED IN THE FIELD OF PURCHASES FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS	103
--	-----

**5.5.2. POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES
(POLITICAL SCIENCES)**

Gerashchenko I.G., Gerashchenko A.I. J.G. FICHTE ON THE DIALECTIC OF FREEDOM AND NECESSITY IN A CLOSED LEGAL STATE	111
---	-----

**5.7.7. SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY
(PHILOSOPHICAL SCIENCES)**

Egorychev A.M., Mardakhaev L.V., Varlamova E.Yu. THE XXI CENTURY HUMAN SOCIAL WORLD: UNIVERSAL, NATIONAL, PECULIAR.....	118
Moskalenko S.G. THEORETICALLY-METHODOLOGICAL AND POLITICALLY-LEGAL POTENTIAL OF L.A. TIKHOMIROV'S (1852–1923) CONCEPT OF MONARCHIC STATEHOOD	125
Romadykina V.S. CONCEPTUAL ANALYSIS OF THE CATEGORIES «NATIONAL IDEA» AND «CIVIL SOCIETY»: SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT	133
Topilina A.V. CRITICISM OF UNIVERSALISM IN THE CONTEXT OF THE CIVILIZATIONAL DETERMINISM OF THE CONTENT OF HUMAN RIGHTS	140

**5.7.8. PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE
(PHILOSOPHICAL SCIENCES)**

Rozhkovsky V.B. THE IDEA OF HUMAN RESURRECTION IN THE CHRISTIAN TRADITION AND THE TRANSHUMANISM PROJECT: PHILOSOPHICAL, ANTHROPOLOGICAL, ETHICAL AND LEGAL ASPECTS	148
Runaev R.Yu. PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE SOCIO-LEGAL CONTRADICTIONS OF LEGITIMATION OF ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES	159

К ВОПРОСУ О РОЛИ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В СТАНОВЛЕНИИ ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ

Гусарова Марина Александровна

Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
Краснодар, Российская Федерация, gusarovathebest@mail.ru

Введение: статья посвящена роли французского Просвещения в становлении юснатуралистской концепции в XVIII в. Актуализируются философско-правовые взгляды Ф. Вольтера, Ш.Л. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо, в которых выявляется единство естественно-правовой проблематики рассматриваемой эпохи и их влияние на развитие юснатуралистского типа правопонимания. Цель и задачи работы – выявление единых смыслообразующих векторов естественно-правовой концепции в философско-правовом творчестве великих представителей эпохи Просвещения, оказавших влияние на западноевропейскую и российскую философию права.

Материалы и методы: материальную базу исследования составили труды Вольтера, Монтескье и Руссо, работы отечественных и зарубежных авторов по философско-правовой проблематике. При организации исследования использовались такие методы, как общенаучный (исторический и системный анализ), дедукция и индукция.

Результаты исследования: в статье рассматриваются идеи Вольтера о соотношении естественного и позитивного права, права и нравственности, роли религиозного фактора в формировании общественного правосознания. Анализируется учение о различных видах законов и роли законодателя в процессе прогрессивного развития общества. Систематизируются идеи Руссо о естественном и цивилизационном состоянии человеческого общества, общественно-правовых идеалах и ценностях.

Выводы и заключения: автор доказывает, что в трудах Вольтера, Монтескье и Руссо выделяются несколько единых векторов юснатуралистского типа правопонимания: дуальное восприятие правовой реальности; пропаганда просвещения, образования и силы науки как путей торжества разума; интерес к человековедческой проблематике и возведение принципа гуманизма в разряд центральных ценностей; незыблемость и независимость естественных прав и свобод человека; разумность природы и целесообразность применения естественного права в системе социального контроля.

Ключевые слова: эпоха Просвещения, естественно-правовая концепция, тип правопонимания, естественное право, гуманизм, рациональность.

Для цитирования: Гусарова М. А. К вопросу о роли французского просвещения в становлении естественно-правовой концепции / М. А. Гусарова // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1 (104). – С. 7–13.

Original paper

ON THE ROLE OF THE FRENCH ENLIGHTENMENT IN THE FORMATION OF THE NATURAL LAW CONCEPT

Gusarova Marina Aleksandrovna

North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: the article is devoted to the role of the French Enlightenment in the formation of the jus naturalistic concept in the XVIII century. The author analyses philosophical and legal views of F. Voltaire, Sh.L. Montesquieu and J.-J. Rousseau, which reveal the unity of natural and legal issues of the considered era and their influence on the development of jus naturalistic type of legal understanding. The purpose and objectives of the work are to identify common sense-making vectors of the natural law concept in the philosophical

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

and legal creativity of the great representatives of the Enlightenment era, who influenced the Western European and Russian philosophy of law.

Materials and methods: *the material basis of the research was formed by the works of Voltaire, Montesquieu and Rousseau, as well as the works of domestic and foreign authors on philosophical and legal issues. When organizing the research, such methods as general scientific (historical and system analysis), deduction and induction were used.*

Results of the research: *the article examines Voltaire's ideas about the relationship between natural and positive law, law and morality, the role of the religious factor in the formation of public legal consciousness. The doctrine of various types of laws and the role of the legislator in the process of progressive development of society is analyzed. Rousseau's ideas about the natural and civilizational state of human society, social and legal ideals and values are systematized.*

Conclusions: *the author proves that the works of Voltaire, Montesquieu and Rousseau highlight several common vectors of the jus naturalistic type of legal understanding: the dual perception of legal reality; popularization of enlightenment, education and the power of science as ways of the triumph of reason; interest in human studies problems and raising of the principle of humanism in the category of central values; the inviolability and independence of natural human rights and freedoms; the reasonableness of nature and the expediency of applying natural law in the system of social control.*

Keywords: *Enlightenment era, natural law concept, type of legal understanding, natural law, humanism, rationality.*

For citation: *Gusarova M. A. K voprosu o roli frantsuzskogo prosveshcheniya v stanovlenii yestestvenno-pravovoy kontseptsii [On the role of the French Enlightenment in the formation of the natural law concept]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 2023. № 1 (104). P. 7–13.*

Просвещение как духовное и интеллектуальное движение, охватившее временной период с конца XVII до XIX в., ознаменовало собой поворотный момент в зарубежной и отечественной культуре. Начавшись в Англии с идейного вызова, сделанного Т. Гоббсом, Дж. Локком, А. Шефтсберри и др. в вопросах философско-правового осмысления основ правового бытия, места человека и его прав в процессе эволюционирования государственно-правовых институтов, к XVIII в. просветительское движение перемещается во Францию. Наиболее репрезентативными фигурами среди французских философов и общественно-политических деятелей, ярко заявивших о своих взглядах, идеях и прожектах лучшего устройства общества и государства, являются, на наш взгляд, Ф. Вольтер, Ш.Л. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо. Анализ трудов названных деятелей философии и науки уделяется большое внимание в исследованиях отечественных и зарубежных авторов. Вместе с тем именно естественно-правовая направленность взглядов упомянутых фигур приобретает особую актуальность в условиях возрождения интереса к идеям прошлого, обусловленного антропологическим кризисом современной техногенной цивилизации. Кроме того, ревизия идей великих французских философов XVIII в. не теряет своей актуальности и в рамках системного исследования

истории правопонимания в России как одной из ключевых тем правовой науки. Этим обуславливается актуальность обращения к роли французского Просвещения в становлении естественно-правовой концепции как с точки зрения учебных задач, так и с точки зрения научного исследования такого феномена духовной культуры человечества, как естественное право.

Естественно-правовые взгляды Вольтера, Монтескье и Руссо выступают неоднородными, различными по тематике и стилевым особенностям, поэтому цель настоящего исследования – выявление совокупных векторов размышлений о природе и роли естественного права, оказавших сильное влияние на западноевропейскую и отечественную теорию естественного права. Задачами исследования является анализ содержания философско-правовых взглядов наиболее ярких фигур эпохи – Ф. Вольтера, Ш.Л. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо.

Обозначенные задачи определяют выбор методов исследования, среди которых особое место занимают общенаучные методы исторического и системного анализа, позволившие выявить общие черты и особенности достаточно разнообразных по своему содержанию и стилистике изложения идей разных лет выдающихся авторов эпохи Возрождения, а также сделать выводы о внутреннем единстве идей каждой из рассматриваемых концепций,

объединенных юснатуралистским содержанием. Методы индукции позволяют, отталкиваясь от изначально разрозненных идей Вольтера, Монтескье и Руссо о природе, сущности и назначении естественного права и его связи с правопорядком, выявить ряд общих направлений мысли эпохи. Метод дедукции позволил сделать отдельные выводы об актуальности некоторых положений в настоящее время. Материальную базу составили труды Вольтера, Монтескье и Руссо, содержащие естественно-правовые идеи названных авторов, а также труды отечественных и зарубежных авторов по истории философии права.

Центральной фигурой французского Просвещения по праву считается *Франсуа Мари Аруэ (Вольтер)* (1694–1778), который внес вклад в развитие движения Просвещения не только в качестве философа, но также как драматург и поэт. Многомерность его идей в области проблем социогуманитаристики позволяет ему по праву считаться одним из родоначальников данного движения во Франции. Главной миссией, которую видел перед собой Вольтер, было духовное просвещение общества с опорой на образование и разумные начала. Как писал об этом периоде философско-правовой мысли П.И. Новгородцев, с Вольтера начинается решительный поворот в освещении многих проблем общественной жизни [1, с. 216–217]. Речь идет, прежде всего, об утверждении ценностей свободы, гуманизма и терпимости как ключевых ориентиров системы социального регулирования и контроля.

Будучи сторонником юснатурализма, Вольтер начинает свои рассуждения о сущности общественно-правовых феноменов с разделения естественного и цивилизованного состояний общества. В естественном состоянии, считал философ, человек зол, эгоистичен, несправедлив и жесток. В «Философских письмах» он пишет: «Мы рождаемся несправедливыми, ибо каждый тяготеет к самому себе. Это противоречит всякому порядку. Следует тяготеть ко всеобщему. Склонность к самому себе бывает началом всяческого беспорядка на войне, в общественной жизни, хозяйстве и т. д.» [2, с. 108]. Нетрудно заметить в данной мысли отголоски учения английского философа Т. Гоббса о естественном – догосударственном, состоянии «войны всех против всех», в котором эгоистичный по природе человек противостоит себе подобным.

В «Метафизическом трактате» Вольтер размышляет о проблеме свободы человека и Бога, о значимости вечных и позитивных законов в истории развития человеческого общества. Философ отмечает, что «подобно тому, как любая игра нуждается в правилах» [3, с. 164], ни одно общество не может существовать без законодательства, а следовательно, обладать свободой в абсолютном смысле не может ни один человек. Такая свобода есть только у Творца. Для человека иметь свободу – значит «изъявлять свою волю и действовать» [3, с. 157] в рамках дозволенного в конкретном обществе поведения.

Философ поддерживал идею Монтескье о зависимости характера позитивных законов от природно-географических, климатических условий, в связи с чем они создают видимость произвольных. Однако, по мнению Вольтера, «все народы, чье поведение столь различно, бывают единодушны в одном: они называют добродетельным то, что соответствует учрежденным ими законам, и преступным то, что их нарушает» [3, с. 157].

В трактате «Несведущий философ» Вольтер подчеркивает, что моральные категории являются естественным элементом человеческой культуры и присутствуют повсеместно, но каждое сообщество вкладывает в них свой смысл. Но в отличие от норм позитивного права, границы моральных норм размыты. Подчеркивая релятивный характер справедливости как главной моральной категории, философ пишет, что в любом обществе «очень трудно очертить границы справедливого и несправедливого» [4, с. 236].

Во всех своих произведениях Вольтер доказывает губительность феномена атеизма и разумность идеи Бога как высшего законодателя, контролирующего мировые процессы и карающего за преступления, которая не только наполняет смыслом существование человека, но необходима любому цивилизованному обществу и государству. Вольтер считал, что атеизм стимулирует человека ставить самого себя высшим законодателем и использовать других в качестве средства достижения своих целей. Вера же в существование Бога, напротив, удерживает не только обычных людей, но и правителей от зла.

Особое место в юснатуралистской концепции Вольтера принадлежит проблеме веротерпимости, которую он считал одним из

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

основополагающих принципов гуманизма и разумным основанием общественного единства в государстве. Вольтер указывал на то, что веротерпимость является долгом правосудия, предписанным гуманностью, совестью, Богом, что обуславливает его значимость как закона, охраняющего мир в обществе, а значит, способствующего процветанию государств [5, с. 9]. Следовательно, право на свободу совести и вероисповедания – такое же естественное право человека, как право на собственность и личную свободу. Данное право, по мнению Вольтера, при любом политическом устройстве является не только единственным барьером для злоупотребления силой, но, прежде всего, фактором общественной консолидации. Особенную роль право на свободу совести и вероисповедания играет в больших государствах, в которых «только при такой свободе можно создать настоящее братство людей, ведь если невозможно объединить их в одной религии, то надо научить людей с разными религиозными взглядами относиться друг к другу как к братьям» [5, с. 14]. Как представляется, данное утверждение имеет актуальность в современном российском обществе, которое составляют представители различных религий и конфессий. Именно в таких условиях право на свободу совести и вероисповедания является платформой для общественного единства на разумных основаниях и реальным признаком гражданского общества в государстве.

Вольтер не оставил своим потомкам какого-либо единого философского трактата, в котором бы он развил философско-правовые взгляды. Однако в его философском и литературном творчестве в доступной современнику форме были представлены главные духовные ориентиры эпохи Просвещения – идея господства в мире природы и человеческом сообществе вечных законов, возможность осознания которых является признаком разумной и свободной личности, идея развития человечества от естественного состояния к цивилизованному сообществу, идеал сильной и «просвещенной» государственной власти, способной изменить общество, руководствуясь принципами рационализма.

Другой вариант концепции естественного правопонимания был разработан в трудах философа, историка и правоведа **Ш. Л. Монтескье** (1689–1755). В своем известном трактате «О духе законов» Монтескье ставит цель

доказать логическим путем зависимость законотворческой деятельности людей от естественных законов бытия. Под «духом законов» философ подразумевал некое духовное начало, вбирающее в себя комплекс естественных (географических, климатических) и социальных (исторических, экономических, политических, религиозных) факторов, которые в совокупности оказывают детерминирующее воздействие на правовую реальность различных обществ и государств.

Монтескье пишет о всеобщности законов, которые действуют и на физический, и на социальный мир. Нет таких явлений или отношений, считает философ, которые бы не детерминировались законами. Однако если физический мир всегда существует по законам, человечество не всегда следует им. Монтескье отмечает, что человек, «как существо физическое... подобно всем другим телам, управляется неизменными законами; как существо, одаренное умом, он беспрестанно нарушает законы, установленные богом, и изменяет те, которые сам установил» [6, с. 165].

Философ пишет о существовании различных разрядов законов, которые человек в своей жизнедеятельности должен уметь различать с помощью разума, и выделяет законы в иерархическом порядке по их значимости и степени их влияния на человеческое сообщество: естественное, божественное, церковное, международное, общее государственное, частное государственное, гражданское право отдельных обществ, семейное право [6, с. 558–559]. Помимо названных, Монтескье особо выделяет четыре всеобщих закона, прямо вытекающих из естественного права: мир, стремление добывать себе пищу, просьба, обращенная к другому человеку, и желание жить в обществе. Эти законы неизменны, присущи всем народам и временам и не зависят от политических, хозяйственно-экономических или географических условий.

Особое внимание в своем творчестве Монтескье уделяет анализу характера позитивного права различных народов, соотношению законов с нравами и обычаями, выявляет принципы трех форм правления (республики, монархии, деспотии) и определяет законы воспитания, наиболее соответствующие принципам образа правления.

Как и многие деятели эпохи Просвещения, частную собственность философ определяет

как поздний продукт исторического развития, возникший в результате общественного договора, а право на частную собственность – как высшее проявление цивилизации. По мнению Монтескье, лишь в условиях республиканской формы правления возможно правовое обеспечение этого явления, так как в республиках особой ценностью выступают добродетель, свобода, равенство и умеренность как взаимосвязанные гражданско-политические ценности. Так, политическую добродетель философ характеризует как самоотверженность, любовь к законам и отечеству, которая порождает добрые нравы в обществе. Политическая свобода у Монтескье как «право делать все, что дозволено законами» [6, с. 289] заключается в законном обеспечении безопасности гражданам, а гражданское равенство – как равенство возможностей, которое будет содействовать благосостоянию населения, если любовь к равенству и умеренности будет поддержана в законе. Нельзя также не отметить, что в естественно-правовой концепции Монтескье особое место уделяется фигуре законодателя, задачей которого является хранить и реализовывать в жизни естественные права – то есть помнить об изначальном равенстве всех людей, о «духе законов», особенностях «народного духа», о необходимости строить законодательную систему на этих основаниях.

Несколько особняком от рассмотренных выше концепций стоит концепция *Жан-Жака Руссо* (1712–1778 гг.). Ему принадлежит идея суверенитета народа и верховенства его власти, а также идея «возвращения к истокам» как естественному состоянию, которое, подобно Золотому Веку человечества, содержит в себе прототип идеального общества. Высказывание Руссо, что «человек рождается свободным, но повсюду он в оковах» [7, с. 152], становится исходным тезисом его дальнейших размышлений. Свободное состояние является, по мнению Руссо, следствием природы человека. «Отказаться от своей свободы, пишет он, – это значит отречься от своего человеческого достоинства, от прав человеческой природы, даже от ее обязанностей... Подобный отказ несовместим с природою человека; лишить человека свободы воли – это значит лишить его действия какой бы то ни было нравственности» [7, с. 156].

В естественном состоянии не существует сообществ. Единственным естественным

сообществом была семья как древнейшая форма социальных объединений, основанная на кровном родстве. В семье все ее члены подчиняются главе и его нормативным установлениям. Но когда дети вырастают, они приобретают право выйти из-под опеки и власти отца. И дальнейшее решение вопроса о подчинении семейным нормам так или иначе требует соглашения. Именно поэтому в устройстве семьи Руссо видит модель политических сообществ, в том числе и государства, в котором правитель является «отцом» для своего народа. Проблема различия интересов в государстве, так же как и в семье, решается совместно всеми его членами. Различие между государством и семьей, по мнению философа, состоит лишь в отсутствии любви и истинного почтения между властью и подчиненными. Из этих размышлений Руссо делает вывод, что в государстве законная власть должна опираться не на право сильного, т. к. с исчезновением силы исчезает и право, а на согласие и взаимную договоренность сторон.

Руссо резко высказывает несогласие с голландским философом и правоведом Гуго Гроцием, который писал, что рабство естественно вытекает из права войны. Руссо отмечает, что, во-первых, война – это состояние вражды между государствами, при котором люди становятся ее участниками не по своей свободной воле; во-вторых, слова «право» и «рабство» исключают друг друга по смыслу; в-третьих, если даже кто-то добровольно готов отдать или продать свою свободу другому лицу, то это лицо не вправе воспользоваться данным фактом.

Появление общественного состояния, по мнению Руссо, было неизбежным этапом цивилизации. В связи с тем, что отдельные немногочисленные сообщества, основанные на кровнородственных связях, не имели возможности выжить в суровых природных условиях и противостоять внешним опасностям самостоятельно, они начинали объединяться между собой, договариваясь о приемлемых друг для друга нормах общежития. Наиболее крупные объединения со временем переросли в государства и тем самым повысили свой потенциал жизнеспособности.

Руссо писал, что естественная свобода, которую человек потерял в условиях общества и государства, была заменена на свободу гражданскую и моральную, которая «одна делает человека действительным хозяином самому себе;

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

ибо поступать лишь под воздействием своего желания есть рабство, а подчиняться закону, который ты сам для себя установил, есть свобода» [7, с. 165]. Таким образом, в результате общественного договора человечество приобрело свободу другого порядка, а вместе с ней – неотчуждаемые права на личную безопасность и физическую свободу, выражение собственного мнения и пользование частной собственностью.

Руссо высказывает несогласие со многими его предшественниками и современниками по вопросу природы законов. Философ не считал законы правилами, посланными свыше, как это было, например, в концепции идейного лидера реформации – М. Лютера. Он не соглашался также и с мнением английских философов – Т. Гоббсом и Дж. Локком о том, что законы есть установления и волеизъявления власти или нормы, естественно вытекающие из законов природы. Законы, считал Руссо, являются итоговым выражением всеобщего согласия, результатом общественного договора. Таким идеальным обществом, в котором было достигнуто всеобщее согласие, суверенность народа и верховенство его власти, согласно Руссо, был афинский полис эпохи Перикла. Важно отметить, что концепция общей воли у Руссо, связанная с идеей суверенитета, подразумевает вовсе не совокупность отдельных волей субъектов или социальных групп, но, прежде всего, интересы народа. Соответственно, власть, представляющая народ, наделяется почти безграничными полномочиями. Как пишет Р. Уакс, в философии права Руссо «баланс между абсолютной властью государства и правами индивидов основывается на общественном договоре, который защищает общество от фракционных и классовых интересов» [8, с. 24]. В этом, по мнению ученого, состоит парадоксальность фигуры Руссо, который одновременно является сторонником демократии и при этом тоталитаристом.

Проблему происхождения неравенства и его социально-политических последствий Руссо поднимает в трактате «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми». Философ отмечает, что в естественном состоянии люди различались лишь по физическим данным, что в условиях господства естественных законов почти сводилось к нулю. В таком состоянии земля и ее плоды считались общим достоянием. С большой

долей эмоциональности философ описывает ситуацию присвоения земли. «Первый, – писал он, – кто, огородив участок земли, придумал заявить: «Это мое!» и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберечь бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: «Остерегитесь слушать этого обманщика; вы погибнете, если забудете, что плоды земли – для всех, а сама она ничья» [7, с. 72].

Таким образом, появление социального неравенства в концепции Руссо связано с частной собственностью. Социальное неравенство, по мнению философа, привело к расслоению общества на богатых и бедных, распространению вражды, смуты и разбоя: «человеческий род, погрязший в пороках и отчаявшийся, не мог уже ни вернуться назад, ни отказать от злосчастных приобретений, им сделанных; он только позорил себя, употребляя во зло способности, делающие ему честь, и сам привел себя на край гибели» [9, с. 82].

Руссо выступал против чрезмерного обогащения и крайней бедности в обществе. По его мнению, никто не должен быть настолько богат, чтобы купить свободу другого человека, и никто не должен быть настолько бедным, чтобы продать свое естественное право на свободу. В связи с этим политические и хозяйственно-экономические отношения в обществе должны быть выстроены таким образом, чтобы избежать резкой социальной поляризации и тем самым оправдать с точки зрения разума переход от естественного состояния к гражданскому.

Подводя итоги сказанному, сделаем ряд значимых в рамках данного исследования выводов. Рассмотренные концепции выдающихся представителей французского просвещения – Вольтера, Монтескье и Руссо – являются неоднородными и существенно различаются по научному стилю изложения. Вместе с тем можно выделить в них ряд общих черт, указывающих на единую линию смыслообразования, на общие векторы эпохи Просвещения, указывающие на тенденции развития юснатурализма в концепциях его великих представителей во Франции. Это, во-первых, дуальное восприятие правовой реальности (деление права на естественное и искусственное), разделение человеческой истории на периоды

догосударственные и государственные, символизирующие поворот либо в сторону прогресса (либо регресса) в развитии свободы. Вторым объединяющим рассмотренные концепции моментом является пропаганда просвещения, образования и развития науки как путей спасения человечества от зла и гибели, осуждение крепостного права и его последствий на развитие общества. Третьим общим моментом концепций французского Просвещения является достаточно четкая тенденция углубления в чело- вековедческую проблематику и возведение принципа гуманизма в разряд центральных ценностей, обеспечивающих функционирование системы социального контроля на основах справедливости. Четвертый единый век-

тор рассмотренных концепций обнаруживается в утверждении незыблемости естественных прав и свобод человека, обладание которыми не должно зависеть ни от политического режима, ни от волеизъявления правителя. Среди таких неотчуждаемых прав – право на жизнь, личную безопасность и физическую свободу, выражение собственного мнения и свободу вероисповедания, а также пользование частной собственностью. И, наконец, пятый общий момент – разумность (рациональность) в обосновании сущности, природы и форм применения естественного права как наиболее целесообразного основания системы социального контроля и правопорядка в любом обществе.

Список источников

1. Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права: учения Нового времени. XVI–XIX вв. Изд. 3-е, испр. М., 2011.
2. Вольтер Ф. Философские письма // Философские сочинения. М., 1988.
3. Вольтер Ф. Метафизический трактат // Философские сочинения. М., 1988.
4. Вольтер Ф. Несведущий философ // Философские сочинения. М., 1988.
5. Вольтер Ф. Трактат о терпимости. М., 2020.
6. Монтескье Ш.Л. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955.
7. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.
8. Уакс Р. Философия права. Краткое введение / пер. С. Моисеева; под ред. Е. Поповой. М., 2020.
9. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гусарова Марина Александровна, доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин. Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия». 350020, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Красных Партизан, 234.
ORCID: 000-0001-9949-5207

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gusarova Marina Aleksandrovna, Doctor of Philosophy, PhD in Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of General-Theoretical Legal Disciplines. North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice. 234 Krasnykh Partizan str., Krasnodar, 350020, Russian Federation.

References

1. Novgorodtsev P.I. Lectures on the History of the Philosophy of Law: the Teachings of the Modern Age. XVI–XIX centuries. 3rd ed., rev. Moscow, 2011.
2. Voltaire F. Philosophical letters // Philosophical essays. M., 1988.
3. Voltaire F. Metaphysical treatise // Philosophical essays. M., 1988.
4. Voltaire F. Ignorant philosopher // Philosophical essays. M., 1988.
5. Voltaire F. Treatise on tolerance. Moscow, 2020.
6. Montesquieu Sh. L. On the spirit of laws // Selected works. Moscow, 1955.
7. Rousseau J.-J. On Social Contract or the Principles of Political Law // Rousseau J.-J. Treatises. Moscow, 1969.
8. Wachs R. Philosophy of Law. A brief introduction / translated by S. Moiseev; ed. E. Popova. Moscow, 2020.
9. Rousseau J.-J. Reasoning about the origins and foundations of inequality between people // Rousseau J.-J. Treatises. Moscow, 1969.

**ПОНЯТИЕ «ПОТЕРПЕВШИЙ» И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ЕГО АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА В ПРОИЗВОДСТВЕ
ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

Давыдов Максим Вячеславович

Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, Орел, Российская Федерация,
mdd86.m@yandex.ru

Лубский Роман Анатольевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
roma-thebest@mail.ru

***Введение:** в статье, основываясь на нормах российского законодательства, а также различного рода доктринальных источниках в сфере административного права, исследуются нормативно-правовые основы реализации правового статуса потерпевшего как одного из ключевых участников в производстве по делам об административных правонарушениях. Анализ соответствующего вида законодательства позволяет прийти к выводу о том, что, во-первых, из всех участников производства статус потерпевшего урегулирован в наименьшей степени; во-вторых, отдельные его элементы носят разрозненный характер и содержатся в различных частях Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В силу этих обстоятельств в рамках статьи авторы попытались сформулировать ряд научно обоснованных рекомендаций, нацеленных на усовершенствование административно-правового статуса потерпевшего в части обобщения его основных прав, а также нормативного закрепления предусмотренных обязанностей.*

***Материалы и методы:** нормативную основу исследования составляет административное, административно-деликтное и уголовно-процессуальное законодательство, а также материалы судебной практики. Авторы статьи осуществили контент-анализ нормативных актов обозначенных видов законодательства и реализуют гносеологические возможности сравнительно-правового и историко-правового методов научного исследования.*

***Результаты исследования:** исследуются нормативно-правовые основы и проблемы реализации правового статуса потерпевшего как одного из ключевых участников производства по делам об административных правонарушениях.*

***Выводы и заключения:** в заключении авторы статьи делают выводы о необходимости нормативного закрепления обязанностей потерпевшего в производстве по делам об административных правонарушениях, что, по их мнению, позволит «прояснить» особенности правового статуса потерпевшего в контексте задач производства по делам об административных правонарушениях.*

***Ключевые слова:** участники, потерпевший, административно-правовой статус, обязанности, административное законодательство, административное правонарушение.*

***Для цитирования:** Давыдов М. В., Лубский Р. А. Понятие «потерпевший» и проблемы реализации его административно-правового статуса в производстве по делам об административных правонарушениях / М. В. Давыдов, Р. А. Лубский // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1 (104). – С. 14–20.*

Original paper

**THE CONCEPT OF «VICTIM» AND PROBLEMS OF IMPLEMENTATION
OF ITS ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS IN PROCEEDINGS
ON ADMINISTRATIVE OFFENCES**

Davydov Maxim Vyacheslavovich

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russian Federation

Lubsky Roman Anatolyevich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article, based on the norms of Russian legislation, as well as various doctrinal sources in the field of administrative law, examines the legal and regulatory foundations for the implementation of the legal status of the victim as one of the key participants in the proceedings on administrative offenses. An analysis of the relevant type of legislation allows to conclude that, firstly, of all the participants in the proceedings, the status of the victim is regulated to the least extent; secondly, its individual elements are fragmented and contained in various parts of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. Due to these circumstances, within the framework of the article, the authors tried to formulate a number of scientifically-based recommendations aimed at improving the administrative and legal status of the victim in terms of summarizing his basic rights, as well as normative consolidation of the stipulated duties.

Materials and methods: the normative basis of the study is administrative, administrative-tort and criminal procedure legislation, as well as materials of judicial practice. The authors of the article have carried out a content analysis of the normative acts of the indicated types of legislation and implement the epistemological possibilities of comparative-legal and historical-legal methods of scientific research.

Results of the research: the legal and regulatory framework and the problems of implementing the legal status of the victim as one of the key participants in the proceedings on administrative offenses are examined.

Conclusions: in summary the authors of the article draw conclusions about the need for normative consolidation of the victim's duties in the proceedings on administrative offenses which, in their opinion, will allow «to clarify» the specifics of the victim's legal status in the context of the tasks of the administrative proceedings.

Keywords: participants, victim, administrative legal status, duties, administrative legislation, administrative offense.

For citation: Davydov M.V., Lubsky R.A. Ponyatiye «poterpevshiy» i problemy realizatsii yego administrativno-pravovogo statusa v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyyakh [The concept of «victim» and problems of implementation of its administrative and legal status in proceedings on administrative offences]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 2023. № 1 (104). P. 14–20.

В соответствии со ст. 25.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях потерпевшим является физическое лицо или юридическое лицо, которым административным правонарушением причинен физический, имущественный или моральный вред [4]. В структуре участников производства по делам об административных правонарушениях потерпевший по праву занимает одно из основных мест, поскольку содержание административно-юрисдикционной деятельности сводится не только к изобличению виновных лиц в совершении административных правонарушений и привлечению их к ответственности, но также и защите прав и свобод всех лиц, пострадавших от противоправных посягательств.

Термин «потерпевший» традиционно используется в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. В административном законодательстве впервые это понятие было закреплено еще в 1980 г. в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях [7]. Причем само содержание процессуального статуса потерпевшего не раскрывалось, а лишь указывалось на него как на субъекта соответ-

ствующего вида производства. Подобная терминологическая особенность эволюционировала в структуру последующего КоАП РСФСР, принятого в 1984 г., в рамках которого в содержании правового статуса потерпевшего практически ничего не изменилось [5]. И лишь с принятием действующего КоАП РФ юридическое представление о потерпевшем подверглось существенной трансформации: наряду с физическим лицом теперь потерпевшим может быть признано и юридическое лицо.

Особенности правового статуса потерпевшего и его различные интерпретации в науке административного права, как правило, осуществляются в контексте прояснения его материально-правовых либо процессуальных аспектов. Отчасти это можно объяснить тем, что именно эти аспекты сущности правового статуса потерпевшего, как показывает исследовательская практика, вызывают традиционный интерес у специалистов. Материально-правовая составляющая правового статуса потерпевшего, исходя из ч. 1 ст. 4.7 КоАП РФ, обусловлена взаимосвязью правонарушителя и потерпевшего. Этот аспект правового статуса используется для принятия решения судьей о возмещении имущественного ущерба в пользу

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

потерпевшего. В свою очередь, процессуальный аспект статуса потерпевшего, как отмечают некоторые исследователи, включает в себя совокупность прав и обязанностей, с помощью которых он реализует свой правовой статус (ст. 25.2 КоАП РФ) [2, с. 7]. Несмотря на то, что большинство составов КоАП РФ носят формальный характер и не предполагают негативных последствий, участие потерпевшего в производстве может осуществляться независимо от их наступления [9].

В связи с этим очень важным представляется вопрос о том, с какого момента лицо официально приобретает статус потерпевшего, позволяющий ему участвовать наравне с другими участниками в производстве. Некоторые специалисты появление потерпевшего по делу автоматически связывают с причинением последнему вреда от противоправного посягательства [1, с. 115]. Однако данное положение весьма условно коррелирует с позицией Верховного Суда РФ по этому вопросу, кроме того, о существовании вреда может стать известно и на более поздних стадиях производства. Как представляется, достаточно большим потенциалом обладает исследовательская позиция, в соответствии с которой приобретение статуса потерпевшего возможно только после официального признания лица в качестве потерпевшего. Проблема, требующая своего разрешения, имеет две грани. Действующее законодательство не содержит конкретных указаний, во-первых, с какого момента в производстве по делу появляется потерпевший, во-вторых, какой должна быть процедура его официального закрепления. В отличие от норм уголовно-процессуального законодательства признание лица потерпевшим в соответствии с административным законодательством не требует вынесения конкретного правоприменительного акта [11]. Применительно к данному вопросу в качестве нормативного закрепления рассматриваемого правового статуса достаточным будет отражение в протоколе об административном правонарушении или ином процессуальном документе, составленном с участием потерпевшего, его данных. При этом не имеет значения, кто из должностных лиц принимает решение о приобретении лицом статуса потерпевшего, поскольку указанное право может возникнуть на любой стадии производства. Несмотря на

то, что по многим административным правонарушениям для привлечения виновных к ответственности фигура потерпевшего является посредственной, возникновение административно-правового статуса определяется с момента совершения административного правонарушения, повлекшего причинение соответствующего вреда (физического, имущественного или морального). Статья 25.2 КоАП РФ определяет статус потерпевшего в общем виде, детализация его прав и обязанностей представлена в статьях, регулирующих производство в целом.

В отличие от норм уголовно-процессуального законодательства административное законодательство не предусматривает деление участников производства по делам об административных правонарушениях на стороны обвинения или защиты [11]. Вместе с тем статус потерпевшего в рамках административного законодательства аналогичен статусу потерпевшего от уголовных преступлений, что подтверждается положениями ст. 52 Конституции Российской Федерации. Законодательно правовой статус потерпевшего в производстве по делам об административных правонарушениях определен в ст. 25.2 КоАП РФ. При детальном анализе содержания рассматриваемой статьи мы видим, что основной акцент законодателя сделан на правах потерпевшего, тем самым подчеркивается его процессуальное положение по отношению к правонарушителю, чьи действия повлекли негативные последствия для лица. Указанные права составляют содержание правового статуса потерпевшего, позволяющие ему защищать свои законные интересы и распространяются на все стадии производства по делам об административных правонарушениях.

Исследуя содержание КоАП РФ, можно сделать вывод, что правовой статус потерпевшего вовсе не ограничивается содержанием ст. 25.2 КоАП РФ, отдельные его права прописаны в нормах иных положений КоАП РФ. Так, согласно ст. 28.2 при составлении протокола об административном правонарушении потерпевший имеет право ознакомиться с его содержанием, предоставить замечания по поводу его содержания с обязательным их закреплением в тексте. Аналогично обстоят дела с возможностью ознакомиться с процессуальными документами, оформленными с участием потерпевшего (протоколом осмотра места

совершения административного правонарушения, результатами экспертиз).

Не менее важное право, позволяющее защищать свои интересы, связано с предоставлением потерпевшим доказательств по делу. Анализ законодательства об административных правонарушениях позволяет прийти к выводу, что указанное право является одним из ключевых. Причем таким правом он обладает на всех стадиях производства вплоть до вынесения постановления по делу. «Разрозненность» отдельных элементов его правового статуса наглядно подтверждает, что право предоставления доказательств со стороны потерпевшего может выражаться в ходатайстве о проведении различных экспертиз, изъятии вещей и документов, истребовании видеозаписей, приводе лиц для дачи объяснений и т. д.

По общему правилу рассмотрение дела об административном правонарушении осуществляется с участием потерпевшего. Этим утверждением законодатель как бы дает понять, что его непосредственное участие позволяет решать объективно и всесторонне задачи производства, в достижении которых заинтересовано государство. Исключением из этого правила являются случаи, предусмотренные содержанием ч. 3 ст. 25.2 КоАП РФ. Рассмотрение дела в отсутствие потерпевшего является исключительной мерой и связано с надлежащим его уведомлением, а также отсутствием ходатайства об отложении рассмотрения дела.

Потерпевший по делу об административном правонарушении пользуется теми же правами, что и другие участники производства. В случае если он не владеет языком, на котором ведется производство по делу, он может воспользоваться помощью переводчика. В случае необходимости потерпевший может прибегнуть к юридической помощи для защиты своих прав и законных интересов к представителю (ч. 1 ст. 25.5 КоАП РФ). При несогласии с вынесенным решением по делу потерпевший может подать жалобу на вынесенное постановление.

Достаточно сложным и дискуссионным видится вопрос содержания возложенных обязанностей на потерпевшего. В контексте интересующего нас вопроса определенные сложности могут возникнуть у судьи, органа, должностного лица при реализации требований по разъяснению прав и обязанностей потерпевшему в рамках выполнения отдельных

процессуальных действий. Например, ч. 3 ст. 28.2 КоАП РФ обязывает должностное лицо, составляющее протокол об административном правонарушении, разъяснять иным участвующим лицам (если потерпевший присутствует) их права и обязанности. Однако реализовать данное требование видится довольно сложным. Да и практика показывает, что мало кто из должностных лиц придерживается этого требования. Части 2, 3, 4 ст. 25.2 КоАП РФ закрепляют только отдельные права потерпевшего, относительно обязанностей вообще ничего не сказано.

Так, право судьи, органа, должностного лица опрашивать потерпевшего трансформируется в его обязанность явиться к субъекту административной юрисдикции по вызову. В связи с этим принципиальное значение имеет решение вопроса о порядке вызова потерпевшего для участия в производстве по делу. Нормы КоАП РФ указанный порядок нормативно не закрепляют. В связи с этим Верховный Суд РФ допускает уведомление потерпевшего с использованием любых доступных средств связи [9]. На сегодняшний день одной из самых распространенных форм извещения выступает СМС-сообщение, в случае согласия лица на уведомление таким способом. Получается, что надлежащим образом извещенный потерпевший по делу об административном правонарушении, проигнорировав требование должностного лица (органа) явиться для дачи объяснений, никак не может законно понести ответственность за неисполнение указанного требования [6, с. 64–69]. В связи с этим видится целесообразным ст. 27.15 КоАП РФ дополнить возможностью подвергнуть потерпевшего приводу в случае необходимости. Указанное требование никак не ограничивает правовой статус потерпевшего, но при этом будет дисциплинировать его к выполнению требований должностных лиц.

В научной юридической литературе можно встретить точку зрения, предусматривающую необходимость законодательного закрепления в качестве одной из самостоятельных обязанностей потерпевшего дачу объяснений суду, органу, должностному лицу [8, с. 37]. Дело в том, что КоАП РФ эти обязанности прямо ни в одной из статей не закрепляет, что опять же усложняет решение самой важной задачи административного производства – принятия правильного, обоснованного и законного

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

решения [3, с. 151–152]. Однако с таким утверждением трудно согласиться, поскольку хоть и получение объяснений от потерпевшего служит одним из доказательств по делу, необходимым для установления истины, ст. 51 Конституции России прямо это опровергает в качестве обязательного требования для исполнения. В данном случае такая обязанность идет вразрез с конституционным правом не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников.

Все эти сложности, как представляется, свидетельствуют о недостаточном внимании законодателя к их разрешению. Анализ содержания положений КоАП РФ, по всей видимости, доказывает, что из всех участников производства по делам об административных правонарушениях обязанности потерпевшего урегулированы в наименьшей степени. В рамках разнообразных форм правового дискурса неоднократно обсуждался вопрос о необходимости системного подхода к анализу правового статуса потерпевшего. Учитывая, что процессуальный статус лица традиционно связывают с совокупностью прав, обязанностей, гарантий и ответственности, необходимо исходить из того, что если потерпевшему причинен вред, то государственные институты должны его ему возместить, что лишний раз подчеркивает значимость обязанностей как элементов структуры рассматриваемого статуса.

В связи с этим целесообразно нормативно закрепить перечень обязанностей потерпевшего как одного из субъектов производства по делам об административных правонарушениях. В настоящее время подобной нормы в КоАП РФ нет. Обязанности потерпевшего законодательно не предусмотрены и в проекте Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, который предусматривает лишь совокупность разрозненных обязанностей потерпевшего в зависимости от стадии его участия. Ныне действующее административное законодательство приобретение потерпевшим обязанностей увязывает с началом его опроса в статусе свидетеля. Подобная двусмысленная формулировка, «смешивающая» правовой статус потерпевшего со свидетелем, представляется абсолютно непродуктивной и малоэффективной.

По мнению авторов статьи, представляется очевидным, что закрепление в КоАП РФ

обязанностей потерпевшего, во-первых, автоматически возлагает на него ответственность за их неисполнение, во-вторых, их формулировка будет способствовать реализации должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы по делам об административных правонарушениях, положений ч. 3 ст. 28.2 КоАП РФ по разъяснению им их правового статуса.

В этой связи представляется необходимым решить вопрос о закреплении обязанностей потерпевшего на уровне законодательства. Как полагают авторы статьи, законодатель не уделил необходимого внимания вопросам закрепления правового статуса потерпевшего в части конкретизации обязанностей, посчитав, что раз лицу причинен вред (физический, имущественный или моральный), то это достаточно для правовой регламентации его статуса.

С целью устранения этой проблемы, по мнению авторов статьи, необходимо ст. 25.2 КоАП РФ дополнить следующим содержанием:

Потерпевший обязан:

1) являться по вызовам судьи, должностного лица, органа, в производстве которых находится дело об административном правонарушении;

2) предоставлять имеющиеся у него предметы, документы, а также образцы для сравнительного исследования по требованию судьи, должностного лица органа, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении;

3) подчиняться иным законным распоряжениям судьи, должностного лица органа, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении.

Действующее российское законодательство защиту и восстановление нарушенных прав граждан, пострадавших от противоправных действий, рассматривает в качестве первоочередных задач. В то же время следует помнить, что государство при возмещении вреда лицу, пострадавшему от противоправных действий, обязано не только создавать условия, необходимые для реализации им правового статуса, путем участия в различных процессуальных действиях, предоставления доказательств, подачи ходатайств и т. д., но и требовать выполнения с его стороны обязанностей. Нормативное закрепление указанных обязанностей никак не повлияет и не ограничит его участие в разбирательстве по делу, но в то же время, с одной стороны, будет способствовать

его «вовлеченности в процесс», с другой – исключит необоснованное злоупотребление правом.

Одной из таких обязанностей потерпевшего в соответствии со ст. 25.8 и 25.9 КоАП РФ является обязанность отвечать на вопросы, интересующие специалиста или эксперта. Вместе с тем в случае отказа либо сообщения ложных сведений КоАП РФ ответственности не предусматривает, поэтому, по мнению авторов статьи, в структурах современного российского административного законодательства целесообразно закрепить определенный вид административной ответственности за показания, являющиеся неполными или носящими недостоверный характер.

Также в зависимости от обстоятельств рассмотрения дела об административном правонарушении могут возникнуть ситуации, когда в рамках проведения экспертизы может возникнуть потребность в представлении образцов почерка потерпевшего. В отношении действий потерпевшего эти вопросы также остались за пределами правового регулирования. При этом в случае нормативного закрепления этой обязанности потерпевшего вопросы получения образцов его почерка, необходимые для сравнительного исследования, утратят свою актуальность.

При всей проблемности и противоречивости правового статуса потерпевшего закон пре-

дусмотрел определенные гарантии потерпевшему в связи с производством по делу. Так, ст. 25.14 КоАП РФ возмещает потерпевшему, его законным представителям в установленном Правительством Российской Федерации порядке понесенные расходы в связи с участием в производстве [10]. В рамках административного производства не предусмотрено возмещение причиненного вреда потерпевшему, нормы ст. 29.10 КоАП РФ об этом ничего не говорят. В случае если потерпевший рассчитывает на получение денежной компенсации за причиненный физический, моральный и имущественный вред, подобные вопросы уже будут решаться в рамках гражданского законодательства.

Таким образом, исследование проблем, возникающих в рамках реализации элементов административно-правового статуса потерпевшего в производстве по делам об административных правонарушениях, позволяет авторам статьи сделать вывод о необходимости нормативного закрепления его обязанностей как участника производства по делам об административных правонарушениях, что, прежде всего, позволит «прояснить» особенности правового статуса потерпевшего в контексте необходимости квалифицированного решения задач производства по делам об административных правонарушениях.

Список источников

1. Бахрах Д.Н., Герман Е.С. Вопросы административно-процессуального статуса потерпевшего в производстве по делам об административных правонарушениях // Современное право. 2010. № 5.
2. Вербицкая М.А. Потерпевший как участник производства по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
3. Габдуллин Т.Р., Пестов Р.А. К вопросу о разработке проектов Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Евразийский юридический журнал. 2016. № 8(99).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях от 20 июня 1984 г. Доступ

References

1. Bakhrakh D.N., German E.S. Questions of the administrative-procedural status of the victim in proceedings on cases of administrative offenses // Modern law. 2010. № 5.
2. Verbitskaya M.A. The victim as a participant in the proceedings on administrative offenses: abstract. thesis. ... PhD in Law. Moscow, 2013.
3. Gabdullin T.R., Pestov R.A. On the issue of drafting the Code of the Russian Federation of Administrative Offences // Eurasian Legal Journal. 2016. № 8(99).
4. Code of the Russian Federation on Administrative Offences of December 30, 2001 № 195-FZ. Access from legal reference system «Consultant-Plus».
5. The RSFSR Code of Administrative Offences of June 20, 1984 Access from legal reference system «ConsultantPlus» (repealed).
6. Lubsky A.V., Lubsky R.A., Pestov R.A. Features of reflexive and non-reflexive structures

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (утратил силу).

6. Лубский А.В., Лубский Р.А., Пестов Р.А. Особенности рефлексивных и нерефлексивных структур правового поведения в современном российском обществе // *Философия права*. 2019. № 1(88).

7. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях от 23 октября 1980 г. № 3145-Х. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (утратил силу).

8. Панькин А.А., Холопова Е.Н. Придание субъекту административной юрисдикции статуса участника производства по делам об административных правонарушениях как способ реализации принципа состязательности (на примере пограничных органов) // *Юридический мир*. 2013. № 3(195).

9. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О порядке и размерах возмещения расходов некоторых участников производства по делам об административных нарушениях и оплате их труд: постановление Правительства Российской Федерации от 4 марта 2003 г. № 140. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

of legal behavior in modern Russian society // *Philosophy of Law*. 2019. № 1(88).

7. Fundamentals of the legislation of the USSR and the Union Republics on administrative offenses of October 23, 1980 № 3145-X. Access from legal reference system «ConsultantPlus» (repealed).

8. Pankin A.A., Kholopova E.N. Giving a subject of administrative jurisdiction the status of a participant in proceedings on administrative offenses as a way to implement the adversarial principle (on the example of border authorities) // *Legal World*. 2013. № 3(195).

9. On certain issues arising from the courts in the application of the Code of the Russian Federation of Administrative Offences: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 5 of March 24, 2005. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

10. On the procedure and amounts of reimbursement of expenses of certain participants in proceedings on cases of administrative violations and payment for their work: Resolution of the Government of the Russian Federation № 140 of March 4, 2003. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

11. Criminal Procedure Code of the Russian Federation № 174-FZ of December 18, 2001. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Давыдов Максим Вячеславович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел. Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова. 302025, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Лубский Роман Анатольевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры административного права. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Davydov Maxim Vyacheslavovich, PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies. Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs Russia named after V.V. Lukyanov. 2, Ignatova str., Orel, 302025, Russian Federation.

Lubsky Roman Anatolyevich, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative Law. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs Of Russia. 83, Eremenko str., Rostov-on-Don, 344015, Russian Federation.

ДОСМОТРОВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН

Ефимов Александр Александрович

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, Ставрополь, Российская Федерация,
proffi_2006@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются проблемы, связанные с реализацией досмотровой деятельности, осуществляемой полицией. Совершенствование данного направления служебной деятельности органов внутренних дел поможет повысить эффективность работы полиции по выявлению лиц, имеющих намерения к совершению преступлений при проведении публичных и массовых мероприятий.

Материалы и методы: нормативные правовые акты, материалы научной литературы; диалектический, формально-логический и другие общенаучные методы исследования; специально-юридические методы: сравнительно-правовой и формально-юридический.

Результаты исследования: определены правовые основы деятельности полиции по проведению досмотровых мероприятий граждан, тактика проведения досмотровых мероприятий сотрудниками полиции при проведении публичных и массовых мероприятий, тактика проведения досмотровых мероприятий сотрудниками полиции при проведении крупных международных спортивных мероприятий, действия сотрудников полиции при обнаружении подозрительных предметов при проведении досмотровых мероприятий.

Выводы и заключения: на основе анализа правового регулирования досмотровой деятельности сотрудников полиции делаются выводы о необходимости улучшения подготовки сотрудников полиции по тактике проведения досмотровых мероприятий и совершенствования методического обеспечения и нормативного регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: публичные мероприятия, массовые мероприятия, осмотр, досмотр, личный досмотр, меры административного принуждения.

Для цитирования: Ефимов А. А. Досмотровые мероприятия как основа обеспечения безопасности граждан / А. А. Ефимов // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1 (104). – С. 21–26.

Original paper

SEARCH MEASURES AS A BASIS FOR ENSURING THE SAFETY OF CITIZENS

Efimov Alexander Alexandrovich

Stavropol Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Stavropol, Russian Federation

Introduction: the article discusses the problems associated with the implementation of search activities carried out by the police. Improving this activity area of the internal affairs bodies will help to increase the effectiveness of police work in identifying persons with intent to commit crimes during public and mass events.

Materials and methods: normative legal acts, materials of scientific literature; dialectical, formal-logical and other general scientific research methods; special legal methods: comparative legal and formal legal.

Results of the research: the legal basis of the police's activities for conducting searching of citizens, the tactics of conducting searches by police officers during public and mass events, the tactics of conducting searches by police officers during major international sporting events, the actions of police officers when detecting suspicious objects during searches are determined.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Conclusions: based on the analysis of the legal regulation of police search activities, conclusions are drawn about the need to improve the training of police officers in search tactics and improve methodological support and legal regulation in this area.

Keywords: public events, mass events, inspection, search, body search, administrative enforcement measures.

For citation: Efimov A.A. *Dosmotrovyye meropriyatiya kak osnova obespecheniya bezopasnosti grazhdan [Search measures as a basis for ensuring the safety of citizens]. Filosofiya prava – Philosophy of Law. 2023. № 1 (104). P. 21–26.*

Многообразие административно-предупредительных мер имеет тесную взаимосвязь с широким кругом субъектов исполнительной власти, уполномоченных на их применение. К числу таких мер можно отнести осуществление контрольно-надзорных проверок; выдачу предписаний на устранение причин и условий совершения противоправных действий; осмотр, досмотр транспорта, личный досмотр физических лиц, досмотр багажа; прекращение либо ограничение движения автотранспорта и пешеходов и многие другие.

В соответствии с Федеральным законом от 7.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») сотрудникам органов внутренних дел предоставляется право применять различные административно-предупредительные меры. Это проверка документов, административный надзор, производство досмотра вещей, а также в случае необходимости и личного досмотра и осмотра. Закон предусматривает возможность применения и других мер административного принуждения.

В соответствии с п. 6 ст. 12 ФЗ «О полиции» на полицию возложена обязанность обеспечивать совместно с представителями органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаторами собраний, митингов, демонстраций, шествий и других публичных мероприятий безопасность граждан и общественный порядок, оказывать в соответствии с законодательством Российской Федерации содействие организаторам спортивных, зрелищных и иных массовых мероприятий в обеспечении безопасности граждан и общественного порядка в местах проведения этих мероприятий.

Массовые мероприятия требуют особой и повышенной безопасности. Это связано с тем, что мероприятие такого типа подразумевает наличие большого количества людей в общественном месте, что может быть связано с серьезными угрозами их безопасности.

Усиления роста преступлений террористической направленности влечет за собой повышение качества проведения досмотровых мероприятий, а также необходимость организации досмотровых мероприятий на КПП со специальными техническими средствами, а также обеспечения сотрудников полиции на пункте досмотра специальными средствами, а при проведении масштабных массовых мероприятий применять средства, которые помогут обеспечить локализацию взрыва. В настоящее время нельзя сказать, что сотрудники полиции всегда осуществляют качественную работу по проведению личного осмотра граждан, выявления у граждан опасных предметов и веществ, запрещенных к проносу в места проведения публичного и массового мероприятия, в том числе оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, ядовитых и радиоактивных веществ. Без специальной техники и качественной подготовки сотрудников, к сожалению, выявить у граждан наличие опасных предметов и веществ, на наш взгляд, довольно сложно.

Также следует отметить, что в настоящий момент сформировалась достаточно разветвленная система досмотровых мероприятий, проводимых сотрудниками полиции, но некоторые ее теоретические, методологические и иные аспекты требуют дальнейшей разработки.

Характеризуя досмотровые мероприятия, следует отметить их первостепенное значение в практической деятельности органов внутренних дел, поскольку они, во-первых, являются действенным средством обеспечения безопасности граждан, личной безопасности сотрудников полиции, транспортной безопасности, безопасности на охраняемых объектах, а во-вторых, применяются с целью обнаружения запрещенных предметов.

При этом досмотровые мероприятия могут осуществляться двумя способами: осмотр и досмотр.

Досмотр также можно классифицировать, исходя из целей его проведения:

– досмотр граждан, находящихся при них вещей и транспортных средств при въезде и (или) выезде с охраняемых объектов;

– досмотр пассажиров, багажа, ручной клади на железнодорожном, водном или воздушном транспорте в целях изъятия вещей и предметов, запрещенных для перевозки;

– наружный досмотр одежды и вещей задержанных (был предусмотрен п. 266 Устава ППСР);

– досмотровые мероприятия, регламентированные гл. 27 КоАП РФ.

Что касается процедуры осмотра, данное понятие законодательно не закреплено, как и не закреплена сама процедура осмотра. Изучив научную литературу, мы можем предложить следующую трактовку определения осмотра. Личный осмотр – это визуальное обследование лица либо вещей, находящихся при нем, осуществляемое путем осмотра с целью выявления и обнаружения внешнего сходства с предметами, средствами и веществами, запрещенными к свободному обороту на территории Российской Федерации, осуществляемое специально уполномоченным лицом.

Анализ положений ФЗ «О полиции» позволяет выделить следующие виды осмотра:

– личный осмотр граждан, находящихся при них вещей, при проходе в места проведения массовых мероприятий;

– осмотр граждан, находящихся при них вещей и транспортных средств при въезде и (или) выезде с охраняемых объектов;

– осмотр транспортных средств и грузов;

– осмотр, регламентированный КоАП РФ.

Одной из мер по предупреждению террористических актов и иных противоправных действий, обеспечению безопасности граждан при проведении массовых мероприятий является недопущение попадания на место проведения мероприятий, представляющих угрозу для окружающих, холодного и огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, взрывных устройств и т. д.

В соответствии с п. 18 ст. 13 ФЗ «О полиции» полиция имеет право осуществлять совместно с организаторами публичных и массовых мероприятий личный осмотр граждан, находящихся при них вещей при проходе на территории сооружений, на участки местно-

сти либо в общественные места, где проводятся такие мероприятия.

С этой целью на подходе к месту проведения спортивного, культурно-зрелищного мероприятия или месту накопления участников митинга, шествия или демонстрации организуются контрольно-пропускные пункты (далее – КПП), оборудованные стационарными металлодетекторами. Помимо этого, сотрудники полиции, несущие службу на КПП, обеспечиваются портативными ручными металлодетекторами.

При организации обеспечения общественного порядка при проведении публичных мероприятий важно определить необходимое количество металлодетекторов, исходя из их пропускной способности, количества участников мероприятия и времени, отведенного на сбор участников.

Местоположение КПП, количество металлоискателей и задействованных сотрудников полиции определяются на подготовительном этапе массового мероприятия, а характеристики местности, количество участников и направление их движения изучаются при проведении рекогносцировки. Границы места массового мероприятия, меры ограничения, наиболее удобные маршруты подхода и отхода участников мероприятия уточняются в обязательном порядке.

При настройке оборудования необходимо также определить предметы поиска и установить требуемую чувствительность металлодетекторов. Одной из важнейших задач при организации осмотра является разделение потока людей и замедление их скорости движения, приемлемой для применения металлодетекторов. Для проверки граждан необходимо обеспечить установку контрольных столов, по одному на каждые два металлоискателя.

В том месте, где поток людей превращается в организованную очередь, должен быть сотрудник полиции, регулирующий поток граждан. Он предупреждает граждан о необходимости подготовить предметы для проверки, визуально идентифицирует предметы, которые им запрещено проносить, и крупногабаритные предметы, а также объясняет гражданам, что необходимо сдать вещи в камеру хранения, выявляет пьяных посетителей и сопровождает их за пределами контролируемой зоны или передает их соответствующим нарядам.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

За каждым стационарным металлодетектором должно быть не менее трех полицейских. Старший по КПП проверяет правильность прохождения через рамку, следит за сигналами индикаторов. Если есть подозрение, что кто-то из посетителей пытается пронести запрещенные предметы, старший принимает меры для обеспечения досмотра в соответствии с действующим законодательством. В случае необходимости должна быть обеспечена возможность осуществлять проверку одежды используя ручной металлодетектор. Как показывает практика, каскадный принцип осмотра с применением арочного металлодетектора плюс ручного металлодетектора позволяет значительно ускорить процесс осмотра, что особенно важно при организации массовых мероприятий. Женщина-сотрудник полиции должна быть включена в состав наряда для осмотра (досмотра) женщин.

Для желающих помимо входа должен быть беспрепятственный выход, на котором обязательно должен присутствовать сотрудник полиции. Если посетитель ушел, по возвращении он должен проходить полный осмотр через общую очередь.

В качестве предмета доставки взрывных устройств и взрывчатых веществ могут использоваться огнетушители, бытовое радио- и электрическое оборудование, термосы, детские игрушки, ящики, сумки. Необходимо учитывать, что эти предметы могут сохранять свои основные функции.

В случае обнаружения у гражданина, проходящего через КПП, взрывного устройства или напоминающего его предмета, до прибытия специалистов-взрывотехников сотрудникам полиции необходимо:

- немедленно прекратить проход граждан через рамку и рамки металлодетектора, находящиеся в непосредственной близости;
- немедленно сообщить об обнаружении взрывного устройства старшему сектору (дежурную часть);
- не создавая паники, принять меры по эвакуации ожидающих, а также уже прошедших КПП граждан, других сотрудников полиции;
- изолировать место размещения подозрительного предмета от доступа посторонних лиц.

Если предмет прикреплен к телу человека, запрещается пытаться удалить или обезврежи-

вать его самостоятельно. Необходимо изолировать данное лицо в отдельном помещении, служебном автомобиле или специальном транспортном средстве. В таком случае действия с задержанным следует проводить с минимальным числом сотрудников.

В целях обеспечения безопасности лиц при обнаружении предметов и оборудования, вызывающих подозрение на взрывоопасность, рекомендуется оборудовать наряды полиции, несущие службу на КПП, устройствами локализации взрыва, например, «ФОНТАН-1, ФОНТАН-2» и др.

Такие устройства обеспечивают снижение энергии, выделяющейся при взрыве, и, соответственно, уменьшают возможность разрушения и повреждения осколками, а также значительно снижают возможность возгорания.

Эффективное решение задач правоохранительных органов при подготовке и проведении публичных и массовых мероприятий требует согласованного подхода всех уполномоченных субъектов к охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

С этой целью необходимо совершенствование соответствующих компетенций сотрудников полиции, развитие умений и навыков в рамках требований, предъявляемых к обеспечению безопасности и правопорядка, а именно:

- 1) сотрудникам полиции необходимо владеть первоначальными навыками профайлинга;
- 2) знать способы сокрытия оружия, взрывчатых веществ, взрывных устройств и других опасных предметов и веществ, а также методы их выявления;
- 3) алгоритм осуществления досмотра и осмотра с использованием технических средств досмотра и мобильных инспекционно-досмотровых комплексов;
- 4) алгоритм действий сотрудников полиции при обнаружении опасных предметов и веществ в ходе досмотра и осмотра, при получении информации или возникновении угрозы совершения террористического акта;
- 5) алгоритм действий сотрудников полиции при выявлении радиоактивных веществ в ходе досмотра и осмотра с помощью радиационных мониторов.

Кроме того, важно на законодательном уровне исключить возможность совершения противоправных деяний при проведении досмотровых мероприятий, что достигается

путем подробной регламентации оснований, условий, субъектов и порядка применения мер административного принуждения. В противном случае без подобной тщательной регламентации, как показывает практика, возможны произвольные ограничения и нарушения прав и свобод не только участников, организаторов и зрителей крупных официальных международных спортивных соревнований и иных массовых мероприятий, но и других граждан, проживающих или находящихся на территории муниципальных образований, где проводятся такие мероприятия.

Кроме того, с позиций юридической техники является неоправданной практика принятия законов, рассчитанных на относительно непродолжительное время действия и не имеющих универсального характера для регулирования схожих общественных отношений. Например, это Федеральный закон от 01.12.2007 № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также Федеральный закон от 07.06.2013 № 108-ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года, чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

И хотя меры административного принуждения и безопасности, ранее содержащиеся в вышеуказанных законах, в дальнейшем нашли

свое закрепление в ст. 20 Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», они все же нуждаются в соответствующей конкретизации, не допускающей их произвольного толкования.

Таким образом, считаем необходимым выделить основные моменты, на которые следует обратить внимание:

1. Алгоритмы действий сотрудников полиции при проведении досмотра и осмотра в общественных местах при проведении публичных и массовых мероприятий известны и опробованы сотрудниками полиции на различных всероссийских и международных массовых, спортивных мероприятиях. Поэтому назрела необходимость обобщения имеющейся информации и опыта работы и создание хотя бы подзаконных нормативных правовых актов, которые бы четко определяли действия сотрудников полиции в различных ситуациях.

2. Необходимо проработать вопрос внесения дополнения в нормативные правовые акты МВД РФ, касающиеся обеспечения безопасности граждан и общественного порядка при проведении публичных и массовых мероприятий, о запрете несения службы на КПП и пунктах досмотра сотрудникам полиции, не прошедшим обучения досмотровым мероприятиям.

3. Разработать приказ МВД России «Об утверждении правил проведения личного осмотра (досмотра) граждан и находящихся при них вещей при проходе на территории сооружений, на участки местности либо в общественные места, где проводятся публичные и массовые мероприятия».

Список источников

1. О полиции: федер. закон от 07.02.2011. № 3-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.12.2022).

2. Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 01.12.2007 №310-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.12.2022).

References

1. About the police: federal law of 07.02.2011. №. 3-FZ // Consultant Plus: comp. legal reference system URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 12.21.2022).

2. On the organization and holding of the XXII Winter Olympic Games and the XI Paralympic Winter Games 2014 in Sochi, the development of Sochi as a mountain climate resort and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: federal law № 310-FZ of 01.12.2007 // Consultant Plus: comp. legal reference system. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 12.21.2022).

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

3. О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года, чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 07.06.2013 № 108-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.12.2022).

4. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 04.12.2007 № 329-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.12.2022).

5. Об утверждении Правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований: постановление Правительства РФ от 18.04.2014 №353 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.12.2022).

6. Об утверждении Инструкции об организации досмотра граждан, находящихся при них вещей, транспортных средств и провозимых на них вещей (в том числе с применением технических средств) при проходе (проезде) на контролируемую территорию и при выходе (выезде) с указанной территории в период проведения XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи: приказ МВД России от 11.10.2013 № 839 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.12.2022).

7. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности при проведении массовых мероприятий: методические рекомендации. М., 2013.

3. On the preparation and holding in the Russian Federation of the 2018 FIFA World Cup, the 2017 FIFA Confederations Cup, the 2020 UEFA European Football Championship and Amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: federal law № 108-FZ of 07.06.2013// Consultant Plus: comp. legal reference system. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 12.21.2022).

4. About physical culture and sports in the Russian Federation: federal law of the Russian Federation of 04.12.2007 № 329-FZ // Consultant Plus: comp. legal reference system. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 12.21.2022).

5. On the approval of the Rules for ensuring safety during official sports competitions: Resolution of the Government of the Russian Federation № 353 dated 18.04.2014 // Consultant Plus: comp. legal reference system. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 12.21.2022).

6. On approval of the Instruction on inspection of citizens, their belongings, vehicles and goods carried thereon (including those using technical means) upon entering (passing) the controlled territory and upon exiting (leaving) the specified territory during the XXII Olympic Winter Games and XI Paralympic Winter Games of 2014 in the city of Sochi: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 11.10.2013 №. 839 // Consultant Plus: comp. legal reference system. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 12.21.2022).

7. Organization of public order protection and public safety during mass events: methodological recommendations. Moscow, 2013.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ефимов Александр Александрович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности. Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России. 355035, Российская Федерация, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 43.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Efimov Alexander Alexandrovich, PhD in Education, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activity. Stavropol branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 43, Kulakov Ave., Stavropol, 355035, Russian Federation.

О СПЕЦИФИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Капранов Алексей Владимирович

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация, kapranov-61@yandex.ru

Ковган Екатерина Юрьевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, katerina27-93@mail.ru

Билоконь Виктор Петрович

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация, v.b_kon@mail.ru

Введение: в статье проведен анализ наиболее часто применяемых мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в деятельности полиции в контексте обеспечения безопасности в сфере дорожного движения.

Материалы и методы: исследование проведено на основе изучения нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность ГИБДД, статистических данных, отражающих реальную картину эффективности применения отдельных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в исследуемой области, а также научных публикаций, посвященных актуальной проблематике затронутой отрасли административного процесса; основу методов исследования составляет анализ особенности применения отдельных мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и их специфика в деятельности ГИБДД.

Результаты исследования: рассмотрена специфика наиболее часто применяемых в деятельности ГИБДД мер обеспечения производства по делу об административных правонарушениях, посредством которых обеспечивается безопасность дорожного движения: досмотр, задержание транспортного средства, отстранение от управления транспортным средством, разъяснено, как разграничиваются между собой такие принудительные меры, применяемые ГИБДД, как осмотр и досмотр, показана важность детальной регламентацией материальных и процессуальных норм по их применению как гарантий прав и свобод человека и гражданина, способов их защиты в ходе применения к ним указанных мер.

Выводы и заключения: в результате исследования сделаны выводы о специфике применения отдельных мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении во взаимосвязи с особенностями обеспечения безопасности дорожного движения, требованиями о соблюдении законности при их применении, в том числе и за счет четкого уяснения специфики смежных мер обеспечения по делу об административных правонарушениях, иных мер принуждения, применяемых в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: меры обеспечения производства, законность, административное правонарушение, административное производство, осмотр, досмотр, отстранение от управления транспортным средством, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, запрещение эксплуатации транспортного средства, медицинское освидетельствование.

Для цитирования: Капранов А. В., Ковган Е. Ю., Билоконь В. П. О специфике применения отдельных мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении в области обеспечения безопасности дорожного движения / А. В. Капранов, Е. Ю. Ковган, В. П. Билоконь // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1 (104). – С. 27–35.

ON THE SPECIFICS OF THE APPLICATION OF CERTAIN MEASURES
TO ENSURE THE PROCEEDINGS IN THE CASE OF AN ADMINISTRATIVE
OFFENSE IN THE FIELD OF ROAD SAFETY

Kapranov Alexey Vladimirovich

Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation

Kovgan Ekaterina Yurievna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Bilokon Viktor Petrovich

Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation

Introduction: *the article analyzes the most frequently used measures to ensure the proceedings in cases of administrative offenses in the activities of the police in the context of road safety.*

Materials and methods: *the study was conducted on the basis of the study of regulatory legal acts regulating the activities of the traffic police, statistical data reflecting the real picture of the effectiveness of the application of individual measures to ensure the proceedings in cases of administrative offenses in the studied area, as well as scientific publications devoted to the topical issues of the affected branch of the administrative process; the basis of research methods is the analysis of the prevalence of the use of individual measures to ensure the proceedings in the case of an administrative offense and their specifics in the activities of the traffic police.*

Results of the research: *the specifics of the measures most often used in the activities of the traffic police to ensure the proceedings in the case of administrative offenses, through which road safety is ensured: inspection, detention of a vehicle, suspension from driving a vehicle, explained how such coercive measures applied by the traffic police as examination and inspection are distinguished from each other, the importance of detailed regulation of material and procedural norms for their application as guarantees of human and civil rights and freedoms, ways to protect them during the application of these measures.*

Conclusions: *as a result of the study, conclusions were drawn about the specifics of the application of certain measures to ensure the proceedings in the case of an administrative offense in connection with the specifics of ensuring road safety, the requirements for compliance with the rule of law in their application, including through a clear understanding of the specifics of related security measures in the case of administrative offenses, other coercive measures, applied in this field.*

Keywords: *measures to ensure production, legality, administrative offense, administrative proceedings, examination, inspection, suspension from driving a vehicle, examination for alcohol intoxication, prohibition of vehicle operation, medical examination.*

For citation: *Kapranov A. V., Kovgan E. Yu., Bilokon V. P. O spetsifike primeneniya otdel'nykh mer obespecheniya proizvodstva po delu ob administrativnom pravonarushenii v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya [On the specifics of the application of certain measures to ensure the proceedings in the case of an administrative offense in the field of road safety]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 2023. № 1 (104). P. 27–35.*

Необходимость обеспечения безопасности дорожного движения не вызывает сомнений в связи с высокой смертностью, травматизмом на дорогах, количеством совершаемых дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), что объясняется не только человеческим фактором, связанным со снижением качества подготовки водителей, но и ростом владельцев автотранспортных средств, увеличением трафика грузоперевозок, состоянием дорог в стране, отсутствием должного внимания к профилактике безопасности дорожного движения со стороны водителей и др. Исследователи отмечают, что за последние десять лет в нашей стране погибло более 240 тыс. человек, социально-экономический ущерб составил более 8 000 млрд рублей, что, безусловно, выступает угрозой национальной безопасности [1, с. 247].

зок, состоянием дорог в стране, отсутствием должного внимания к профилактике безопасности дорожного движения со стороны водителей и др. Исследователи отмечают, что за последние десять лет в нашей стране погибло более 240 тыс. человек, социально-экономический ущерб составил более 8 000 млрд рублей, что, безусловно, выступает угрозой национальной безопасности [1, с. 247].

Безопасность дорожного движения является одной из базовых ценностей в государстве. В системе национальной безопасности защищаемые и охраняемые ценности находятся в неразрывном единстве, при соблюдении и признании ст. 2 Конституции РФ, в которой закреплено, что человек (по факту его жизнь), а также его права и свободы выступают высшей ценностью в государстве.

Понятие «безопасность» многоплановое, может рассматриваться в аспектах деятельности (процесса), результата этой деятельности, состояния, тенденции развития [2, с. 10–13], применимо в полной мере и к понятию «дорожное движение». Как деятельность безопасность рассматривается в совокупности с термином «обеспечение» и обозначает противодействие каким-либо нарушениям, последовательность осуществляемых мероприятий, как результат означает достигнутый уровень защищенности, как состояние осознание субъектом защищенности, как тенденция развития – вектор планируемых действий.

Выступая разновидностью безопасности, составной частью общественной и национальной безопасности, безопасность дорожного движения регулируется многочисленными законами и подзаконными актами, среди которых следует выделить: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Концепцию общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденную Президентом РФ от 14.11.2013 № ПР-2685, Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390, Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения».

В Законе «О безопасности дорожного движения» безопасность дорожного движения фиксируется как достигнутый уровень защищенности, результат, т. к. в ст. 2 данного закона указывается, что это состояние процесса, отражающего степень защищенности его участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий. Безопасность здесь законодателем определяется с позиций государственного управления.

Безопасность с позиций участников дорожного движения следует рассматривать и как состояние, в рамках которого граждане, их коллективы, как участники дорожного движения, осознают защищенность собственной жизни,

здоровья, сохранности личного и иного имущества при использовании дорог, мостов и других дорожно-транспортных объектов.

Обеспечение безопасности дорожного движения в контекстах и публичных, и частных интересов осуществляется преимущественно, как отмечал Конституционный Суд РФ в Постановлении по делу о проверке конституционности ч. 5 и 7 ст. 12.16, ч. 1 ст. 12.17, ч. 5 и 6 ст. 12.19 и ч. 2 ст. 12.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы от 24.04.2014, мерами административно-правового регулирования в деятельности целого ряда органов государственной власти. Среди них особо следует выделять подразделения Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России (далее – ГИБДД). Как свидетельствует Научный центр безопасности дорожного движения МВД России, практически все нарушения в сфере безопасности дорожного движения (99,3 %) пресекаются сотрудниками ГИБДД МВД России [3, с. 7].

Различные службы и подразделения ГИБДД вносят свой вклад в обеспечение безопасности дорожного движения посредством осуществления различных направлений правоохранительной деятельности: дорожно-патрульной службы (далее – ДПС), исполнения административного законодательства, технического надзора, регистрационной и экзаменационной работы, дорожного надзора и пропаганды безопасности дорожного движения.

ГИБДД призваны обеспечить безопасность дорожного движения и разрешить вопросы, связанные с функционированием дорог, их организационно-техническим оснащением, предоставлением государственных услуг в данной сфере, контроля за обстановкой и привлечением к ответственности нарушителей, максимально удобным, прозрачным, быстрым, доступным. Атмосфера безопасности участников дорожного движения складывается уже из факта несения службы патрулями ДПС на обслуживаемом участке, а также в результате осуществления ими целого комплекса мер, среди которых особо следует выделить меры обеспечения по делу об административном правонарушении.

Меры обеспечения по делу об административном правонарушении выступают

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

разновидностью мер административно-правового принуждения, применяются исключительно в целях, указываемых в ст. 27.1 КоАП РФ. Они применяются в рамках особого производства, когда решается вопрос о мере ответственности, налагаемой в соответствии с административным законодательством, что документально удостоверяется процессуальным документом, уполномоченным на составление протокола об административном правонарушении должностным лицом. Следует отметить, что указные меры не являются наказанием, имеют признак процессуальности [4, с. 37–38] и всегда сопряжены с ограничением прав граждан [5, с. 58–59].

Меры обеспечения по делу об административном правонарушении применяются различными подразделениями полиции, те из них, которые применяются в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, обладают особой спецификой. Согласно сведениям государственной статистики, самыми часто применяемыми среди мер обеспечения по делу об административном правонарушении в деятельности уполномоченных субъектов в 2021 г. выступали задержание и доставление (396 883 и 391 155 – соответственно), чуть меньше по количеству – меры, применяемые исключительно в сфере пресечения правонарушений в сфере безопасности дорожного движения: применено 246 458 отстранений от управления транспортными средствами, освидетельствований на состоянии алкогольного опьянения – 1 919 310, задержаний транспортных средств, запрещенных к эксплуатации, – 140 566, и в разы меньше применялись: привод – 12 837, изъятие вещей и документов – 28 880, временный запрет деятельности – 1 586 и др. [8]¹. Подобная пропорция неизменно соблюдается из года в год.

Сотрудники ГИБДД в пределах своих полномочий вправе применять различные меры обеспечения производства, регламентируемые гл. 27 КоАП РФ: доставление, административное задержание, личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, изъятие вещей и документов, привод. Однако наиболее часто применяются следующие: досмотр транспортного средства (ст. 27.9), отстра-

нение от управления транспортным средством, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения (ст. 27.8), задержание транспортного средства (ст. 27.13).

Особенности применения указанных мер, их специфика и проблематика в деятельности ГИБДД взаимосвязаны с вопросами обеспечения законности при их применении [6, с. 35; 71–74], обусловлены правовыми и техническими аспектами выявления административных дел в рассматриваемой сфере [7, с. 90–94].

Так, например, при применении досмотра транспортного средства вопросы соблюдения законности в части соблюдения требований к проведению осмотра транспортного средства и досмотра по лицам, времени и другим показателям выступают одними из спорных. Вместе с тем, что касается процедурных аспектов, целей, основных принципов проведения рассматриваемых мер принуждения, то они детально урегулированы гл. 27 КоАП РФ и Административным регламентом по исполнению МВД России функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства РФ в области безопасности дорожного движения 2017 г., утвержденным Приказом МВД РФ от 23.08.2017 № 664 (далее – Административный регламент № 664). В соответствии с их положениями сотрудники полиции вправе осуществлять досмотр, осмотр транспорта, осмотр физических лиц, досмотр перевозимых лиц и их вещей.

Осмотр и досмотр различаются процедурно, но прежде всего им предшествует остановка транспорта, которую сотрудник ГИБДД осуществляет в соответствии с установленными Административным регламентом № 664 основаниями (проверка документов на право пользования и управления, документов на перевозимый груз) в целях пресечения нарушения и осуществления производства по делу об административном правонарушении. Следует отметить, что сотрудник полиции имеет право останавливать транспорт и осматривать его на основе п.п. 20, 25 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» в силу своих обязанностей, установленных Административным регламентом № 644. Осмотр выступает

¹ Административные правонарушения. Применение мер обеспечения. URL: <http://stat.апи-пресс.рф>. (дата обращения: 01.09.2022).

правом сотрудника полиции осмотреть автотранспорт при подозрении, что он используется в противоправных целях. Следует отличать его от технического осмотра, под которым подразумевается диагностирование автотранспорта оператором на предмет наличия каких-либо неисправностей [8, с. 190–193], а также от осмотра, осуществляемого в регистрационных подразделениях ГИБДД на предмет выявления распилов транспортных средств по днищу, полу, порогу, в целях уменьшения оплаты пошлин на ввозимые в страну автомобили [9, с. 158–162].

При проведении осмотра сотрудник полиции не имеет права проникать внутрь автотранспорта, открывать дверь, а водитель может не покидать салон, т. к. осмотр не является мерой принуждения. Ограничения прав граждан при применении данной меры минимальны. Осмотр осуществляется при проведении спецопераций, обнаружении неисправностей, несоответствии грузов заявленному в документах и др. Результаты осмотра оформляются актом осмотра транспортного средства и груза с перечнем всех необходимых реквизитов (п. 200 Административного регламента № 644), в том числе о производимых в ходе осмотра фото-, кино съемки, видеозаписи, которые прилагаются к акту. В случае отсутствия оснований к производству иных действий водителю разрешается продолжить маршрут по пути его следования.

Досмотр характеризуется как более серьезная по характеру ограничений прав граждан мера воздействия на владельцев автотранспорта, применяемая в порядке гл. 27 КоАП РФ. Досмотр осуществляется при наличии у сотрудника серьезных оснований (например, о нахождении в автомобиле запрещенных к обороту предметов и веществ, а также орудий и предметов правонарушений либо преступлений, отказ водителя от осмотра и др.). Осуществляя досмотр, инспектор ДПС имеет право вторгнуться в личное пространство водителя, открыть двери автомобиля, открыть багажник, осуществить контроль находящихся в автомобиле лиц, произвести проверку груза на наличие в его внутреннем содержимом запрещенных предметов, веществ, орудий либо предметов правонарушений или преступлений. При этом сотруднику ГИБДД недопустимо притрагиваться к вещам, поклаже пассажи-

ров, водителя, т. к. подобные действия выйдут за рамки процедуры досмотра, квалифицируются как обыск, который, как известно, применяется в рамках возбужденного уголовного дела, а в случаях с досмотром признаются незаконными. С учетом более серьезного характера посягательств на неприкосновенность личности, достоинство личности, ответственность в ходе досмотра необходимо соблюдать процессуальное требование о сопровождении его двумя понятыми. В настоящее время существуют системы досмотра автотранспорта, применяемые для обнаружения инородных предметов, установленных на днище автомобиля. Данная система помогает выявить наличие в полостях шасси и других местах такие опасные и запрещенные объекты, как взрывные устройства, оружие, взрывчатые вещества и т. п. Организация такого досмотра помогает обеспечить безопасность на массовых мероприятиях, на объектах различного назначения (пункты таможенного контроля, АЭС и т. п.).

Таким образом, как по существу, содержанию, основаниям, процедурному порядку досмотр и осмотр существенно различаются, хотя граница между ними очень тонка. Осмотр транспортного средства – это право сотрудника внешне визуальное исследование автотранспорт с целью обнаружения признаков правонарушения (следов ДТП, выявление неисправностей и др.). Досмотр – мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении, преследует цель обнаружения орудий совершения либо предметов административного правонарушения. Процедурно отличия состоят в том, что существует запрет прикасаться к транспортному средству, вещам, находящимся внутри него при осмотре. Осмотр предполагает визуальное изучение транспортного средства, заглядывание в салон через окна, осмотр фонарей, бампера и иных частей транспортного средства на предмет нахождения следов правонарушения или провоза запрещенных к обороту предметов, разыскиваемых лиц, но при обязательном соблюдении требования не касаться транспортного средства. В то время, когда сотрудник полиции обследует разные части авто без нарушения его конструктивной целостности, прикасается к частям транспортного средства, в том числе обшивки, деталям авто, при открытии

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

дверцы, багажника, при присаживании внутрь, изучении вещей в багажнике руками, он уже осуществляет досмотр. Досмотр по предъявляемым требованиям для признания его проведенным законным выступает более сложной процедурой, чем осмотр, в связи с необходимостью более подробно изучить внутреннее содержимое автотранспорта, составить протокол [10, с. 20]. Досмотр всегда сопряжен с ограничениями прав граждан, в КоАП РФ устанавливаются пределы их ограничения в виде указания на основания его применения и ряд иных правил, в совокупности обосновывающих целесообразность, соразмерность и адекватность его применения [11, с. 196].

После завершения процедуры досмотра, который проводится по определенным правилам, требующим в том числе обязательное присутствие владельца автотранспорта (в исключительных случаях в его отсутствие), двоих понятых, инспектор ДПС должен составить протокол о досмотре или сделать запись о нем в протоколе об административном задержании. Протокол должны подписать все участники процедуры, в том числе понятые, владелец автомобиля, подвергнутого досмотру. Последний имеет право не подписывать протокол, о чем делается соответствующая запись, после чего копия протокола досмотра транспортного средства вручается ему независимо от согласия подписать протокол. В случае изъятия каких-либо вещей в процессе досмотра в протоколе делается отметка об этом. Водитель также имеет право оспорить в суде законность действий сотрудников полиции по досмотру его транспорта.

После остановки автотранспорта сотрудник ГИБДД имеет право в целях обеспечения безопасности дорожного движения при выявлении пребывания водителя в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, при выявлении неисправности и повреждении работы рулевого управления, системы тормозов, отсутствия документов на транспортное средство, водительских прав применить такую меру обеспечения в порядке гл. 27 КоАП РФ, как отстранение от управления транспортным средством (ст. 27.12). Учитывая, что ее применение сопряжено с частичным ограничением права собственности, в процедуре применения данной меры также в обязательном порядке должны присутствовать понятые, со-

ставляться протокол с указанием даты, времени, причин отстранения, данных сотрудника полиции и др. Водитель имеет право отказаться от подписания протокола, о чем делается соответствующая отметка, и ему вручается протокол. В качестве дополнительных подтверждающих оснований отстранения к протоколу может быть прикреплен результат медицинского освидетельствования. Освидетельствование на состояние алкогольного опьянения неразрывно связано с отстранением от управления транспортным средством, является необходимой мерой обеспечения в тех случаях, когда для установления объективных причин и условий, способствующих совершению правонарушения, важно удостоверить факт алкогольного опьянения для сбора доказательств по делу.

В случае если необходимо провести медицинское освидетельствование в медицинской организации, то сотрудник полиции первоначально проводит процедуру отстранения без освидетельствования при понятых, составляется протокол, а затем водитель покидает место остановки, направляется в медицинское учреждение (ст. 27.12.1 КоАП РФ).

Ограничения собственности в части распоряжения собственностью (транспортным средством) являются в случае применения отстранения от управления транспортным временным средством, обеспечивающим безопасность дорожного движения, и действуют до устранения причин, по которым водитель был отстранен. Так, отстранение действует до тех пор, пока водитель не предъявит документы на право управления автотранспортом, устранит поломку либо документы по управлению будут переданы другому лицу.

Законность действий сотрудников при отстранении от управления транспортным средством также может быть водителем обжалована в суд. В суде водитель в целях оспаривания законности примененных к нему процедур должен предъявить доказательства свидетелей, записи с камер о состоянии своего здоровья, представить результаты медицинской экспертизы из специализированного учреждения в случае обвинения в вождении в нетрезвом виде, свидетельства об исправности автомобиля и др.

В случае обнаружения нарушений правил эксплуатации, использования либо управления автомобиля, либо в случае нарушения правил

остановки, стоянки может применяться мера, предусмотренная ст. 27.13 КоАП – задержание транспортного средства, с его последующим перемещением на штрафстоянку. В случае отсутствия технической возможности автомобиль блокируется при помощи специальных устройств. Данная мера выступает близкой по содержанию к отстранению от управления транспортным средством. К ее применению сотрудники полиции прибегают в случае, если водителем совершается ряд правонарушений, исчерпывающий перечень которых закреплен в ч. 1 ст. 27.13 КоАП РФ (эксплуатация с нарушением установленных нормативов по выбросам загрязняющих веществ или уровня шума; нарушение правил эксплуатации тракторов, дорожно-строительных машин и иных машин, оборудования, управление транспортным средством, не прошедшим государственного технического осмотра, нарушение правил установки специальных или звуковых сигналов, наличие неисправностей, при которых эксплуатация запрещена, и др.).

Запрещение эксплуатации автомобиля с неисправностями и поломками выступает важной мерой обеспечения безопасности дорожного движения. Законность действий сотрудника ГИБДД при применении запрета на эксплуатацию автомобиля при наличии неисправностей основывается на фиксации четкого перечня таких неисправностей, что исключает превышение полномочий и нарушение действующего законодательства сотрудниками. Перечень поломок, неисправностей автомобиля содержится в Правилах дорожного движения в приложении «Перечень неисправностей и условий, при которых запрещается эксплуатация транспортных средств», утвержденных Постановлением Правительства РФ от 23.10.1993. В случае визуального обнаружения в транспортном трафике неисправного автомобиля или обоснованного подозрения на техническую поломку, сотрудник ГИБДД в целях предотвращения ДТП, причинения вреда здоровью, имуществу, транспортной инфраструктуре имеет право остановить автомобиль,

запретить дальнейшее его перемещение. Водитель привлекается к ответственности, предусмотренной ст. 12.5 КоАП РФ. При этом инспектор ДПС имеет право на проверку автомобиля на предмет наличия в нем неисправностей по списку, препятствующих его дальнейшей эксплуатации.

Таким образом, необходимо отметить, что столь частое применение мер обеспечения в порядке гл. 27 КоАП РФ в сфере обеспечения безопасности дорожного движения по сравнению с другими мерами, объясняется спецификой указанной сферы, потенциальными опасностями, заложенными в управление транспортными средствами, и сложностью обслуживания, увеличением количества транспорта в стране, вовлечением все большего числа граждан в дорожное движение, а также осуществляемым сотрудниками ГИБДД на основе Федерального закона «О полиции» и Административного регламента № 664 полномочием по пресечению противоправного поведения участников дорожного движения и профилактике дорожного травматизма и смертности на дорогах страны. Законность применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении достигается посредством строгого разграничения смежных мер друг с другом, детальной регламентацией материальных и процессуальных норм по их применению, установлением способов защиты гражданами своих прав, ограничиваемых в ходе применения к ним указанных мер. Каждая мера, предусмотренная гл. 27 КоАП РФ, должна применяться ГИБДД, исходя из особенностей оперативной дорожной обстановки, оснований, предусмотренных в законодательстве, целесообразности применения той или иной меры обеспечения, с обязательным информированием лица о совершаемых в отношении него процедурах, особенностях проведения конкретной меры, ознакомлением граждан с результатами применения, привлечением понятых, документированием, вручением копии лицу, в отношении которого составляется протокол.

Список источников

1. Капранова Ю.В., Тузов А.И. Дорожно-транспортный травматизм в России: пути оптимизации// Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 3. С. 247.

References

1. Kapranova Yu.V., Tuzov A.I. Road traffic injuries in Russia: ways to optimize// Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3. P. 247.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

2. Пушкарев Ю.В., Пушкарева Е.А. Основы национальной безопасности: учебное пособие. Новосибирск – Москва, 2011.
3. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2020 году. Информационно-аналитический обзор. М., 2021.
4. Коркин А.В. Процессуальность как признак мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4(42).
5. Капранова Ю.В., Капранов А.В. Применение мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении: конституционное измерение // Юрист-Правоведь. 2021. № 5.
6. Ямалитдинов А.А., Алешин С.В., Линевиц Я.В. Правовые основы применения полицией мер государственного принуждения: учебное пособие. Уфа, 2021.
7. Хакимов Е.М. Проблемы применения некоторых мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в сфере обеспечения безопасности дорожного движения // Административное право и процесс. 2020. № 9.
8. Власов М.М. Правовые и технические вопросы выявления административных правонарушений области дорожного движения // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 2(48).
9. Рябова О.А., Кузнецова Н.В. Поправки в законодательство о техническом осмотре транспортных средств: проблемы практической реализации // Modern Scienc. 2021. № 2-1.
10. Думнов С.Н. К вопросу осуществления осмотра транспортных средств в регистрационных подразделениях ГИБДД МВД России // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблем, пути совершенствования. 2020. № 1(3).
11. Организация и порядок проведения сотрудниками ГИБДД отдельных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: практические рекомендации. Орел, 2021.
12. Капранова Ю.В. Пределы ограничения прав граждан при применении мер обеспечения производства по делу об административных правонарушениях // Актуальные вопросы применения норм административного права (Корневские чтения): V Международная научная-практ. конф.: сб. научных трудов. М., 2021.
2. Pushkarev Yu.V., Pushkareva E.A. Fundamentals of National Security: a textbook. Novosibirsk–Moscow, 2011.
3. Law enforcement activities in the field of road safety in 2020. Informational and analytical review. Moscow, 2021.
4. Korokin A.V. Procedural nature as a sign of measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses // Legal science and law enforcement practice. 2017. № 4(42).
5. Kapranova Yu.V., Kapranov A.V. Application of measures to ensure the proceedings in the case of an administrative offense: constitutional dimension // Jurist-Pravoved. 2021. № 5.
6. Yamalitdinov A.A., Aleshin S.V., Linevich Ya.V. The legal basis for the use of state coercion measures by the police: a textbook. Ufa, 2021.
7. Khakimov E.M. Problems of application of some measures to ensure the proceedings in cases of administrative offenses in the field of road safety // Administrative Law and Process. 2020. № 9.
8. Vlasov M.M. Legal and technical issues of detection of administrative offenses in the field of traffic // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 2(48).
9. Ryabova O.A., Kuznetsova N.V. Amendments to the legislation on technical inspection of vehicles: problems of practical implementation // Modern Scienc. 2021. № 2-1.
10. Dumnov S.N. On the issue of vehicle inspection in the registration units of the Traffic Police of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Management of road safety activities: state, problems, ways of improvement. 2020. № 1(3).
11. The organization and procedure for the conduct by traffic police officers of individual measures to ensure the proceedings in cases of administrative offenses: practical recommendations. Eagle. 2021.
12. Kapranova Yu.V. Limits of restriction of the rights of citizens in the application of measures to ensure the proceedings in the case of administrative offenses // Topical issues of the application of the norms of administrative law (Korenev readings): V International Scientific and Practical conference: collection of scientific papers. Moscow, 2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Капранов Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики. Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). 344002, Российская Федерация, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69.
ORCID: 0000-0001-8346-5986

Ковган Екатерина Юрьевна, преподаватель кафедры административного права. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.
ORCID: 0000-0002-1966-1728

Билоконь Виктор Петрович, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД. Крымский филиал Краснодарского университета МВД России. 295053, Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Академика Стевена, 14.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kapranov Alexey Vladimirovich, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Forensic Examination and Criminalistics. Rostov State University of Economics (RINH). 69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, Rostov region, 344002, Russian Federation.

Kovgan Ekaterina Yurievna, lecturer of the Department of Administrative Law. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko str., Rostov-on-Don, Rostov region, 344015, Russian Federation.

Bilokon Viktor Petrovich, Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs. Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 14, Akademika Steven str., Simferopol, Republic of Crimea, 295053, Russian Federation.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ И МОНГОЛИИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Степанова Елена Евгеньевна

Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Иркутск, Российская Федерация, kanuzelelena@inbox.ru

Введение: противодействие коррупции давно стало деятельностью, которая осуществляется не только на национальном, но и международном уровне. При этом актуальным остается вопрос анализа национальных законодательств в целях выявления отличий в регулировании данного вопроса, анализа причин их появления и осмысления возможности наилучшего формирования мер противодействия коррупции. Одними из факторов, порождающих коррупцию, являются политическая и экономическая нестабильность. К сожалению, оба данных фактора присутствуют в современной действительности любой страны.

Материалы и методы: методологическую основу работы составляет диалектический метод познания, который позволил проследить взаимосвязи между различными фактами и положениями законодательств России и Монголии. Также автором были использованы сравнительно-правовой и комплексный подход к исследованию противодействия коррупционной преступности.

Результаты исследования: позволяют представить общую картину в сфере противодействия коррупции в России и Монголии, выявить схожесть и различия, на основании чего сделать выводы возможного совершенствования противодействия коррупции в данных странах.

Выводы и заключения: статья представляет собой сравнительное исследование законодательств России и Монголии в сфере противодействия коррупции. Наличие существенных отличий в антикоррупционном законодательстве России и Монголии не выявлено.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, Россия, Монголия, антикоррупционные меры, противодействие коррупции, индекс коррупции, закон о коррупции.

Для цитирования: Степанова Е. Е. Законодательство России и Монголии в сфере противодействия коррупции / Е. Е. Степанова // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1 (104). – С. 36–41.

Original paper

LEGISLATION OF RUSSIA AND MONGOLIA IN THE FIELD OF ANTI-CORRUPTION

Stepanova Elena Evgenievna

Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation

Introduction: Anti-corruption has long been an activity that is carried out not only at the national but also at the international level. At the same time, the issue of analyzing national legislations remains relevant in order to identify differences in the regulation of this issue, analyze the reasons for their appearance and comprehend the possibility of the best formation of anti-corruption measures. One of the factors generating corruption is political and economic instability. Unfortunately, both of these factors are present in the modern reality of any country.

Materials and methods: the methodological basis of the work is the dialectical method of cognition, which allowed us to trace the relationship between various facts and the provisions of the legislation of Russia and Mongolia. The author also used a comparative legal and comprehensive approach to the study of combating corruption crime.

Results of the research: allow us to present a general picture in the field of anti-corruption in Russia and Mongolia, to identify similarities and differences, on the basis of which to draw conclusions about possible improvements in anti-corruption in these countries.

Conclusions: the article is a comparative study of the legislation of Russia and Mongolia in the field of anti-corruption. The presence of significant differences in the anti-corruption legislation of Russia and Mongolia has not been revealed.

Keywords: corruption, bribery, Russia, Mongolia, anti-corruption measures, anti-corruption, corruption index, corruption law.

For citation: Stepanova E. E. *Zakonodatel'stvo Rossii i Mongolii v sfere protivodeystviya korruptsii* [Legislation of Russia and Mongolia in the field of anti-corruption]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 2023. № 1 (104). P. 36–41.

Определение *corruptere* в римском праве трактовалось самым общим образом как повреждать, ломать, разрушать, подкупать и означало противоправные действия в судебной практике. Это понятие произошло от сочетания латинских слов *correi* (несколько участников в одной из сторон обязательственного отношения по поводу единственного предмета) и *ruptere* (ломать, повреждать, отменять). В результате образовался самостоятельный термин, который предполагал участие в деятельности нескольких (не менее двух) лиц, целью которых являлась порча или повреждение нормального хода судебного процесса или процесса управления делами общества.

В справочном документе ООН о международной борьбе с коррупцией последняя определяется как «злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях». В российском законодательстве установлено, что коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица. В широком смысле коррупция подразумевает разрушение управленческого аппарата, основанное на исполь-

зовании государственными служащими своего должностного положения в корыстных целях [7, с. 39].

Правовое регулирование вопросов противодействия коррупции формируется на федеральном уровне. В России с 2008 г. действует Федеральный закон «О противодействии коррупции»¹. В Монголии с 2006 г. действует Закон «Против коррупции».

Изучение коррупционных преступлений должно включать в себя и анализ причин появления данного вида преступлений, а также причин изменения их количества. Отметим, что детерминация преступлений коррупционной направленности, по нашему мнению, в общем и целом является одинаковой для различных стран, что фактически делает ее проблемой, которая может быть освещена и проанализирована не только на национальном уровне, но и на международном. Отметим деятельность независимого агентства по борьбе с коррупцией (ИААС), однако в Монголии региональных отделений данных организаций не создано [1, с. 39]. В Монголии, как и в России, не созданы специализированные суды по делам, связанным с коррупцией.

Ст. 2 Закона Монголии «О коррупции» среди актов, которые составляют правовую основу борьбы с преступностью, называет Конституцию Монголии, Международные договоры в сфере борьбы с коррупцией, упомянутый закон и иные законы, которые приняты в соответствии с ним, а также НПА Парламента Монголии (Великого Хурала Монголии).

Ст. 2 Федерального закона «О противодействии коррупции» фактически содержит аналогичный перечень нормативных правовых

¹ О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

актов, расширяя его за счет указания на нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальные правовые акты. Данное отличие является вполне естественным в свете того, что Россия – федеративное государство, а Монголия – унитарное.

Конституция ни России, ни Монголии напрямую не содержит упоминания коррупции. Конституции предусматривают основные права и свободы граждан, а также механизмы их защиты. Коррупционные действия нарушают данные права или же мешают их реализации, в свете чего можно говорить о том, что государство, осуществляя функцию по противодействию коррупции, выполняет свои обязательства по защите прав и свобод граждан [6, с. 42].

Россия, как и Монголия, антикоррупционную деятельность основывает на Конвенции ООН «О противодействии коррупции». Данный документ Монголия ратифицировала в 2005 г., а Россия в 2006-м, тем самым страны взяли на себя обязательство соблюдать нормы данного международного акта².

Понятие коррупции в российском законодательстве приведено в ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», и его основой является положение, согласно которому коррупция есть «незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды», а также действия, связанные с злоупотреблением должностными полномочиями, их превышением, с получением взятки или коммерческим подкупом и иными схожими действиями, произведенными от имени или в интересах юридического лица.

Понятие коррупции в монгольском законодательстве содержится в Законе Монголии

«Против коррупции» и формулируется как «деяние в виде незаконного использования своего должностного положения в целях получения материальной выгоды или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц»³. В данном определении не содержится указания на активные действия, производимые физическими лицами (в том числе от имени юридического лица), направленные на подкуп должностного лица.

Понятие коррупционного преступления может быть раскрыто в его широком и узком смысле. В узком смысле к коррупционным преступлениям относятся преступления, связанные с злоупотреблением должностными полномочиями, их превышением, с дачей и получением взятки, посредничеством во взяточничестве и нецелевом расходовании бюджетных средств. В России указанием прокуратуры сформирован список, в котором перечислены преступления коррупционной направленности, которые признаются такими как безусловно, так и с некоторыми условиями⁴.

В борьбе с коррупцией на законодательном уровне наибольшее значение имеет уголовное законодательство. В Уголовном кодексе России преступления коррупционной направленности являются составляющей частью главы 30.

Составы, которые охватывают преступления коррупционной направленности, в Уголовном кодексе Монголии содержатся в главе 22 «Коррупционные преступления» [10, с. 102].

Объем статей в Уголовных кодексах Монголии и России примерно одинаковый, однако законодательство Монголии обращает больше внимания на классификацию должностных лиц. В частности, в ст. 4 Закона Монголии «О коррупции» подробно перечислены лица, в отношении которых он действует. Данные

² Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. 2006. № 10.

³ Против коррупции: закон Монголии от 06.07.2006 г. // Собрание законодательства Монголии. 14 января 2017 г. № 2.

⁴ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 (ред. от 13.07.2020). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О некоторых вопросах противодействия коррупции: указ Президента РФ от 8.03.2015 № 120 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1506.

⁶ О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия: постановление Правительства РФ от 5.03.2018 № 228 // Собрание законодательства Российской Федерации от 19 марта 2018. № 12. Ст. 1678.

лица в обязательном порядке должны декларировать имеющееся у них имущество и размер дохода. При этом, как отмечает Бат-Улзий Даваажав, данный список содержит исчерпывающий перечень должностных лиц, которые могут быть уличены в совершении коррупционных деяний [2, с. 87]. Автор полагает, что данный аспект требует своего изменения следующим образом: в Законе Монголии «О коррупции» должно быть дано полное, исчерпывающее определение государственного лица, а перечень должностных и иных лиц, которые могут быть уличены в коррупционных преступлениях, исключен из текста указанного закона. Подход к определению лиц, которые могут быть уличены в совершении коррупционных действий, в российском законодательстве проработан несколько лучше. Статья 8 Федерального закона «О коррупции» содержит подробный перечень лиц, которые в обязательном порядке должны предоставлять сведения о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера.

Произведем в качестве примера анализ наиболее распространенного коррупционного преступления «получение взятки» с точки зрения его квалифицирующих признаков.

Квалифицированной взяткой, согласно ч. 5 ст. 290, является получение ее группой лиц или организованной группой; получение ее путем вымогательства или в крупном размере. Таким образом, мы здесь наблюдаем альтернативность в выборе квалифицирующих признаков. Часть 5 ст. 22.4 УК Монголии также указывает на получение взятки влиятельным политическим лицом или организованной преступной группой, но связывает это с использованием вымогательства. Санкции по российскому законодательству в таком случае предусматривают максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от семи до 12 лет со штрафом или лишением права занимать определенные должности. Санкции по монгольскому законодательству предусматривают максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от двух до восьми лет либо лишение права занимать определенные должности и выплата штрафа. Таким образом, отличие

опять в альтернативности, но не в виде наказания. Разница в сроках наказания и размерах штрафа есть. Штраф по российскому законодательству составляет от двух до четырех миллионов рублей, а по монгольскому – от 10 тыс. до 40 тыс. тугриков, что по курсу на январь 2023 г. составляет примерно от 200 до 800 тыс. рублей. В среднем срок наказания за квалифицированный состав взятки (как для России, так и для Монголии) не сильно отличается.

Отметим, что в тексте ст. 290 УК РФ используется понятие иностранного должностного лица и особо крупного размера взятки, а в ст. 22.4. УК Монголии – понятие публичного политического лица.

Примечательно, что и Россия, и Монголия периодически обновляют принятые национальные программы противодействия коррупции. В России Указом Президента утвержден Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 гг., который предусматривает не только предупреждение и пресечение коррупции, но и ликвидацию последствий, причиненных коррупционными действиями должностных лиц. Национальная программа противодействия коррупции в Монголии предусматривает выявление коррупции в государственном секторе, в частном секторе и в политических партиях. Обе программы говорят о необходимости донесения до сознания народа того факта, что коррупция недопустима в гражданском обществе и должна быть искоренена, в том числе сознательными действиями самих граждан. Недостатком программы противодействия коррупции в Монголии является отсутствие мер по возвращению денежных средств, выведенных из страны в результате совершения коррупционных действий. Также нет в Монголии и правовых оснований, позволяющих совершать проверку в отношении наличия у должностных лиц офшорных счетов. В России ст. 7.1. Федерального закона «О противодействии коррупции» прямо перечисляет лиц, в отношении которых действует запрет на открытие счетов в иностранных банках, расположенных не на территории РФ. Несоблюдение установленных данной статьей правил влечет за собой освобождение от

⁷ Об утверждении Плана противодействия коррупции Министерства просвещения Российской Федерации на 2022–2024 годы: приказ Министерства просвещения РФ от 16.02.2022 № 81. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

занимаемой должности, прекращение полномочий досрочно или увольнение в связи с утратой доверия. К сожалению, данный запрет не в полной мере препятствует обозначенной в законодательстве категории лиц иметь счета в зарубежных банках и хранить в них ценности, что является прямым нарушением антикоррупционного законодательства [9, с. 86].

Правовое регулирование профилактики и противодействия коррупции реализуется многочисленными нормативными актами, среди которых для России отметим федеральные законы, Указы Президента РФ (например, «О некоторых вопросах противодействия коррупции»⁵), Постановления Правительства РФ (например, «О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия»⁶), иные нормативные правовые акты (например, приказ Минпросвещения «Об утверждении Плана противодействия коррупции Министерства просвещения Российской Федерации на 2021–2024 годы»⁷), судебные акты (постановления Пленума ВС РФ), нормативные правовые акты учреждений, информационные письма и методические рекомендации. Как отмечает Ганмягмар Болор-Эрдэнэ, в монгольском законодательстве документов, принятых на республиканском уровне, несколько меньше [4, с. 7].

Ответственность за коррупцию в Монголии прописана не только в Уголовном кодексе, но и, например, в законодательстве о закупках [5, с. 93]. В российском законодательстве составы коррупционных преступлений отдельно в законодательство о закупках (и в иных случаях) не выносятся.

Эффективность антикоррупционного законодательства приближенно можно оценить с помощью коррупционного индекса и ранга коррупции, который в 2021 г. для России составил 29 баллов (из 100), что соответствует 136-му месту (рангу) из 180, а для Монголии 35 баллов, что соответствует 110-му месту [6, с. 1].

Таким образом, решающее значение в борьбе с коррупцией имеет защита прав человека. Там, где система защиты отлажена наилучшим образом, коррупционная составляющая меньше. При этом как для России, так и для Монголии можно говорить об отсутствии значительных успехов в борьбе с коррупцией в государственном секторе. Данное положение вещей отмечается для многих стран нашего мира и является проблемой международного уровня.

Следует отметить, что для Монголии динамика изменения количества коррупционных преступлений за последние 10 лет увеличивается, а для России – уменьшается [3, с. 17]. Плачевность ситуации с коррупцией в Монголии подтверждается наличием бунтов, направленных против коррупции. Для России такое поведение не характерно, и выяснение причин данного факта не входит в сферу задач данного исследования. Представляется целесообразным ужесточение ответственности за коррупцию в Монголии, при этом в целом для Азии характерно использование достаточно радикальных мер в борьбе с коррупцией [11, с. 372].

Таким образом, анализ законодательства России и Монголии в сфере коррупции показывает, что значительных, принципиальных отличий они не имеют. Это касается как объема правового регулирования, так и видов преступлений, которые признаются коррупционными. Анализ размеров санкций за наиболее распространенные коррупционные преступления также не выявляет принципиальных отличий. Объяснение факта непринципиального различия законодательства в сфере коррупции объясняется схожими условиями ее формирования и проявления. Обе страны имеют примерно одинаковый уровень коррупции. Различия проявляются в степени проработанности отдельных моментов по вопросам профилактики, пресечения и противодействия коррупционным действиям должностных и иных лиц.

Список источников

1. Антикоррупционные реформы в Монголии. 4-й раунд мониторинга в рамках Стамбульского плана действий по борьбе с коррупцией // ОЭСР. 2019.
2. Бат-Улзий Даваажав. Актуальные проблемы в антикоррупционном законодательстве Монголии // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 4.

References

1. Anti-corruption reforms in Mongolia. The 4th round of monitoring within the framework of the Istanbul Anti-Corruption Action Plan // OECD. 2019.
2. Bat-Ulziy Davaazhav. Actual problems in the anti-corruption legislation of Mongolia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4.

3. Бат-Улзий Даваажав. Предупреждение коррупционной преступности в Монголии: автореф. дис ... канд. юрид. наук. М., 2017.

4. Ганмягмар Болор-Эрдэнэ. Сравнительный анализ законодательства о профилактике преступлений в Монголии и России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 1(68).

5. Гунзинов Ж.П., Дондокова М.Ю., Коновалова З.А., Мяханова А.Н. и др. Правовое регулирование закупочной деятельности России, Китая и Монголии: некоторые аспекты противодействия коррупции // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8. № 1.

6. Индекс восприятия коррупции. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2021> (дата обращения: 05.01.2023).

7. Маслов-Удачин К.П. Противодействие коррупции на государственной службе // Международный научный журнал «Вестник науки». 2022. № 7(52). Т. 4.

8. Сыпачев А.Ю. Выявление фактов наличия у федеральных государственных гражданских служащих и членов их семей счетов в зарубежных банках за пределами Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 2.

9. Ткачев С.В. Конституционно-правовые основы противодействия коррупции в российской федерации // Образование и право. 2020. № 8.

10. Уголовный кодекс Монголии / перевод., ред. М.В. Бавсун, перевод., ред. А.А. Нечепуренко. Омск, 2020.

11. Янкин Г.Н. Об улучшении эффективности расследования коррупционных правонарушений и преступлений в Российской Федерации // Балтийский Гуманитарный журнал. 2018. № 3(24).

3. Bat-Ulziy Davaazhav. Prevention of corruption crime in Mongolia: abstract. dis... cand. jurid. sciences?. Moscow, 2017.

4. Ganmyagmar Bolor-Erdene. Comparative analysis of legislation on crime prevention in Mongolia and Russia // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1(68).

5. Gunzinov Zh.P., Dondokova M.Yu., Konovalova Z.A., Myakhanova A.N., etc. Legal regulation of procurement activities in Russia, China and Mongolia: some aspects of combating corruption // Legal Bulletin of Samara University. 2022. Vol. 8. No. 1.

6. Corruption Perception Index. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2021> (accessed: 05.01.2023).

7. Maslov-Udachin K.P. Anti-corruption in public service // International Scientific journal «Bulletin of Science». 2022. № 7(52). Vol. 4.

8. Sypachev A.Yu. Identification of the facts of the presence of federal state civil servants and their family members accounts in foreign banks outside the Russian Federation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2.

9. Tkachev S.V. Constitutional and legal foundations of anti-corruption in the Russian Federation // Education and Law. 2020. № 8.

10. The Criminal Code of Mongolia / translation., ed. M.V. Bavsun, translated., ed. A.A. Nepochurenko. Omsk, 2020.

11. Yankin G.N. On improving the efficiency of investigation of corruption offenses and crimes in the Russian Federation // Baltic Humanitarian Journal. 2018. № 3(24).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степанова Елена Евгеньевна, научный сотрудник отдела информации, издательской деятельности и библиографического обеспечения. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. 664035, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1. ORCID: 0000-0001-7460-2053

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stepanova Elena Evgenievna, Researcher of the Department of Information, Publishing and Bibliographic Support. Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of Russian Federation. 1, Shevtsova str., Irkutsk, 664035, Russian Federation.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ СИСТЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАВЕЩАНИЮ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пономарева Наталья Витальевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
ponomari2008@yandex.ru

Введение: с каждым годом увеличивается число лиц, которые занимаются предпринимательской деятельностью, у каждого гражданина увеличивается количество имущества, находящегося в частной собственности, в том числе в общей собственности. В результате состав наследственной массы постоянно усложняется, что требует эффективных рычагов правового регулирования таких правоотношений. Более того, с каждым годом увеличивается правовая грамотность населения, что также вызывает потребность в формировании новых видов и форм правоотношений, в том числе и в рамках наследственного права.

Материалы и методы: методологическую основу настоящего исследования составили общенаучные методы познания, такие как синтез, анализ, индукция и дедукция, а также частно-научные методы: сравнительно-правовой, метод толкования, формально-юридический метод, системно-структурный метод и другие методы.

Результаты исследования: в соответствии с отечественным наследственным правом завещание представляет собой одностороннюю сделку, которая порождает права и обязанности с момента открытия наследства.

Завещание является исключительно личной сделкой, которая не может быть совершена посредством других лиц, например, через представителя. Для составления завещания лицо должно обладать полной гражданской дееспособностью. Современное законодательство предусматривает, что в завещании может быть выражена воля одного лица или нескольких лиц при составлении совместного завещания лицами, состоящими в браке.

Выводы и заключения: таким образом, в соответствии с легальным определением завещание представляет собой одностороннюю сделку, которая порождает права и обязанности после принятия наследства (ч. 5 ст. 1118 ГК РФ).

Ключевые слова: завещание, сделка, односторонняя сделка, наследование, наследство, совместное завещание, наследственная масса.

Для цитирования: Пономарева Н. В. Современные подходы к построению системы наследования по завещанию и их реализация в Российской Федерации / Н. В. Пономарева // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1(104). – С. 42–47.

Original paper

MODERN APPROACHES TO THE CONSTRUCTION OF A SYSTEM OF INHERITANCE BY WILL AND THEIR IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ponomareva Natalia Vitalievna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: every year the number of persons who are engaged in entrepreneurial activity increases, each citizen increases the amount of property that is privately owned, including in common ownership. As a result, the composition of the hereditary mass is constantly becoming more complicated, which requires effective levers of

legal regulation of such legal relations. Moreover, the legal literacy of the population is increasing every year, which also causes the need for the formation of new types and forms of legal relations, including within the framework of inheritance law.

Materials and methods: the methodological basis of this research is made up of general scientific methods of cognition, such as synthesis, analysis, induction and deduction, as well as private scientific methods: comparative legal, interpretation method, formal legal method, system-structural method and other methods.

Results of the research: in accordance with the domestic inheritance law, a will is a unilateral transaction that generates rights and obligations from the moment the inheritance is opened.

A will is an exclusively personal transaction that cannot be made through other persons, for example, through a representative. To make a will, a person must have full civil capacity. Modern legislation provides that the will of one person or several persons may be expressed in a will when drawing up a joint will by married persons.

Conclusions: thus, in accordance with the legal definition, a will is a unilateral transaction that generates rights and obligations after accepting an inheritance (Part 5 of Article 1118 of the Civil Code of the Russian Federation).

Keywords: will, transaction, unilateral transaction, inheritance, inheritance, joint will, inheritance mass.

For citation: Ponomareva N. V. *Sovremennyye podkhody k postroyeniyu sistemy nasledovaniya po zaveschaniyu i ikh realizatsiya v Rossiyskoy Federatsii* [Modern approaches to the construction of a system of inheritance by will and their implementation in the Russian Federation]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 2023. № 1 (104). P. 42–47.

Наследование представляет собой совокупность отношений, имеющих как правовой, так и экономический характер. Наследование по законодательству представляет собой способ приобретения имущества в собственность, производный по своей сути. Если в рамках правоотношений, возникающих по поводу права собственности, определяется то, кому принадлежит имущество в настоящий момент времени, то категория наследования указывает на лиц, которым такое имущество будет принадлежать в будущем, после смерти собственника.

Следует отметить, что относительно правовой природы завещания в литературе существует несколько точек зрения:

- 1) завещание представляет собой одностороннюю сделку;
- 2) завещание – это способ распоряжения своим имуществом на случай смерти;
- 3) завещание – это документ, который предусматривает распоряжение наследодателя [1, с. 24].

Законодатель понимает под односторонней сделкой такую сделку, для совершения которой необходимо и достаточно, чтобы свою волю выразило только одно лицо, что соответствует закону, другому правовому акту или соглашению (ч. 2 ст. 154 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2]. Из указанного следует, что все иные лица не имеют отношения к совершению такой одно-

сторонней сделки, выражения их воли для этого не требуется. Из анализа положений ст. 1119 ГК РФ следует, что наследодатель свободен в составлении завещания и не обязан сообщать иным лицам о нем.

В юридической литературе отдельные авторы раскрывают сущность завещания с позиции учений о договоре. Однако подобная позиция относительно сущности завещания идет вразрез с правовой природой односторонних сделок по следующим основаниям. Во-первых, принимается во внимание только тот случай, когда в завещании указывается наследник, но не учитываются те ситуации, когда наследодатель не назначает наследника, а отдает отдельные распоряжения, например, лишить наследства лиц, которые являются наследниками по закону (ч. 1 ст. 1119 ГК РФ). Во-вторых, не стоит сравнивать назначение наследника по завещанию и принятие им наследства с офертой (предложением заключить договор) и акцептом (согласием на принятие такого договора). Завещание, а также принятие наследства представляют собой самостоятельные односторонние сделки, совершение которых влечет за собой наступление определенных последствий правового характера, предусмотренных законодательством. Акцепт и оферта не относятся к числу односторонних сделок, они представляют собой предложения [3, с. 31], адресованные сторонами (контрагентами) друг другу в рамках заключения одной

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

двухсторонней сделки – договора, который рассматривается в качестве заключенного с того момента, как лицо, предоставившее оферту, получит от другого лица акцепт (ч. 1 ст. 433 ГК РФ) [4, с. 61–62].

Таким образом, в соответствии с легальным определением завещание представляет собой одностороннюю сделку, которая порождает права и обязанности после принятия наследства (ч. 5 ст. 1118 ГК РФ).

Отечественное наследственное право предусматривает необходимость составления завещания в форме акта, которому придаются публичные характеристики, что находит свое выражение в том, что помимо самого лица, которое выражает свою волю в данном акте и распоряжается посредством него своим имуществом, должно присутствовать и удостоверить такой документ определенное должностное лицо (нотариус) или специализированный государственный орган. Публичная форма завещания главным образом исключает возможность предположения, что на волю наследодателя было оказано какое-то влияние, т. е. такое завещание выражает подлинную волю завещателя.

Следует отметить, что помимо основных форм, в которых могут совершаться завещания, гражданское законодательство может устанавливать специальные формы завещания, совершение которых допускается при наличии определенных обстоятельств или которые используются в отношении отдельных видов имущества. Так, например, ст. 1129 ГК РФ предоставляет возможность гражданину совершить завещание в простой письменной форме, если он находится в положении, которое явно угрожает его жизни и здоровью (завещание в чрезвычайных обстоятельствах), и у него нет возможности оформить завещание по общим правилам, предусмотренным законом.

В теории и практике наследования всех лиц, которые могут призываться к наследованию, делят на две группы. К первой относятся универсальные правопреемники, под которыми понимаются наследники как таковые. Ко второй группе относятся отказополучатели, под которыми понимаются сингулярные правопреемники, к которым переходят отдельные имущественные права.

Следует иметь в виду, что содержание завещания не ограничивается лишь перечислением имущества и лиц, которым оно перейдет

после смерти собственника такого имущества – наследодателя в рамках наследственных правоотношений. Последний также имеет право предусмотреть определенный порядок, в котором будет исполняться завещание, сделать завещательные распоряжения. Кроме того, лицо может лишить одного либо всех лиц, которые претендуют на получение наследства в силу законодательных требований, права на его получение.

При предоставлении наследодателю возможности совершать в рамках завещания отдельных распоряжений закон предъявляет к ним особые требования. Во-первых, здесь применяется принцип свободы воли, один из основных принципов гражданского права в целом, который заключается в том, что лицо свободно в реализации своих субъективных прав, в том числе и в отношении распоряжения имуществом на случай своей смерти. Таким образом, наследодатель определяет содержание своего завещания по своему личному усмотрению. Иные лица не только не имеют право, но им запрещено оказывать какое-либо влияние или давление на наследодателя при формировании им своей воли, которая находит свое выражение в завещании. О тексте и распоряжениях, указанных в завещании, наследодатель не должен сообщать никому. Аналогичное правило распространяется на тот случай, если завещатель примет решение изменить содержание завещания или отменить его (ч. 2 ст. 1119 ГК РФ).

Вторая особенность содержания завещания заключается в том, что содержание его определяется завещателем самостоятельно, на что мы уже указывали. В качестве наследников могут выступать любые лица, которые в принципе могут быть призваны к наследованию. Например, не могут по понятным обстоятельствам призываться лица, которые сами умерли к моменту смерти наследодателя. Наличие или отсутствие гражданства не влияет на возможность лицу выступать в роли наследника, а наследодатель может свободно указывать в тексте завещания любых лиц. Также в завещании могут быть определены наследники, которые получают наследство на случай, если первые указанные в качестве наследников лица умрут до открытия наследства или одновременно с наследодателем (подназначенные наследники). Кроме того, к наследованию могут быть призваны и публично-правовые образования и

даже международные организации. Следовательно, когда речь идет о наследовании по завещанию, круг возможных наследников расширяется значительным образом.

В отношении имущества, которое выступает в роли предмета наследования, предъявляются следующие требования: такое имущество должно принадлежать собственнику на момент открытия наследства и не относиться к числу имущества, которое изъято из гражданского оборота. Наследовать можно как целое имущество, так и его часть. Например, собственник квартиры может завещать свое имущество в долях нескольким лицам, определяя размер такой доли по своему личному усмотрению. В тексте завещания можно указать и то имущество, которое на момент его составления фактически отсутствует у наследодателя, т. е. право собственности на такое имущество у него возникнет в будущем. В наследственную массу включается все имущество, независимо от его вида и места фактического расположения.

На практике часто возникают споры, связанные с включением в наследственную массу жилых помещений, которые наследодатель не успел приватизировать при жизни. Суды при этом отмечают, что такое нежилое помещение включается в состав наследства, при условии, что наследодатель, который хотел приватизировать жилое помещение, подал в компетентные государственные органы соответствующее заявление и необходимые документы, заявление не отзывал, но умер до оформления договора на передачу такого помещения или до регистрации права собственности на него. Так, судом первой и апелляционной инстанций было установлено, что П. при жизни выразил свою волю на приватизацию спорного жилого помещения, что находит свое подтверждение в материалах дела (обращение представителя заявителя, который действовал на основании доверенности, оформленной в нотариальном порядке, необходимые документы в соответствии с законодательством о приватизации). Свое заявление П. не отзывал, выполнил все необходимые действия для того, чтобы спорное жилое помещение было передано в его собственность, однако был лишен возможности такое право зарегистрировать по обстоятельствам, которые от него не зависят. В связи с этим суд удовле-

творил требования П. Н.А., которая является наследницей по завещанию П., о включении спорного жилого помещения в состав наследственной массы [5].

В-четвертых, законодатель предоставляет возможность наследодателю в своем завещании лишить одного, некоторых или всех сразу наследников, которые могли получить его имущество при наследовании по закону, не указывая причины подобного решения (ч. 1 ст. 1119 ГК РФ).

Кроме того, завещатель может в тексте завещания определить лицо, на которое будет возложена обязанность по исполнению воли лица, выраженной в тексте самого завещания. Такое лицо в рамках наследственных правоотношений обозначают как душеприказчика или исполнителя завещания.

Также в тексте завещания можно указать на необходимость совершения завещательного отказа, который выражается в необходимости совершения наследниками действий по предоставлению иным лицам чего-то за счет имущества наследодателя. Также можно обязать сделать завещательное возложение, которое означает, что за счет имущества наследодателя делают что-то, что обладает общепольным характером.

Следует иметь в виду, что принцип свободы завещания не ограничивается возможностью наследодателя передать свое имущество абсолютно любым лицам, которые, возможно, и не связаны с ним родством и кровными узами. Более того, закон предоставляет наследодателю возможность назначить таких наследников, которые будут призываться к наследованию в том случае, если на момент открытия наследства не будет первых из обозначенных им наследников. Речь идет об институте подназначения наследников, который также называется субституцией. В некоторых странах помимо субституции предусматривается также фидеикомиссарная субституция, которая предполагает, что наследодатель не только определяет наследников своего имущества, но также тех лиц, которые будут наследовать это имущество после смерти «первых наследников». Например, отец в завещании указывает, что все его имущество переходит сыну, после смерти которого все имущество, принадлежащее при жизни ему (отцу), перейдет к его внуку. Такая схема, конечно, соответствует наследованию по

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

закону, но отражает принцип фидеикомиссарной субституции. Таким образом, в рамках указанной правовой конструкции наследодатель в отношении имущества, для которого он является собственником, назначает наследнику наследника [6, с. 18].

Интересно отметить, что законодательство разных стран подходит по-своему к решению вопроса о возможности подназначения наследников. В рамках отечественного наследственного права законодателем указана возможность выбрать «запасных» наследников на тот случай, если основные наследники умрут одновременно с наследодателем либо до того момента, как откроется наследство, либо наследники не будут принимать наследство по каким-то иным обстоятельствам. Закон не предъявляет особых требований к количеству таких «запасных» наследников, следовательно, в этом наследодатель свободен действовать по своему усмотрению.

Рассматривая институт наследования по завещанию, следует отметить такую категорию, как обязательная доля в наследственной массе, под которой понимается проявление социального начала, используемого при наследовании по закону [7, с. 11]. Институт обязательной доли в наследстве по завещанию необходим в целях защиты интересов семьи и ближайших родственников умершего, в результате чего свобода завещательных распоряжений имеет некоторые законодательные ограничения.

В целом правовые системы современности, предусматривающие категорию обязательной доли при наследовании по завещанию, можно разделить на следующие две группы:

1) наследственное право, которое предусматривает необходимость разделения всего имущества, входящего в наследственную массу, на две части:

– «свободная доля», которой наследодатель распоряжается по своему усмотрению и в соответствии с собственной волей;

– «резерв», куда входит имущество, которое должно перейти членам семьи наследодателя в определенном соотношении;

2) наследственное право, закрепляющее правило об обязательной доле отдельной категории наследников. Речь идет об определенной категории лиц, которые, во-первых, относятся к категории наследников по закону, а во-вторых, соответствуют требованиям, определенным в законе (например, нетрудоспособность по возрасту или иным причинам). Если наследодатель не укажет таких обязательных наследников в своем завещании, то лица, которые в завещании определены, должны передать таким наследникам ту часть доли, которую бы они получили в том случае, если бы наследование осуществлялось по правилам, предусмотренным законом. Подобная конструкция предусмотрена в отечественном и немецком наследственном праве.

С учетом изложенного мы можем сделать следующие выводы:

1) в соответствии с отечественным наследственным правом завещание представляет собой одностороннюю сделку, которая порождает права и обязанности с момента открытия наследства. Завещание содержит в себе волю наследодателя, которая находит свое выражение в форме, предусмотренной действующим законодательством, и направлена на распоряжение имуществом, которое ему принадлежит, на случай смерти;

2) завещание является исключительно личной сделкой, которая не может быть совершена посредством других лиц, например, через представителя. Для составления завещания лицо должно обладать полной гражданской дееспособностью. Современное законодательство предусматривает, что в завещании может быть выражена воля одного лица или нескольких лиц при составлении совместного завещания лицами, состоящими в браке.

Список источников

1. Сараев А.Г. О правовой природе завещания // Наследственное право. 2013. № 2.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32.

References

1. Saraev A.G. On the legal nature of the will // Inheritance law. 2013. № 2.
2. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ (ed. of 16.04.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32.

3. Черепахин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М., 1962.

4. Вошатко А.В. К понятию завещания в российском праве // Проблемы гражданского права и процесса. 2013. № 3.

5. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.01.2019 № 33-1631/2019. Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс».

6. Абраменков М.С. Наследование по завещанию в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительно-правовой аспект / Наследственное право. 2008. № 4.

7. Шиловост О.Ю. Проблемы правового регулирования наследования по закону в современном гражданском праве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.

8. Анучкина А.Д., Белокопытова Н.Ю., Кучерова С.А. Медиация в России: проблемы и перспективы развития // Юридический вестник ДГУ. 2016. № 4.

3. Cherepakhin B.B. Succession under Soviet civil law. M., 1962.

4. Voshatko A.V. To the concept of a will in Russian law // Problems of civil law and process. 2013. № 3.

5. Appeal ruling of the Moscow City Court of 16.01.2019 No. 33-1631/2019. Access from help. legal system «Consultant Plus».

6. Abramenzkov M.S. Inheritance by will in the Russian Federation and foreign countries: comparative legal aspect // Inheritance law. 2008. № 4.

7. Shilohvost O.Yu. Problems of Legal Regulation of Inheritance by Law in Modern Russian Civil Law: autoref. dis. ... Dr. jurid. sciences'. M., 2006.

8. Anuchkina A.D., Belokopytova N.Yu., Kucherova S.A. Mediation in Russia: problems and prospects of development // Legal Bulletin of DSU. 2016. № 4.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пономарева Наталья Витальевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ponomareva Natalia Vitalievna, PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Civil and Legal Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko str., Rostov-on-Don, 344015, Russian Federation.

**ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕМ СОБСТВЕННЫХ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ХОДЕ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ
АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА**

Пахомов Сергей Валерьевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
svpakhomov@inbox.ru

Введение: результатом актуализации знаний, умений и навыков является допустимость использования следователями собственных профессиональных знаний по обнаружению, изъятию, оценке и использованию доказательств, выходящих за рамки традиционных профессиональных компетенций. Применительно к расследованию преступлений в сфере агропромышленного комплекса специальные профессиональные знания характеризуются способностью непосредственного исследования следователем компьютерной информации, формируемой посредством специализированных программ, используемых в деятельности агропромышленных организаций, а также иной информации, хранящейся на электронных носителях и отражающей криминалистически значимые сведения о различных сторонах финансово-хозяйственной деятельности. Кроме того, профессиональные знания следователей обуславливаются способностью эффективно определять межотраслевые правовые связи, влияющие на бланкетность уголовно-правовых норм о преступлениях в исследуемой сфере.

Материалы и методы: методами исследования явились: анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование, а также метод опроса. При подготовке статьи использовалась научная литература в области криминалистики и уголовного процесса, данные судебной практики, а также результаты письменного анкетирования 223 следователей органов внутренних дел.

Результаты исследования: заключаются в обосновании теоретических положений, касающихся формирования такой категории, как профессиональные специальные знания; разработаны научно обоснованные рекомендации в части использования следователем собственных знаний, выходящих за рамки стандартных профессиональных компетенций, но фактически не являющихся специальными.

Выводы и заключения: юридические межотраслевые знания в ситуациях, когда правовые нормы являются системой регулирования общественных отношений, не требуют применения специальных методов познания, а значит, не относятся к специальным знаниям; использование специальных знаний при исследовании правовых норм, регулирующих технологические и иные производственные агропромышленные процессы, требуют привлечения сведущих лиц. Отсутствие необходимости в применении специальных средств и методов обнаружения и изучения компьютерной информации делает возможным использование следователем углубленных знаний при работе с данной информацией в плане ее обнаружения, фиксации и изъятия. Необходимость в получении ориентирующих сведений предопределяет использование следователем консультационной и справочной помощи, являющихся самостоятельными видами специальных знаний.

Ключевые слова: специальные знания, расследование преступлений, преступления в сфере агропромышленного комплекса, криминалистическая тактика.

Для цитирования: Пахомов С. В. Перспективы использования следователем собственных профессиональных специальных знаний в ходе расследования преступлений в сфере агропромышленного комплекса / С. В. Пахомов // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1(104). – С. 48–54.

THE PROSPECTS OF USING THE INVESTIGATOR'S OWN PROFESSIONAL EXPERTISE DURING THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Pakhomov Sergey Valeryevich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the result of updating knowledge, skills and abilities is the admissibility of the use by investigators of their own professional knowledge on the detection, seizure, evaluation and use of evidence that goes beyond traditional professional competencies. With regard to the investigation of crimes in the field of agro-industrial complex, special professional knowledge is characterized by the ability of the investigator to directly study computer information generated through specialized programs used in the activities of agro-industrial organizations, as well as other information stored on electronic media and reflecting criminally significant information about various aspects of financial and economic activity. In addition, the professional knowledge of investigators is conditioned by the ability to effectively identify intersectoral legal relations that affect the formality of criminal law norms on crimes in the field under study.*

Materials and methods: *the research methods were: analysis and synthesis, induction and deduction, abstraction, as well as the survey method. When preparing the article, scientific literature in the field of criminology and criminal procedure, judicial practice data, as well as the results of a written questionnaire of 223 investigators of internal affairs bodies were used.*

Results of the research: *consist in the substantiation of theoretical provisions concerning the formation of such a category as professional special knowledge; scientifically based recommendations have been developed regarding the use by the investigator of his own knowledge that goes beyond the standard professional competencies, but in fact are not special.*

Conclusions: *legal intersectoral knowledge in situations where legal norms are a system of regulation of public relations, do not require the use of special methods of cognition, and therefore do not relate to special knowledge; the use of special knowledge in the study of legal norms regulating technological and other industrial agro-industrial processes requires the involvement of knowledgeable persons. The absence of the need for the use of special tools and methods for detecting and studying computer information makes it possible for the investigator to use in-depth knowledge when working with this information in terms of its detection, fixation and seizure. The need to obtain orienting information determines the investigator's use of consulting and reference assistance, which are independent types of special knowledge.*

Keywords: *special knowledge, investigation of crimes, crimes in the field of agro-industrial complex, forensic tactics.*

For citation: *Pakhomov S. V. Perspektivy ispol'zovaniya sledovatelem sobstvennykh professional'nykh spetsial'nykh znaniy v khode rassledovaniya prestupleniy v sfere agropromyshlennogo kompleksa [The prospects of using the investigator's own professional expertise during the investigation of crimes in the field of agro-industrial complex]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 2023. № 1 (104). P. 48–54.*

Расследование преступлений в сфере агропромышленного комплекса (далее – АПК) обусловлено спецификой развития отношений в указанной сфере как условий, детерминирующих выбор способов совершения и сокрытия таких преступлений. АПК – это многоотраслевая сфера, выступающая объектом обширного нормативного правового регулирования, опосредующего организационную систему экономико-производственной деятельности и особенности отражения ее результатов, а также обеспечивающего защиту социальных, иму-

щественных, экономических и пр. интересов коммерческих организаций, физических лиц и государства. Одними из средств охраны указанных интересов являются меры уголовного принуждения, предусматривающего уголовную ответственность за преступления, совершенные как субъектами агропромышленной деятельности, так и в отношении таковых.

Типичная особенность данных преступлений проявляется в том, что противоправная деятельность субъектов преступления вуалируется под деятельность, имеющую внешнее

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

проявление как законная, обусловленная экономико-производственными задачами. Поэтому в механизме преступного деяния образуется материально выраженная следовая картина, опосредованная особенностями совершения притворных экономических сделок, внесением подлогов в бухгалтерские документы первичного и синтетического учета, нарушением порядка проведения собрания акционеров (пайщиков), порядка реализации имущественных объектов агропромышленных организаций в рамках процедур банкротства и т. д. Отражение следовой картины данных преступлений имеет особенности, связанные с активным использованием компьютерной техники в целях подготовки документов (контрактов, документов первичного учета, служебных писем, приказов и пр.), а также для ведения бухгалтерского, налогового и прочих видов учета посредством специализированного программного обеспечения.

Вышеуказанные особенности оказывают непосредственное влияние на ситуации расследования преступлений в сфере АПК, поскольку перед следователем стоит непростая задача по получению криминалистически значимых сведений, хранящихся в документальных источниках, а в процессе доказывания возникает необходимость оценки нарушений отраслевого законодательства, регулирующего те или иные стороны экономико-производственной деятельности субъектов агропромышленности.

Таким образом, становится очевидной проблема использования следователем специальных знаний с целью установления значительного круга искомых обстоятельств и фактов. При этом актуализируется вопрос относительно тех границ, в которых следователь способен решать диагностические и идентификационные задачи расследования самостоятельно для признания результатов его работы допустимыми, либо с использованием помощи специалистов как неотъемлемого условия процесса закрепления доказательств.

Однозначного критерия для отнесения тех или иных знаний к «специальным» в криминалистической теории нет. Исследованию данной проблематики в специальной литературе в области судебно-экспертной и процессуальной деятельности уделено много внимания [1; 2; 3; 4 и др.], поэтому осуществлять детализированный анализ приводимых точек

зрения в рамках данной работы нет необходимости. Однако следует, на наш взгляд, отметить некоторые условия, в соответствии с которыми может быть расширена потенциальная возможность закрепления доказательств следователем без привлечения специалистов в ходе расследования преступлений в сфере АПК.

Как нами уже отмечено, агропромышленная сфера регулируется множеством нормативных правовых актов, начиная от федерального законодательства, оканчивая ведомственными приказами, инструкциями и т. д., прямое нарушение которых образует соответствующие деликты, как правило, выступающие предметом гражданско-правовых и административных споров. Наряду с этим схожие по объекту и объективной стороне с деликтами противоправные деяния обуславливают возникновение уголовно-правовых предпосылок, которые определяют реализацию мер уголовно-правового реагирования. В этом случае особое значение приобретает правильная оценка следователем всех обстоятельств преступного события и верная его квалификация с учетом того, что большинство деяний подпадают под действие бланкетных норм уголовного законодательства. Поскольку бланкетные нормы содержат общую установку, направление действий следователя, при этом они позволяют установить внутриотраслевые и межотраслевые правовые связи [5, с. 166–167], то основная задача следователя сводится к анализу нарушений отраслевых норм, образующих эти самые межотраслевые связи, без установления которых уголовно-правовая квалификация не может быть осуществлена.

На этапе установления вышеуказанных обстоятельств следователь использует собственные юридические знания в области гражданского, налогового, бюджетного и иного права, а также в сфере арбитражного и гражданского судопроизводства, либо сталкивается с необходимостью обращения к лицу, имеющему более углубленные знания в области тех или иных правоотношений, отражающих спорные стороны правоприменения.

Может ли подобный пример указывать на то, что следователь использует специальные знания? Полагаем, что в данном конкретном случае – нет, поскольку исследуемый вопрос относится к знаниям, хоть и имеющим специфическую (юридическую) направленность, но

все же относящимся к знаниям общедоступным, не нуждающимся в доказывании. Познание же рассматриваемых вопросов определяется профессиональным уровнем следователя, его целеустремленностью и физической возможностью изучить необходимые правовые источники.

Другое дело, когда специальные юридические знания выходят за рамки правовой оценки действий определенного лица. Агропромышленная деятельность с учетом отраслевой специфики, как и всякая иная производственная деятельность, регулируется различными стандартами, методиками, инструкциями, умышенное несоблюдение которых приводит к нарушениям технологических процессов, обуславливающих образование материальных излишек, снижение сортности продукции и пр. Иными словами, нарушение указанных норм является составным элементом способа преступления, а значит, подлежит установлению и доказыванию. При этом конструирование данных норм основано на технических, химических, биологических знаниях, для понимания которых следователь не сможет обойтись без сведущего лица (технолога, биолога, инженера и пр.). Более того, несоблюдение нормативно установленных технологических правил не всегда говорит о корыстной (противоправной) направленности действий лица. Несмотря на то что предметом познания в данном случае являются нормативные документы, его объектом выступают технологические процессы, имеющие свои закономерности и принципы.

Поэтому, если вести речь об использовании следователем специального правового знания, важно понимать его контекст. В ситуации, когда правовые нормы являются средством организации агропромышленных производственных систем, а их регулирование опосредовано системой некоторых общественных отношений, то деятельность следователя не требует специальных методов познания межотраслевых или внутриотраслевых правовых связей. Однако нормативные предписания являются основой агропромышленных производственных процессов, а для конструирования таких норм используются узкие знания в области химии, биологии, инженерии и пр., использование следователем специальных знаний из указанных областей является неотъем-

лемым компонентом при получении доказательственной информации.

Производство следователем отдельных следственных действий при расследовании преступлений в сфере АПК часто осуществляется с участием специалистов. Мы уже отмечали в данной статье и в иных публикациях [6; 7], что агропромышленная деятельность сопровождается применением компьютерной техники и специализированных компьютерных программ. Компьютерная техника используется для составления контрактов, подготовки протоколов собраний акционеров, ведения прочей хозяйственной документации, а специализированные программы (такие как 1С-бухгалтерия, склад и пр., ПАРУС, БЭСТ и т. д.) позволяют вести различные реестры, подготавливать бухгалтерскую и налоговую отчетность организации и пр. Иными словами, сведения о хозяйственно-экономической жизни агропромышленной организации чаще всего хранятся на электронном носителе информации. Таким образом, возникает необходимость для привлечения специалиста в целях обнаружения и изъятия с электронных носителей криминалистически значимой информации.

Практика расследования преступлений в сфере АПК свидетельствует о существовании определенных закономерностей, связанных с возникновением криминалистически значимой информации и ее отражением. Одной из них является накопление массивов криминалистически значимых данных, отражающих признаки преступления в памяти компьютера (смартфона) или на ином электронном носителе (например, флеш-накопителе или внешнем жестком диске). Указанное обстоятельство предопределяет необходимость совершенствования профессиональных знаний следователей в части получения компьютерной информации, не требующих применения специальных средств и методов, для решения отдельных диагностических задач в рамках проведения следственных действий (прежде всего, осмотра, обыска и выемки). Наряду с этим имеются и положительные примеры, когда следователи самостоятельно обнаруживали и изымали необходимую информацию, обладая при этом определенными знаниями «продвинутого пользователя».

Например, следователь в ходе производства осмотра места происшествия – служебного

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

кабинета руководителя агропромышленной организации – произвел осмотр компьютера, находящегося там, а также информации, содержащейся в компьютере. Он установил, что на жестком диске имеется два раздела: в первом разделе содержится компьютерная информация размером 48,83 Гб, во втором – 184,06 Гб. В ходе осмотра произведен поиск списка информационных объектов под определенными фразами. После этого следователем были выявлены и осмотрены папки, содержащие текстовые файлы, копии договоров, фотоизображения и др., а сам процесс осмотра был отражен в протоколе следственного действия¹.

Из приведенного примера видно, что реализация следователем навыков работы с компьютерной информацией в части ее поиска и систематизации позволяет отказаться от привлечения специалистов в области компьютерной техники, а также исключить необходимость физического изъятия электронных носителей информации. Тем более что это важно в свете требований уголовно-процессуального законодательства, в соответствии с которым на основании ч. 4.1. ст. 164 УПК РФ не допускается необоснованное изъятие электронных носителей информации, за исключением случаев, предусмотренных ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ; при этом на момент проведения отдельных следственных действий вышеуказанные основания для изъятия электронных носителей чаще всего отсутствуют.

Обнаружение указанной информации не требует применения специализированных аппаратно-программных комплексов, сложных поисковых алгоритмов и т. д. Однако в ситуации, при которой возникла бы необходимость применения способов преодоления криптографической защиты информации, обнаружения скрытых каталогов или файлов и пр., вне всякого сомнения, требуется привлечение сведущего лица.

Рассмотренный выше пример указывает на элементарные способы получения криминалистически значимой информации следователем. Вместе с тем, как мы отмечали, в рамках ведения финансово-хозяйственной деятельности руководители организаций и иные уполномо-

ченные лица используют специализированные программные продукты, работающие по определенным принципам, связанным с накоплением, обработкой и передачей компьютерной информации (бухгалтерский учет, складской учет, учет движений МЦ и т. д.).

В практической деятельности следователи сталкиваются с определенными сложностями при получении соответствующей информации, многие из них не обладают навыками работы с данными программами, и в целях получения криминалистически значимой информации в данном контексте им приходится привлекать специалистов в области бухгалтерского учета, владеющих при этом навыками работы со специальными бухгалтерскими и иными программами. Отметим при этом, что получение доступа к необходимой информации не предполагает непосредственного обнаружения признаков преступлений (различных несоответствий между данными первичного и синтетического учетов), поскольку эта задача решается посредством судебных экономических экспертиз. На данном этапе предполагается получение необходимых документов и их систематизация, что в общем-то не требует применения глубокого научного и методически обусловленного познания свойств различных объектов и явлений [2]. Таким образом, можно говорить о том, что в системе профессиональной подготовки следователей, специализирующихся на расследовании преступлений в сфере АПК (и иных преступлений в сфере экономики), целесообразно предусмотреть комплекс вопросов работы со специализированными компьютерными программами либо сформировать методические рекомендации следователям, которые позволят самостоятельно изучать алгоритмы работы с подобными программными продуктами.

Работа следователя в вышеуказанном аспекте основана на комплексных знаниях в области бухгалтерского (и иного хозяйственного) учета и работы со специализированными компьютерными программами, поэтому целесообразно выделить одно из направлений использования следователем специальных знаний в виде консультационной и справочной

¹ Архив Первомайского районного суда Тамбовской обл. Приговор № 1-2/2017 1-70/2016 от 7 августа 2017 г. по обвинению Перова А.В., Глуховой О.В., Фирсова А.Б., Глухова В.Е., Бирюкова В.Н. и Тиль О.С. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2, ч. 7 ст. 159 УК России.

помощи. Несмотря на то, что в криминалистической литературе эти два вида деятельности не разделены и определяются как тождественные, мы полагаем, что таковые в своей сущности имеют различия.

Так, по нашему мнению, справочная деятельность выражается в передаче сведущим лицом следователю информации относительно общепринятого порядка выполнения какой-либо деятельности, устойчивых закономерностей протекания каких-либо процессов или событий, иными словами, носит разъяснительный характер, опосредованный стандартизированными нормами и правилами.

Консультационная деятельность в большей степени это частное суждение или рекомендация специалиста по выбору целесообразной линии поведения, способа действий, возможных причинах и условиях возникновения каких-либо обстоятельств и др., то есть носит субъективно-оценочный и вероятностный характер, является способом субъективной интерпретации специалистом обстоятельств, связанных с предметом консультации.

Таким образом, правоприменительная практика свидетельствует о существовании объективной возможности использования следователем собственных профессиональных знаний в решении отдельных диагностических и идентификационных задач. Их реализация целесообразна в обстоятельствах, когда полученные таким образом криминалистически значимые сведения не требуют доказывания и не требуется применение специальных средств

и методов, работа с которыми предполагает узкие специальные знания. Тактическое решение в данном аспекте принимается непосредственно следователем в условиях отсутствия риска утраты или невыявления криминалистически значимых сведений.

Примечательно, что результаты проведенного нами опроса следователей, специализирующихся на расследовании преступлений в сфере АПК и в целом преступлений в сфере экономической деятельности, показывают, что, по мнению 51,8 % респондентов, использование следователем собственных (углубленных) знаний можно отнести к специальным знаниям, но при этом 48,8 % отметили, что таковые к специальным знаниям относить не целесообразно. Анализ специальной литературы, изучение мнений следователей позволяют нам отметить, что знания, применяемые следователями самостоятельно, но по своему объему и характеру выходящие за пределы «традиционных» знаний, умений и навыков, которые тем не менее позволяют решать следователю «стандартные» задачи расследования преступлений, следует относить к профессиональным специальным знаниям. Они выражены в существовании у следователя более углубленного уровня знаний и умений, приобретенных путем познания им специфических закономерностей, процессов и явлений, а также понимания механизмов их отражения, способов обнаружения, изъятия и криминалистического описания материально выраженных признаков познаваемых объектов.

Список источников

1. Цховребова И.А. Некоторые возможности решения идентификационных задач // Вестник криминалистики. Вып. 3(31). М., 2009. С. 182–186.
2. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. М., 2022. 735 с.
3. Прорвич В.А. Комплексное применение специальных знаний для выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3. С. 65–71.
4. Ростовцев А.В. Использование специальных знаний для предупреждения, раскрытия и

References

1. Tskhovrebova I.A. Some possibilities of solving identification problems // Bulletin of Criminalistics. Issue 3(31). Moscow, 2009. Pp. 182–186.
2. Rossinskaya E.R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings: monograph. Moscow, 2022. 735 p.
3. Prorvich V.A. Complex application of special knowledge for detection, disclosure and investigation of crimes in the field of economics // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3. Pp. 65-71.
4. Rostovtsev A.V. The use of special knowledge for the prevention, disclosure and investigation

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

расследования преступлений // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 218–221.

5. Кипарисов В.Г. Понятие бланкетных норм права // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2(54). С. 166–169.

6. Пахомов С.В. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершаемых на объектах агропромышленного комплекса // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 4(90). С. 146–152.

7. Пахомов С.В. Криминалистическое значение компьютерной информации в раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические. 2020. Вып. 2. С. 117–124.

of crimes // Bulletin of Economic Security. 2016. № 1. Pp. 218-221.

5. Kiparisov V.G. The concept of blank norms of law // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2(54). Pp. 166-169.

6. Pakhomov S.V. Information support for the disclosure and investigation of crimes committed at the facilities of the agro-industrial complex // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4(90). Pp. 146–152.

7. Pakhomov S.V. The criminalistic significance of computer information in the disclosure and investigation of crimes committed in the field of agro-industrial complex // Proceedings of Tula State University. Economic and legal. 2020. Issue 2. Pp. 117–124.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пахомов Сергей Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника (по научной работе). Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pakhomov Sergey Valeryevich, PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head (for scientific work), Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko str., Rostov-on-Don, 344015, Russian Federation.

ТРАДИЦИИ ЯЗЫКА КРИМИНАЛИСТИКИ И ИХ СОБЛЮДЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Комаров Игорь Михайлович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация,
mgu.ikomarov@mail.ru

Парубов Александр Иванович

Юридический институт ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», Барнаул, Российская Федерация,
parubow@yandex.ru

Введение: научно-практический язык, в отличие от естественного, бытового языка, отличается точностью и однозначностью употребляемых понятий. По мере развития науки совершенствуется ее язык, его структура и содержание приобретают строго определенный характер, понятия и суждения становятся все более общими и аргументированными, улучшается системная связанность научных высказываний, а понятийный аппарат совершенствуется.

Криминалистика имеет свой язык, являющийся средством и способом реализации криминалистического научного мышления, а криминалистические исследования в конечном итоге нацелены на правоприменительную практику, поэтому взаимоотношения участников системы «исследователь – правоприменитель» в первую очередь связаны их взаимопониманием на основе использования необходимого общего запаса понятий, одинаково отражаемых и используемых и в науке, и на практике.

Материалы и методы: определяются кругом решаемых научных задач, ориентированных на выявление и разрешение проблем использования в научно-исследовательской деятельности языка криминалистики, правильное оперирование которым позволяет более точно отражать результаты исследований. В ходе исследования применены методы: сравнительно-правовой, описательный, анализ и синтез, классификация и др. Изучались материалы научных исследований, отраженные в диссертациях, монографиях, научных статьях и др.

Результаты исследования: позволили выявить объективные проблемы, связанные с попытками формулирования исследователями научных понятий и терминов, нарушающих принципы формирования научной теории, либо понятий, не имеющих научной новизны, а только произвольно интерпретированных уже существующих категорий.

Выводы и заключения: формирование языка криминалистической науки и сохранение сущности его понятий необходимо для их правильного понимания и единообразного применения как в науке, так и в практике. «Увлечение» естественным языком в процессе научно-практического общения в криминалистике неизбежно влечет за собой неопределенность толкований отдельных понятий, а это искажает понимание обосновываемых научных положений. Однозначное же толкование введенных криминалистикой понятий к установленным в процессе научного исследования явлениям, предметам и процессам имеет важное значение для всей познавательной деятельности в науке и практике, в первую очередь для эмпирической проверки этих понятий, посредством правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: язык криминалистики, криминалистические понятия.

Для цитирования: Комаров И. М., Парубов А. И. Традиции языка криминалистики и их соблюдение в современных криминалистических исследованиях / И. М. Комаров, А. И. Парубов // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1 (104). – С. 55–59.

TRADITIONS OF THE LANGUAGE OF CRIMINALISTICS AND THEIR OBSERVANCE
IN MODERN FORENSIC RESEARCH

Komarov Igor Mikhailovich

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Parubov Alexander Ivanovich

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Introduction: scientific and practical language, unlike natural, everyday language, differs in the accuracy and unambiguity of the concepts used. As science develops, its language improves, its structure and content acquire a strictly defined character, concepts and judgments become more general and reasoned, the systemic coherence of scientific statements improves, and the conceptual apparatus improves.

Criminalistics has its own language, which is a way of implementing forensic scientific thinking, and forensic research is ultimately aimed at law enforcement practice, therefore, the relationship between the participants of the «researcher – law enforcement officer» system is primarily connected by their mutual understanding based on the use of the necessary common stock of concepts, equally reflected and used both in science and in practice.

Materials and methods: determined by the range of scientific tasks to be solved, focused on identifying and solving problems of using the language of criminology in research activities, the correct operation of which allows you to more accurately reflect the results of research. The following methods were applied: comparative legal, descriptive, analysis and synthesis, classification, etc. The materials of scientific research reflected in dissertations, monographs, scientific articles, etc. were studied.

Results of the research: revealed objective problems associated with attempts by researchers to formulate scientific concepts and terms that violate the principles of scientific theory formation, or concepts that do not have scientific novelty, but only arbitrarily interpreted already existing categories.

Conclusions: the formation of the language of forensic science and the preservation of the essence of its concepts is necessary for their correct understanding and uniform application both in science and in practice. The «fascination» with natural language in the process of scientific and practical communication in criminology inevitably entails uncertainty in the interpretation of certain concepts, and this distorts the understanding of the substantiated scientific provisions. An unambiguous interpretation of the concepts introduced by criminology to the phenomena, objects and processes established in the process of scientific research is important for all cognitive activity in science and practice, primarily for the empirical verification of these concepts through law enforcement.

Keywords: the language of criminology, criminalistic concepts.

For citation: Komarov I. M., Parubov A. I. Traditsii yazyka kriminalistiki i ikh soblyudeniye v sovremennykh kriminalisticheskikh issledovaniyakh [Traditions of the language of criminalistics and their observance in modern forensic research]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 2023. № 1 (104). P. 55–59.

Как многие языки наук уголовно-правового цикла, язык криминалистики имеет тесные связи с естественным языком, посредством которого осуществляется не только толкование, но и всеобщее осмысление учеными и практиками научных и практических положений, выраженных в понятийном аппарате науки.

Отношения естественного и формализованного научного языка в развитии правовой науки на протяжении трех последних десятилетий является предметом спора [1, с. 90; 2, с. 263–264; 153–154]. Суть его проста: либо этот язык использует только естественный (общеупотребительный) язык, либо в нем есть сочетания общеупотребительных и специальных юридических терминов (естественного и формализованного языков).

В основе языка криминалистики лежал не только естественный язык, но и устоявшиеся формализованные понятия естественных и технических наук. Поэтому этот язык представляет собой разумное сочетание естественного и формализованного языка – «систему общих и частных понятий, выражаемых определениями и обозначениями (знаками, терминами)» [3, с. 183].

Под понятием «логика» понимается целостная совокупность суждений о каком-либо объекте. Определение понятия раскрывает его содержание посредством указания на существенные признаки объектов, объединенных данным понятием. Правильно подмечено, что «каждое научное понятие существует в языке науки не изолировано, само по себе, а лишь в системе связанных с ним понятий,

относящихся к одному и тому же предмету изучения, и лишь в этой системе оно приобретает свой смысл и значение» [4, с. 31]. Данный тезис как никогда актуален для современной криминалистики, чья система понятия – важнейшая часть ее языка, который не так давно вступил в стадию активной формализации.

Логическая категория, именуемая понятием, является «элементарной частицей» познания, поэтому познание как отражение субъектом объективной реальности в конечном итоге есть процесс формирования понятий. Венгерский логик Б. Фогараши так определяет этот инструмент познания: «Понятие есть высший продукт человеческого мозга, высший продукт материи, основная форма мышления, выражающаяся в звуковом языке; оно путем обобщения выделяет общие элементы объективного внешнего мира, предметов и существующих между ними связей, резюмирует их и таким образом отражает в мыслях определенные части и связи объективной действительности» [5, с. 150].

В соответствии со своим гносеологическим статусом понятие – ядро познавательной деятельности. Реальным познавательным средством являются чувства субъекта познания, связанные с его мыслью, т. е. с понятием. Формирование понятия – многокомпонентный процесс, связанный с мыслительной и практической деятельностью субъекта познания. Однако для того, чтобы понятие активно участвовало в познавательной деятельности, оно должно быть правильно и точно определено. На определения, как на существенные основания, опираются все субъекты расследования преступлений, т. к. они определяют и дисциплинируют обоснованное криминалистическое мышление. Достоинство определенных криминалистических понятий заключается в том, что «они являются наиболее адекватными природе познавательного процесса средствами оптимальной концентрации знания в форме единой мысли, ибо в них подытоживается главное» [6, с. 76].

Все, что изложено выше, криминалистам хорошо известно. Однако ознакомление с рядом криминалистических исследований последних лет свидетельствует о том, что в них просматривается тенденция, связанная с определениями понятий, которые не всегда соответствуют требованиям теории, а следовательно, и практике правоприменительной деятельности, на которые мы уже обратили внимание.

Отметим, например, что в ряде монографических и диссертационных исследований

авторы предпринимают попытки дать определения понятий, которые уже устоялись в криминалистике, и необходимость в их пересмотре в общем отсутствует, т. к. она не вызвана изменением условий существования уже определенных явлений, предметов и процессов.

Так, например, в последнее время по понятным причинам особую актуальность приобрели криминалистические исследования, связанные с экстремизмом и экстремистской деятельностью. В этих работах авторы предпринимали попытки обоснования определения «экстремистская деятельность». Однако это понятие было определено еще в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», и нет никакой необходимости определять его снова в исследованиях, посвященных разработке методик расследования этих преступлений, тем более выносить (как это делалось не раз) данное определение на защиту в качестве новизны исследования.

Нередки случаи, когда авторы в своих работах определяют понятия, которые давно сформированы в криминалистике, поэтому нет необходимости давать их новые определения, по причине того, что эти определения ничего нового в науку не привносят.

По понятным всем причинам мы не ссылаемся на конкретные исследования, но в качестве обезличенного примера приведем ситуацию, когда на защиту выносятся определение понятия «планирование расследования по уголовному делу». Определение этого понятия известно криминалистам с 1957 г., когда профессора А.Н. Васильев, Г.Н. Мудьюгин и Н.А. Якубович дали его в своей фундаментальной работе «Планирование расследования преступлений», и это определение не вызвало возражений тогда, не вызывает и сегодня. И подобные случаи неединичны.

Порой, исследуя ту или иную проблему, мы забываем устоявшийся методологический принцип, в кратком виде гласящий: «Не следует множить сущее без необходимости» или «Многообразие не следует предполагать без необходимости».

Проблема дачи определений криминалистических понятий связана, как было отмечено, не только с ненужным «приумножением сущностей». Она более сложная по причине того, что многие молодые криминалисты, которые грешат этим занятием, не в полной мере владеют методологией формулирования определений, как совершенствуемых, так и вновь создаваемых. Причину такой ситуации мы в значительной

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

мере видим в их слабой теоретической подготовке к этому важному виду научной деятельности. В частности, анализ ряда работ свидетельствует о том, что их авторы не знают о необходимости формирования в первую очередь концепции искомого понятия, которую следует класть в основу его разработки, не понимают, какое определение предполагается в итоге сформулировать – номинальное, аналитическое или синтетическое, а также какие существенные признаки для этого следует отыскать и аргументировать. Вся эта работа, скорее всего, ведется по наитию, а не на основе устоявшейся научной методологии. По этой причине определенное понятие может быть ущербным, а запущенное в криминалистический оборот, оно принесет больше вреда, чем пользы.

Нет понимания и того факта, что научное определение того или иного понятия всегда связано с его сущностью, а прикладной аспект выражается в определении, данном на уровне явления, что всегда актуально для правоприменительной практики.

Криминалистам старшего поколения хорошо известны работы выдающихся отечественных ученых Д.П. Горского, В.И. Кондаурова и др., где детально описан процесс формирования определений научных понятий, что и в настоящее время является актуальной базой для этого вида деятельности в криминалистике.

По причине нарушения требований языка криминалистики страдает и современная методология научных исследований. Так, например, в работах часто допускается не вполне корректное использование понятия «типовая» в отношении характеристики тех или иных практико-ориентированных понятий (следственных ситуаций, следственные версии и пр.). Известно, что аутентичное толкование понятия «типовая» означает – соответствующая определенному типу, образцу, модели, то есть стандартная, однажды данная, то есть типовым можно называть научно определенное понятие. Обобщение результатов судебно-следственной практики и выделение на этой основе наиболее часто повторяющихся в определенном пространственно-временном континууме свойств того или иного явления, предмета или процесса является «типичным», то есть воплощающим в себе характерные особенности какого-либо типа указанных явлений, предметов или процессов.

В связи с этим уместно упомянуть, что достаточно часто понятие «следственная ситуация»

представляется как типичное, между тем «следственная ситуация» как понятие является категорией науки криминалистики и выступает как модель главным образом информационного характера, типичных ситуаций расследования. Как и любая модель, следственная ситуация в таком ее понимании ограничивает себя лишь наиболее значимыми, наиболее типичными свойствами и признаками тех ситуаций расследования конкретных преступлений, моделью которых она выступает. К ним и должны создаваться криминалистические средства разрешения реальных ситуаций расследования.

Язык криминалистики отличается от языка уголовного процесса, выраженного в понятиях, определенных наукой уголовного процесса и действующим уголовно-процессуальным законодательством. Поэтому правильно определять особенности организационных и проверочных мероприятий не на стадии возбуждения уголовного дела, как это часто встречается в криминалистических исследованиях, а в ходе доследственной проверки, которая является частью криминалистического понятия, – первоначальный этап расследования.

Не всегда в работах авторы видят различие в понятиях «система» и «структура», ставя между ними знак равенства. Однако понятие «структура» отражает характер связи между элементами системы, а не сами элементы, что важно, например, для описания содержания такой категории, как криминалистическая характеристика преступлений.

С этой категорией в исследованиях вообще происходят совершенно непонятные метаморфозы. Их авторы «сделали» из нее универсальное средство расследования, не объясняя никак это ее свойство. Между тем уже давно подмечено, что в ее традиционном понимании это всего лишь информационная база для выдвижения типичных следственных версий первоначального этапа расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности. Между тем ее содержание меняется, если мы будем рассматривать криминалистическую характеристику в отношении механизма преступления. Здесь тоже обо всем по порядку. В криминалистических исследованиях часто смешивают эти понятия, не всегда определяют их связь и различие. Безусловно, можно рассматривать их отдельно или самостоятельно, но в своих исследованиях, видимо, прав А.М. Кустов, который предложил рассматривать механизм преступления в системе элемен-

тов криминалистической характеристики преступлений на месте способа совершения преступления, механизм преступления включает этот элемент. Тогда криминалистическая характеристика в методике расследования действительно становится полноценным элементом, т. к. система механизма преступления отражает всю деятельность систему преступления и лиц, его совершающих, а это база не только для выдвижения следственных версий, но и разработки тактики вербальных и невербальных следственных действий.

В диссертационных исследованиях последних лет обращает на себя внимание тот факт, что соискатели, нарушая установленный понятиями языка криминалистики порядок, не видят разницы между частной, групповой и видовой методиками расследования преступлений, назначением криминалистической классификации преступлений, научными и практическими методами познания и т. п.

Список источников

1. Прянишников Е.А. Терминология уголовно-процессуального законодательства // Правоведение. 1968. № 6.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 1.; Пиголкин А.С. Подготовка проектов нормативных актов. М., 1968.
3. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов. 3-е изд., дополн. М., 2001.
4. Блауберг В.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Н. Системный подход: предпосылки, трудности, проблемы. М., 1969.
5. Фогараша Б. Логика. М., 1959.
6. Кондауров В.И. Процесс формирования научного знания (онтологический, гносеологический и логический аспекты): монография. М., 2014.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Комаров Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. 119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 13.

Парубов Александр Иванович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса. Юридический институт ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». 656049, Российская Федерация, г. Барнаул, пр. Социалистический, 68.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Komarov Igor Mikhailovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminalistic, Lomonosov Moscow State University. 1, p. 13, Leninskie gory, Moscow, GSP-1, 119991, Russian Federation.

Parubov Alexander Ivanovich, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Labor, Environmental Law and Civil Procedure, Law Institute of the Altai State University. 68, Socialist Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation.

Последнее время в научно-квалификационных работах стали встречаться факты того, что криминалистический объект исследования, вопреки устоявшемуся в криминалистике языку, определяется через «общественные отношения». Между тем криминалистика не изучала и не изучает никакие «общественные отношения», это прерогатива отраслевых юридических наук, которые изучают общественные отношения в форме правоотношений, а наша наука в качестве объекта исследует преступную деятельность и законную деятельность.

Можно и далее приводить примеры того, как вследствие причин различного характера искажается язык криминалистики. Однако мы не видим в этом необходимости по причине того, что важно вовремя заметить эту негативную тенденцию и, обратив на нее внимание научной общественности, принять должные меры к «лечению» образовавшейся проблемы.

References

1. Pryanishnikov E.A. Terminology of criminal procedure legislation // Jurisprudence. 1968. № 6.
2. Belkin R.S. Course of criminology. Vol. 1.; Pigolkin A.S. Preparation of draft regulations. M., 1968.
3. Belkin R.S. Course of criminology: studies. manual for universities. 3rd ed., supplement. Moscow, 2001.
4. Blaumberg V.V., Sadovsky V.N., Yudin E.N. System approach: prerequisites, difficulties, problems. M., 1969.
5. Fogarashi B. Logic. Moscow, 1959.
6. Kondaurov V.I. The process of formation of scientific knowledge (ontological, epistemological and logical aspects): monograph. Moscow, 2014.

ЭЛИТАРНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУК: К ВОПРОСУ О ПОСТАНОВКЕ
НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ

Григорян Давид Кромвелович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
davo-davo23@mail.ru

Введение: постсоветский этап жизнедеятельности нашего государства обнажил множество ранее не известных проблем и противоречий, среди которых наибольшую тревожность вызывает криминализация общества, проявляющаяся не просто в активизации общеуголовной, экономической, экстремистской преступности, а в появлении такой ее специфической разновидности, как элитарная преступность. Недостаточность научного обеспечения данной проблемы (вплоть до отсутствия четкого и однозначного понимания термина «элита»), порождающая низкую эффективность следственно-судебной практики расследования указанных посягательств, обуславливает потребность проведения специального исследования.

Материалы и методы: в процессе исследования автор опирался на совокупность общепризнанных и наиболее эффективных методов научного познания: положений диалектики, системно-структурного, формально-логического, конкретно-социологического методов; осуществлял анализ и синтез, применял индукцию и дедукцию, а также обращался к таким когнитивным приемам, как наблюдение, сравнение, обобщение и др. Кроме того, автор исходил из общепризнанных положений теории элит, а также уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, иных наук. Эмпирическую базу составили материалы 52 уголовных дел о преступлениях различных категорий (мошенничество, получение взятки, незаконное участие в предпринимательской деятельности, злоупотребление должностными полномочиями и др.), совершенных представителями российской элиты.

Результаты исследования: в статье получило освещение такой специфической социальной феномен, как элитарная преступность, раскрыта нетождественность этого термина по отношению к смежным понятиям коррупционной, должностной, служебной, экономической преступности, показан генезис элитарной преступности в постсоветский период. Принадлежность к элитарной преступности предопределяется социальным статусом, должностью, местом трудовой деятельности или родом занятий лица, в отношении которого инициировано уголовное преследование, а также возможностью в этой связи оказывать (официально или неофициально) влияние на идеологию, убеждения, гражданскую позицию, деятельность лиц, не находящихся в прямом подчинении субъекта, включая неопределенно широкий круг лиц.

Выводы и заключения: на современном этапе развития социума сформировалась теоретическая и практическая потребность в комплексном изучении элитарной преступности, с целью выявления закономерностей, образующих механизм совершения элитарных преступлений, а также формирования на этой основе базовой криминалистической методики расследования указанных посягательств.

Ключевые слова: общество, социум, индивидуум, элита, элитарная преступность, управление, влияние, правовые нормы.

Для цитирования: Григорян Д. К. Элитарная преступность как объект изучения уголовно-правовых наук: к вопросу о постановке научной проблемы / Д. К. Григорян // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1 (104). – С. 60–65.

Original paper

ELITE CRIME AS AN OBJECT OF STUDY IN THE CRIMINAL LAW SCIENCES:
TO THE QUESTION OF SCIENTIFIC PROBLEM STATEMENT

Grigoryan David Kromvelovich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the post-Soviet stage of the life of our state has exposed many previously unknown problems and contradictions, among which the criminalization of society is the most alarming, manifested not only in the activation of ordinary, economic, extremist crime, but in the appearance of such its specific variety as elite crime. The insufficiency of scientific support for this problem (up to the lack of a clear and unambiguous understanding of the term “elite”), which generates a low efficiency of investigative and judicial practice of investigating these encroachments, necessitates a special study.

Materials and methods: in the course of the research, the author relied on a set of generally recognized and most effective methods of scientific knowledge: the ideas of dialectics, system-structural, formal-logical, concrete-sociological methods; carried out analysis and synthesis, applied induction and deduction, and also turned to such cognitive techniques as observation, comparison, generalization and others. In addition, the author proceeded from the generally accepted provisions of the theory of elites, as well as criminal law, criminal procedure, criminology, and other sciences. The empirical base consisted of the materials of 52 criminal cases on crimes of various categories (fraud, bribery, illegal participation in business activities, abuse of power, etc.) committed by representatives of the Russian elite.

Results of the research: the article highlights such a specific social phenomenon as elite crime, reveals the non-identity of this term in relation to the related concepts of corruption, official, service, economic crime, shows the genesis of elite crime in the post-Soviet period. Belonging to elite crime is predetermined by the social status, position, place of employment or occupation of the person against whom criminal prosecution has been initiated, as well as the possibility in this regard to influence (officially or informally) the ideology, beliefs, civic position, activities of persons not directly subordinated to the subject, including an indefinite wide range persons.

Conclusions: at the present stage of social development there is a theoretical and practical need for a comprehensive study of elite crime in order to identify the regularities that form the mechanism for committing elite crimes, as well as the formation on this basis of a basic forensic methodology for investigating these encroachments.

Keywords: society, community, individual, elite, elite crime, management, influence, legal norms.

For citation: Grigoryan D. K. *Elitarnaya prestupnost' kak ob'yekt izucheniya ugolovno-pravovykh nauk: k voprosu o postanovke nauchnoy problemy [Elite crime as an object of study in the criminal law sciences: to the question of scientific problem statement]. Filosofiya prava – Philosophy of Law. 2023. № 1 (104). P. 60–65.*

Неотъемлемым элементом всякого цивилизованного общества, формирующим векторы его поступательного развития, обозначающим основы внутренней и внешней политики, социальной жизни и системы ценностей, норм права и морали, выступает элита. Восходя к французскому слову elite – «избранный», «лучший», под элитой, применительно к социуму, в самом общем виде традиционно понимаются высшие социальные группы и их представители. Однако на этом единогласие в понимании элиты как социального феномена практически заканчивается [1, с. 45-51], ввиду множества подходов к определению сущности, содержания, классификации указанного термина, соотношения его со смежными понятиями (правлящий класс, каста).

Так, согласно политическому подходу, реализуемому одним из основателей элитологии – Гаэтано Моска, представителям элиты присущи, прежде всего, публично-властные полномочия либо способность оказывать влияние на социально-политические тенденции, при нейтральном отношении к индивидуально-психологическим особенностям данных

индивидуумов, в частности, интеллектуальному потенциалу, уровню духовного развития. В отличие от автора политического подхода, другим классиком элитологии – Вильфредо Федерико Дамасо Парето был предложен т. н. ценностный подход. Указанный подход подразумевает, что, исходя из буквальной трактовки слова «элита», к этой категории следует относить лиц, обладающих более высокими психологически и социально значимыми показателями (с точки зрения знаний, интеллекта, талантов, способностей), по отношению к среднестатистическим аналогичным характеристикам представителей соответствующей общности. Ценностный подход сочетался, с одной стороны, со скептицизмом ученого в отношении демократических режимов, с другой стороны, с его концепцией «циркуляции крови», сутью которого являлась идея о необходимости своевременного обновления элит путем ассимиляции иных (альтернативных) представителей социума, изначально не относящихся к категории элиты, но обладающих соответствующими профессионально значимыми и психологическими качествами.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Не претендуя в настоящей работе на полный и всесторонний анализ понятия «элита», в связи с тем, что это является прерогативой специального направления в социологических и политических науках – «теории элит» (элитологии) [2, с. 131–138], мы кратко остановились на нем лишь постольку, поскольку это представляется необходимым в контексте избранного нами специфического ракурса научного познания, а именно рассмотрения деятельности представителей элиты как субъектов преступных посягательств.

Нам представляется заявленный аспект интересным по ряду причин. Итак, иерархичность общества (с выделением в его структуре представителей элиты) – есть имманентно присущее ему свойство, взаимосвязанное с объективной потребностью в дальнейшей поступательной эволюции социума как одного из условий функционирования. Появление новых открытий и изобретений, формулирование ранее неизвестных закономерностей, внедрение более инновационных технологий и иных ресурсов и т. п., – все это несомненные атрибуты общественного прогресса, двигателем которого справедливо признаются сами авторы данных креативных нововведений.

В то же время, будучи привилегированной частью соответствующей человеческой общности, элита всегда производна от уровня ее развития, правовой культуры, ментальности, совокупности принятых в данном обществе правовых норм, иных ценностных установок и пр. По этой же причине именно элита зачастую наиболее быстро и остро реагирует на различные кризисные явления, возникающие в государстве и обществе, даже если они не затрагивают конкретного индивидуума лично.

Произошедшие на рубеже тысячелетий в России, а также на территории всего постсоветского пространства глобальные и всеобъемлющие реформы обусловили смену общественной формации, а также кардинально трансформировали систему отечественного права. Несмотря на принятие множества вполне удачных и весьма долгожданных новелл – норм права, правовых институтов и даже отраслей – время показало, что далеко не все нововведения оказались полезными и эффективными. Более того, указанный период реформ не мог не ознаменоваться колоссальной ротацией российской элиты, что также далеко

не во всех случаях повлекло позитивные результаты [3, с. 133–139].

С одной стороны, многие, в том числе высококвалифицированные, представители элиты «советской закалки» по тем или иным причинам не смогли адаптироваться к изменившимся условиям. Поскольку, как известно, процесс «ломки» прежней общественной формации сопровождался не только трансформацией политического режима, но и глобальным кризисом, проявившимся повсеместно и многогранно: от дефицита продовольствия и товаров первой необходимости, последующей либерализации в сфере ценообразования, широко известной как «шоковая терапия», до не вполне продуманного механизма приватизации, в результате которой произошло далеко не всегда справедливое перераспределение недвижимости, включая средства производства. С другой стороны, либерализация экономических отношений без введения адекватного контроля в ранний постсоветский период способствовала массовому вовлечению криминалитета в сферу свободного рынка, вплоть до сращивания в определенных случаях бизнеса и организованной преступности. А одним из неблагоприятных последствий в целом, безусловно, позитивных политических реформ явилось взаимопроникновение и взаимовлияние сфер власти, бизнеса и организованной преступности, в свою очередь подпитываемых представителями соответствующей элиты.

Обозначенные явления, как представляется, позволяют говорить об объективном существовании такого явления, как элитарная преступность [4, с. 258–266], которое требует своего дальнейшего тщательного изучения.

В уголовно-правовой сфере имеется множество интересных и заслуживающих внимания научных трудов, посвященных таким смежным проблемам, как коррупционная, должностная (служебная), экономическая преступность [5, с. 72–77; 6, с. 36–40; 7, с. 49–52; 8, с. 745–754].

Высоко оценивая результаты многих исследований, тем не менее заметим, что они в лучшем случае лишь фрагментарно затрагивают вопросы причастности к различным преступным деяниям представителей высших слоев общества, специально не анализируя с позиций наук уголовно-правового цикла элитарную преступность как комплексное явление.

Комплексные исследования элитарной преступности пока проводятся с позиции социологии [9]. Однако в силу нетождественности предмета и методов изучения в рамках социологических и уголовно-правовых отраслей науки очевидно, что данные изыскания, при всей их высокой информативности и инновационности, не могут восполнить пробел, существующий в сферах знания, непосредственно призванных обеспечивать правоприменительную практику действенными рекомендациями по борьбе с преступностью.

Стоит отметить, что недостаточная степень разработанности феномена элитарной преступности в отечественной юридической науке не могла не отразиться на следственно-судебной практике. Анализ эмпирических материалов, отражающих борьбу с такими серьезными посягательствами, как преступления коррупционной направленности, нецелевое расходование бюджетных средств, разнообразные по своему механизму деяния в сфере экономической деятельности (будь это сложные завуалированные формы мошенничества, незаконного предпринимательства и пр.), свидетельствует о том, что зачастую к уголовной ответственности продолжают привлекаться т. н. управленцы низового звена. Высокопоставленным руководителям государственных и коммерческих структур зачастую удается избежать справедливого привлечения их к уголовной ответственности.

Однако в современных условиях причастность представителей элиты к противоправной деятельности не ограничивается преступлениями служебной, коррупционной и экономической направленности. В условиях сложной политической обстановки, апофеозом которой является украинский кризис, участились случаи совершения деяний экстремистской направленности, в основном связанные с пропагандой экстремизма, дискредитацией органов государственной власти и конкретных должностных лиц, а также действий вооруженных сил РФ, различными публичными персонами, будь это должностные лица государственных органов, известные деятели науки, культуры, шоу-бизнеса и т. д. Разумеется, пропаганда экстремизма была опасна всегда. Пусть лица, осуществляющие такие действия, не совершают лично посягательства на почве экстремистских побуждений. Однако популяризация

экстремизма среди неопределенно широкого круга людей, тем более совершаемая медиа-персонами, имеющими множество последователей, поклонников и даже фанатов, способна нанести колоссальный вред интересам нашего общества и государства.

Резюмируя изложенное, представляется целесообразным сделать вывод об объективном существовании такого социального феномена, как элитарная преступность, которая по своей сущности и содержанию не тождественна понятиям «коррупционная», «служебная», «должностная», «экономическая» преступность, хотя она вполне может быть взаимосвязана и взаимообусловлена указанными смежными разновидностями.

Уголовный закон не предусматривает как такового понятия элитарной преступности, не выделяя специальных норм, устанавливающих уголовную ответственность именно для представителей элиты. Это вполне логично, поскольку, как известно, закон для всех един. Соответственно, принадлежность к элитарной преступности предопределяется не столько нормами Особенной части уголовного закона, а социальным статусом, должностью, местом трудовой деятельности, родом занятий лица, в отношении которого инициировано уголовное преследование. Деятельности представителя элиты в той или иной степени присущ публичный характер: будь это осуществление государственно-властных полномочий либо выступление на сцене, написание публицистических статей или научных произведений, а равно ведение блога, интернет-страницы в социальных сетях, тематического сайта и т. п., – в любом случае такой субъект способен оказать влияние на судьбы, идеологию, убеждения, гражданскую позицию иных лиц, не находящихся в его прямом подчинении, включая неопределенно широкий круг лиц.

Вместе с тем посредством эмпирического анализа материалов следственно-судебной практики актуализируется возможность (а главное, на современном этапе развития общества сложилась такая теоретическая и практическая потребность), потребность определить как наиболее типичные виды и группы преступных деяний, совершаемых представителями элиты, так и соотношение между совершенными деяниями и индивидуально-психологическими особенностями указанных

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

специфических субъектов [10, с. 244–251], выбираемыми ими способами совершения противоправной деятельности [11, с. 66–69]. В свою очередь, это послужит научным подспорьем для выявления криминалистически значимых закономерностей, образующих ме-

ханизм элитарных преступлений, и формирования на этой основе криминалистической характеристики соответствующих деяний [12, с. 12–13], а также разработки базовой криминалистической методики их расследования.

Список источников

1. Мацуев А.Н., Плотников А.Д. Еще раз к вопросу о понятии «элита» // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4.
2. Криворученко В.К., Мацуев А.Н., Плотников А.Д., Сыздыкова Ж.С. Элита: к вопросу о понятии // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3.
3. Зырянов С.Г., Понеделков А.В., Воронцов С.А. Проблемы модернизации современных российских элит // Социум и власть. 2014. № 2(46).
4. Идрисова С.Ф. Современный концепт элитарной преступности // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 1.
5. Варданыан А.В., Айвазова О.В. Должностные преступления в сфере экономики как объект криминалистического научного анализа // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1(41).
6. Варданыан А.В., Варданыан Г.А. Особенности возбуждения уголовных дел о преступлениях в сфере теневого обращения фармацевтической продукции // Уголовная юстиция. 2020. № 15.
7. Варданыан А.В., Гончаров К.В. Злоупотребление управленческими полномочиями в коммерческой или иной организации: опыт правоприменительной практики и некоторые проблемы возбуждения уголовного дела и предварительного расследования // Юристъ-Правоведь. 2015. № 2(69).
8. Варданыан А.В. Криминалистический анализ субъектов преступлений, связанных с воспрепятствованием законной предпринимательской или иной деятельности, как фактор повышения результативности расследования // Всероссийский криминологический журнал. 2015. Т. 9. № 4.
9. Идрисова С.Ф. Элитарная преступность как социальный феномен: научный доклад дис. ... д-ра социол. наук. Екатеринбург, 2012.
10. Варданыан А.В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные

References

1. Matsuev A.N., Plotnikov A.D. Once again to the question of the concept of «elite» // Knowledge. Understanding. Ability. 2012. № 4.
2. Krivoruchenko V.K., Matsuev A.N., Plotnikov A.D., Syzdykova Zh.S. Elite: to the question of the concept // Knowledge. Understanding. Ability. 2012. № 3.
3. Zyryanov S.G., Ponedelkov A.V., Vorontsov S.A. Problems of modernization of modern Russian elites // Society and power. 2014. № 2(46).
4. Idrisova S.F. The modern concept of elite crime // Actual problems of Russian law. 2010. № 1.
5. Vardanyan A.V., Aivazova O.V. Official crimes in the field of economy as an object of forensic scientific analysis // Proceedings of the Administration Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1(41).
6. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. Features of initiation of criminal cases on crimes in the sphere of shadow circulation of pharmaceutical products // Criminal justice. 2020. № 15.
7. Vardanyan A.V., Goncharov K.V. Abuse of managerial authority in a commercial or other organization: the experience of law enforcement practice and some problems of initiating a criminal case and preliminary investigation // Jurist-Pravoved. 2015. № 2(69).
8. Vardanyan A.V. Forensic analysis of the subjects of crimes related to the obstruction of lawful business or other activities as a factor in improving the effectiveness of the investigation // All-Russian Journal of Criminology. 2015. Vol. 9. № 4.
9. Idrisova S.F. Elite crime as a social phenomenon: a scientific report by thesis ... Doctor of Social Sciences. Yekaterinburg, 2012.
10. Vardanyan A.V. Subject of crime and personality of criminal as interdisciplinary categories of criminal law sciences: issues of correlation and integration // All-Russian Journal of Criminology. 2016. Vol. 10. № 2.

категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 2.

11. Варданян А.В. Роль теоретических положений криминалистического научного знания в формировании классификации способов совершения и сокрытия преступлений в сфере земельных правоотношений // Философия права. 2013. № 5(60).

12. Варданян А.В., Ларионов И.А. Научные основы формирования криминалистической характеристики преступлений, связанных с организацией незаконной миграции // Известия Тульского государственного университета, экономические и юридические науки. 2015. № 4-2.

11. Vardanyan A.V. The role of theoretical provisions of forensic scientific knowledge in the formation of classification of methods of committing and concealing crimes in the sphere of land relationships // Philosophy of Law. 2013. № 5 (60).

12. Vardanyan A.V., Larionov I.A. Scientific basis of the formation of forensic characteristics of crimes related to the organization of illegal migration // Proceedings of Tula State University, economic and legal sciences. 2015. № 4-2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Григорян Давид Кромвелович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Grigoryan David Kromvelovich, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Forensic Science and Operational-Search Activities. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko str., Rostov-on-Don, 344015, Russian Federation.

**СБОР И ИССЛЕДОВАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК ЭЛЕМЕНТЫ
ДОКАЗЫВАНИЯ В ЦЕРКОВНОМ СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

Коллантай Виталий Александрович

Томская духовная семинария, Томский государственный педагогический университет, Томск, Российская Федерация, alivealternativ@mail.ru.

Введение: понятие элемента предмета доказывания является основанием системы теории доказательств в любой процессуальной отрасли юридической науки. В церковном судебном процессе напрямую в решениях Вселенских и поместных соборов, а также действующих правоприменительных актах отсутствует упоминание об элементах предмета доказывания.

Цель работы – исследование двух важнейших элементов доказывания (сбор и исследование доказательств) в церковном судебном процессе Русской Православной Церкви.

Материалы и методы: при организации исследования применялись методы: сравнительно-правовой, теологический, историко-правовой, позволившие сформулировать основные выводы.

Результаты исследования: в заключении автор на основании анализа Положения о церковном суде Русской Православной Церкви (Московского Патриархата), решениях церковных судов и с применением сравнительно-правового метода обосновывает свою позицию по содержанию понятия элемента предмета доказывания.

Выводы и заключения: автору удалось выделить и описать четыре основных элемента предмета доказывания в церковном судебном процессе.

Ключевые слова: священнослужитель, доказательство, церковный суд, уголовный процесс, элемент предмета доказывания, сбор, исследование, проверка и оценка доказательств, интуитивизм.

Для цитирования: Коллантай В. А. Сбор и исследование доказательств как элементы доказывания в церковном судебном процессе Русской Православной Церкви / В. А. Коллантай // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1 (104). – С. 66–71.

Original paper

**COLLECTION AND RESEARCH OF EVIDENCE AS ELEMENTS
OF PROOF IN THE CHURCH TRIAL OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH**

Kollantay Vitaly Alexandrovich

Tomsk Theological Seminary, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

Introduction: the concept of the element of the subject of proof is the basis of the system of the theory of evidence in any procedural branch of legal science. In the ecclesiastical judicial process, directly in the decisions of Ecumenical and local councils, as well as in the current law enforcement acts, there is no mention of the elements of the subject of proof.

The purpose of the work is to study two important elements of evidence (collection and investigation of evidence) in the church trial of the Russian Orthodox Church.

Materials and methods: in the organization of the study, methods were used: comparative-legal, theological, historical-legal, which allowed to formulate the main conclusions.

Results of the research: in conclusion, the author, based on the analysis of the Regulations on the Ecclesiastical Court of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate), decisions of ecclesiastical courts and using the comparative legal method, substantiates his position on the content of the concept of the element of the subject of proof.

Conclusions: the author managed to identify and describe four main elements of the subject of evidence in the church trial.

Keywords: clergyman, proof, ecclesiastical court, criminal procedure, element of the subject of proof, collection, research, verification and evaluation of evidence, intuitionism.

*For citation: Kollantay V. A. Sbor i issledovaniye dokazatel'stv kak elementy dokazyvaniya v tserkovnom sudebnom protsesse russkoy pravoslavnoy tserkvi [Collection and research of evidence as elements of proof in the church trial of the Russian Orthodox Church]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 2023. № 1 (104). P. 66–71.*

В науке судебного процесса и практической деятельности судов существует понятие об элементах предмета доказывания. Взгляды ученых к содержанию элементов разнятся, но одно остается неизменным – их роль в формировании предмета доказывания.

Детальное изучение Положения «О церковном суде Русской Православной Церкви (Московского Патриархата)» (далее – Положение) позволяет сделать вывод об отсутствии в нем понятия «доказывание». При этом в соответствии с ч. 3 и 4 ст. 13 Положения можно сделать вывод о существовании трех элементов.

«3. Сбор доказательств осуществляется лицами, участвующими в деле, и церковным судом. Церковный суд осуществляет сбор доказательств путем:

получения от лиц, участвующих в деле, и иных лиц (с их согласия) предметов, документов, сведений; опроса лиц с их согласия; истребования характеристик, справок и иных документов от канонических подразделений Русской Православной Церкви, которые обязаны предоставить запрашиваемые документы или их надлежаще удостоверенные копии на основании запроса церковного суда.

4. Церковный суд проверяет достоверность доказательств путем установления их источников и способов получения. Церковный суд всесторонне исследует и оценивает доказательства» [1].

Из приведенной нормы видно, что Положение не раскрывает понятия «собираение», «исследование», «оценка» доказательств. Но при этом в нем указаны в общей форме способы и средства собирания доказательств. Дальнейший анализ Положения позволил выявить еще одно явление, которое можно отнести к элементам предмета доказывания. Так, в ч. 1 ст. 16 указано, что «объяснения сторон и иных лиц, привлеченных церковным судом к участию в деле, об известных им обстоятельствах дела могут быть даны как в ходе подготовки дела к рассмотрению, так и на заседании церковного суда в устной или письменной форме. Данные объяснения подлежат проверке и оценке церков-

ным судом наряду с другими доказательствами». Также в ч. 2 ст. 14 говорится, что «обстоятельства, установленные вступившими в законную силу приговорами (решениями) государственных судов, а также протоколами об административных правонарушениях, не подлежат проверке и доказыванию» [1].

Таким образом, можно заключить, что в Положении в обобщенном виде содержится упоминание о четырех элементах процесса доказывания, к которым относятся: «сбор», «исследование», «проверка» и «оценка» доказательств. Но при этом ни в Положении, ни в решениях Вселенских и поместных соборов не раскрыты эти понятия. Тогда как установление основного содержания этих понятий имеет огромное значение как для теории доказательств, так и для практики церковного суда Русской Православной Церкви.

В ходе применения сравнительно-правового метода нами были исследованы труды ученых-процессуалистов, посвященные изучению проблемы элементов предмета доказывания в судебном процессе. В своей работе В.С. Балакшин провел этимологический анализ слова «собирать» и пришел к следующему выводу, что под эти термином необходимо понимать: 1) выявление, обнаружение сведений (информации); 2) розыск, добывание материальных объектов; 3) сосредоточение того, что выявлено, обнаружено, добыто в одном месте [3, с. 115]. В итоге он заключил, что собирание доказательств – это деятельность субъектов доказывания, каждый из которых в пределах предоставленных ему законом прав и полномочий, предусмотренными в законе средствами и способами, осуществляют розыск, выявление, обнаружение, «добывание» сведений и материальных объектов с тем, чтобы собрать их в одном месте [3, с. 18]. В целом, соглашаясь с мнением В.С. Балакшина, стоит отметить, что собирание – это основной способ получения доказательств в церковном судебном процессе.

В науке существует спор – насколько корректно говорить о собирании именно доказательств

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

в судебном процессе. Ряд ученых придерживается мнения, что следует говорить не о собирании доказательств, а о фактических данных и их источниках [3, с. 18]. Другие [3, с. 20] говорят о собирании «будущих» доказательств. Третьи понимают под этим процессом поиск и обнаружение источников необходимой информации, обнаружение сведений о фактах [5, с. 221]. Но все они сходятся во мнении, которое выразил Ю.К. Орлов: до окончания производства по делу невозможно в целом говорить о доказательстве, т. к. «его можно назвать таковым лишь условно, поскольку никогда не исключено, что на каком-то последующем этапе оно будет признано неотносимым или недопустимым» [6, с. 54]. Такая позиция ученого объясняется его интерпретацией понятия «доказательство», под которым понимается копия или отражение информации о событии, что в конечном итоге приводит к отрицанию фактической возможности собирания именно доказательств. С.А. Шейфер заметил по этому поводу, что «собирание доказательств нельзя трактовать как завладение готовыми, уже существующими доказательствами, уподобляя эту деятельность действиям грибника, собирающему в лесу дары природы» [7, с. 8]. И действительно с такой позиции получение или собирание самого доказательства непосредственно невозможно, т. к. изначально человек, настроенный на получение копии или отражения предмета, не сможет получить истинный предмет. В связи с этим можно привести слова Е.А. Аргамонова и О.В. Фирсова, которые считают, что «следователь, входя в контакт с явлениями (преступлениями и их последствиями. – Прим. В.А.), отражает их в процессуальных документах, внося субъективный элемент своего собственного восприятия, тем самым он формирует доказательство для следствия и суда» [2, с. 85]. Таким образом, лицо, производящее сбор доказательств, во-первых, не стремится получить само доказательство, а лишь его копию, а во-вторых, вносит в нее свое субъективное представление о событии преступления. В таком случае нельзя говорить об установлении истины и о собирании доказательств. В лучшем случае только о субъективной истине и сведениях, ориентирующих о возможном событии.

В церковном судебном процессе заложено другое понимание о доказательстве, а именно как о части истины, которая достигается путем сложения доказательственных фактов. При этом

с учетом философской позиции интуитивизма, выраженного в онтогносеологическом стремлении познания доказательства, с которым у субъекта происходит непосредственный контакт, а не его копии или отражения, можно сделать вывод, что в процессе доказывания церковный суд и стороны собирают именно доказательства, трансформируемые из информации, путем мыслительного воздействия.

Собирание доказательств как деятельность человека имеет свои особенности, одними из них являются формы его проведения, к которым можно отнести несколько основных:

- поиск (или розыск);
- обнаружение;
- истребование (путем запроса);
- получение;
- закрепление.

Все формы проведения сбора доказательств связаны между собой и образуют единую цепь. Так, собирание доказательств всегда начинается с их поиска по возможным направлениям нахождения. Обнаружение заключается в установлении конкретного места нахождения и его отождествления. Истребование производится путем направления соответствующих запросов от имени церковного суда или архиерея, наделившего членов суда полномочиями. Получение как последующая форма зависит от характера доказательства и его индивидуальных особенностей. Закрепление проводится в соответствии с Положением, в котором предусмотрены различные формы получения доказательств (письменные, устные, электронные). Также закрепление может происходить путем отражения в протоколе судебного заседания и форме отдельного документа.

Все формы рассматриваемого нами элемента в церковном судебном процессе представляют собой сложную деятельность, состоящую из неоднородных по своей структуре и содержанию действий, направленных на сбор в деле всех имеющихся доказательств, соответствующих свойствам доказательств. Сложность проведения сбора доказательств напрямую зависит от их индивидуальных характеристик, которые присущи не всем однородным понятиям, а зависят от материалов конкретного дела.

Отличительной особенностью церковного судебного процесса является отсутствие каких-либо следственных действий, направленных на получение и закрепление доказательств. С одной стороны, это обстоятельство усложняет проведение мероприятий, направленных на

получение доказательств, т. к. не существует единой формы процессуального закрепления доказательств. Но с другой – дает суду возможность не преследуя цель соблюдение конкретной процессуальной формы получать доказательства, соответствующие внутренним содержанием, требованиям, предъявляемым Положением. Также отсутствие институтов понятых и представителей общественности отображает высокий уровень доверия церковному суду, т. к. их влияние на деятельность по достижению истины в судебном процессе весьма невелика.

Указанные нами особенности элемента собирания доказательств процесса доказывания в церковном судопроизводстве показывают его близость к аналогичным элементам в светских судебных системах с одной стороны, а также имеющиеся существенные отличия, свидетельствующие о его самобытности и неповторимости.

Следующим элементом процесса доказывания, который был изучен нами в ходе работы, является «исследование доказательств». Сравнительно-правовой метод, применяемый нами в ходе исследования, показал, что в юридической науке и современном законодательстве понятие «исследование» в смысле элемента предмета доказывания применяется крайне редко. Так, А.Р. Белкин указал, что установление относимости, допустимости и достоверности доказательств – это элементы их (доказательств) исследования, а не оценки. Последняя представляет собой логический процесс установления наличия и характера связей между доказательствами, определения роли, значения, достаточности и путей использования доказательств для установления истины [4, с. 190]. Существует также позиция, что понятие «исследование» тождественно понятию «проверка доказательств» [2, с. 88]. По нашему мнению, ни отождествление с проверкой доказательств, ни смешивание с их оценкой не приведет к верному пониманию этого сложного элемента процесса доказывания. Исследование доказательств как элемента процесса доказывания имеет свою специфику и структуру. Смешивание его с другими элементами может повлиять не только на теоретические положения теории доказательств в судебном процессе, но и на практическую деятельность суда, что напрямую отразится на чистоте принимаемых решений.

Чтобы разобраться, что лежит в основе понятия элемента предмета доказывания «исследование доказательств», необходимо про-

вести этимологический разбор этого словосочетания и сравнить с понятиями «проверка» и «оценка». Исследование – это процесс выработки новых знаний, один из видов познавательной деятельности. Характеризуется объективностью, воспроизводимостью, доказательностью, точностью [9]. Еще одно значение слова «исследование» – процесс действия по значению глагола: исследовать [8]. В этом же словаре приводятся два значения слова «исследовать»: подвергать научному изучению; внимательно, тщательно осматривать кого-либо, что-либо, знакомиться с чем-либо для выяснения, изучения чего-либо [8].

Можно сделать вывод, что исследование является процессом изучения (осмотра) предмета с целью установления его свойств, которые заведомо неизвестны субъекту. В результате исследования появляются новые знания о сущности самого предмета и его индивидуальных признаках. На основе исследования предмет становится познанным и максимально изученным. К примеру, лепидоптеролог, изучая один из редких видов бабочек, описывая его характерные признаки и особенности (окрас, строение чешуи и т. д.), приходит к выводу, что ранее науке этот вид был неизвестен. Но после работы по его изучению (исследованию) другие ученые, занимающиеся лепидоптерологией, смогут без труда, основываясь на труде их коллеги, идентифицировать представителей установленного им вида. Но иногда процесс исследования и получения выводов происходит довольно быстро, а вот дальнейшая проверка затягивается на годы, десятилетия и века. Классическим примером может служить теорема Ферма, которая была сформулирована французским юристом Пьером Ферма в 1637 г. Из-за кажущейся внешней простоты теоремы многие математики полагали, что ее проверка займет немного времени. Но ни сам Ферма, ни современные ему ученые проверить и доказать или опровергнуть теорему не смогли.

Проверка – это действие по значению глагола проверять, проверить; результат такого действия [8]. С целью детального изучения значения исследуемого нами слова, мы обратились к глагольной форме, приведенной в этом же словаре. Так, под словом «проверять» понимается:

1) устанавливать правильность или ошибочность чего-либо; сравнивая, сличая, устанавливать точность или неточность чего-либо; просматривать с целью выявления ошибок, недочетов;

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

2) удостоверяться в наличии или отсутствии кого-либо, чего-либо; устанавливать количество, наличие чего-либо;

3) испытывать для выяснения качества, пригодности; осматривать, исследовать с целью выяснения качества, пригодности, готовности;

4) просматривать с целью контроля; устанавливать, сделано ли что-либо; удостоверяться в исполнении [8].

Стоит заметить, что главным отличием проверки от исследования является направленность на проведение работ с уже известным и ранее изученным предметом с целью его осмотра, сравнения или испытания. Возвращаясь к примеру с лепидоптерологией, можно пояснить, что ученый, осмотрев одного представителя отряда чешуекрылых насекомых, смог определить конкретные свойства, свидетельствующие об отношении его к конкретной группе высших разноусых бабочек с характерными признаками. Таким образом, проверка может быть проведена только после исследования, когда установлены основные характеристики изучаемого предмета. Также и теорема Ферма была доказана лишь в 1994 г., спустя три с половиной века после формулировки. Многие поколения ученых даже не приближались к правильному ответу, но не прекращали прилагать усилия, и по известному закону диалектики количество перешло в качество. Сложно сказать, сколько именно ученых занимались проблемой доказательства теоремы французского юриста. Но весь их объединенный труд можно считать одной длительной проверкой.

Значение слова «оценка» по словарю Т.Ф. Ефремовой тоже дает понять, что это действие с уже исследованным и ранее описанным предметом. Так, оценка – это:

– действие по значению глагола: оценить, оценивать;

– назначенная или определенная кем-либо стоимость, цена;

– мнение, суждение о качествах, характере кого-либо, чего-либо;

– отметка, выставляемая преподавателем при определении знаний, умений, навыков учащегося; отметка при определении качества или достоинства чего-либо [8].

Если снова прибегнуть к примеру с ученым-лепидоптерологом, изучающим представителя редкого вида бабочек, то в результате его оценки может появиться суждение о ценности (значительности для науки) конкретного, изучаемого им образца. Будет ли он значим для будущих исследований, хорошо ли сохранил особенности и насколько ценен. Если перейти к примеру с доказательством теоремы Ферма, то можно сделать вывод о ее великой ценности. Благодаря легко сформулированной и незамысловатой функции появились целые разделы научного знания и множество научных школ, так или иначе связанных с теоремой Ферма.

Из приведенных примеров видно, что исследование по своему значению предшествует и проверке, и оценке. Время проведения всех трех может существенно различаться. Это обстоятельство следует из примера с доказательством теоремы Ферма. Следовательно, такой элемент процесса доказывания, как исследование доказательств, имеет первостепенное значение при изучении ранее неидентифицированных предметов и фактически является закономерным продолжением элемента собирания. Без проведения исследования невозможно в дальнейшем провести проверку и оценку доказательств.

Примером может служить дело в отношении бывшего священнослужителя, который разместил на своей личной странице в социальных сетях фотографии с изображением на его теле татуировок, порочащих честь. Исследование фотографий позволило в дальнейшем их описать и при проверке их наличия зафиксировать факт совпадения с фотографиями. Дальнейшее описание и оценка подтвердила признаки неуместных изображений и их порочащий характер¹.

Отличительные особенности процесса доказывания в церковном судебном процессе и иных процессуальных отраслях заключаются в их предназначении. Предназначением церковного судебного процесса в соответствии со ст. 2 Положения является восстановление нарушенного порядка и строя церковной жизни, соблюдение священных канонических установлений Православной Церкви, а равно призыв лица, совершившего церковное правонарушение, к покаянию и исправлению.

¹ Закрытый характер судопроизводства в церковном судебном процессе Русской Православной Церкви (Московского Патриархата) в соответствии с ч. 2 ст. 5 Положения не позволяет раскрыть конкретные сведения по делу. Изучение материалов судебного дела осуществлялось автором во время подготовки диссертационного исследования в соответствии с церковным делопроизводством.

Аналогичное отличие можно обнаружить при изучении элементов предмета доказывания в церковном судебном процессе.

Вместе с тем знание об устройстве таких элементов церковного судебного процесса,

как «сбор» и «исследование» доказательств, может дать толчок к пересмотру позиции о характере аналогичных структурных единиц в иных отраслях процессуального знания.

Список источников

1. Положение о церковном суде Русской Православной Церкви (Московского Патриархата) принято на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в 2008 году (ред. Архиерейский Собор 2017 г.). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5082532.html> (дата обращения: 20.12.2022).

2. Артамонова Е.А., Фирсов О.В. Основы теории доказательств в уголовном процессе России. М., 2018.

3. Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005.

4. Белкин А.Р. Теория доказывания. М., 1999.

5. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995.

6. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2000.

7. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001.

8. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка Ефремовой. М. 2000.

9. Современный толковый словарь. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl-term-23154.html>.

References

1. Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate) adopted the Regulation on the Ecclesiastical Court at the Bishops' Council of the Russian Orthodox Church in 2008 (ed. Bishops' Council 2017). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5082532.html> (accessed: 12/20/2022).

2. Artamonova E.A., Firsov O.V. Fundamentals of the theory of evidence in the criminal process of Russia. Moscow, 2018.

3. Balakshin V.S. Proofs in the theory and practice of criminal procedural proof (the most important problems in the light of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation): dis. ... Dr. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2005.

4. Belkin A.R. Theory of proof. M., 1999.

5. Kokorev L.D., Kuznetsov N.P. Criminal process: evidence and proof. Voronezh, 1995.

6. Orlov Yu.K. Fundamentals of the theory of evidence in criminal proceedings. Moscow, 2000.

7. Shafer S.A. Investigative actions. System and procedural form. Moscow, 2001.

8. The new explanatory and word-formation dictionary of the Russian language by Efremova. M. 2000.

9. Modern explanatory dictionary. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl-term-23154.html>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коллантай Виталий Александрович, кандидат юридических наук, проректор по учебной работе. Томская духовная семинария. 634009, Российская Федерация, г. Томск, пр. Ленина, 82.

Доцент кафедры правовых дисциплин. Томский государственный педагогический университет. 634061, Российская Федерация, г. Томск, ул. Киевская, 60.

Докторант Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. равноапостольных Кирилла и Мефодия (Москва), священник. 115035, Российская Федерация, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1.

ORCID ID 0000-0001-5453-0216

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kollantay Vitaly Alexandrovich, PhD in Law, Vice-Rector for Academic Affairs. Tomsk Theological Seminary. 82, Lenin Ave., Tomsk, 634009, Russian Federation.

Associate Professor of the Department of Legal Disciplines. Tomsk State Pedagogical University. 60, Kievskaya str., Tomsk, 634061, Russian Federation. Doctoral student of the General Church Postgraduate and Doctoral Studies Equal-to-the-Apostles Cyril and Methodius (Moscow), priest. 4/2, Pyatnitskaya str., p. 1, Moscow, 115035, Russian Federation.

ФОРМИРОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИХ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Халиуллина Айгуль Фаатовна

Институт права Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Российская Федерация, aigul229@mail.ru

Введение: результат обобщения изученных уголовных дел свидетельствует о существенном росте количества уголовных дел, в которых следователи обращаются в ходе расследования к профессиональной помощи специалистов. Это является некой гарантией для участников судопроизводства. Но вместе с тем следует и отметить существенные недоработки законодателя в области применения этих специальных знаний, прежде всего отсутствия дефиниции этого понятия.

Материалы и методы: представленная статья является результатом обобщения эмпирического материала и теоретических разработок авторов, изучающих вопросы применения специальных знаний. Были использованы диалектический метод, метод дедукции и индукции, метод криминалистического моделирования.

Результаты исследования: могут быть использованы в дальнейших теоретических разработках и в ходе расследования преступлений с участием несовершеннолетних.

Выводы и заключения: в результате был сделан вывод о том, что установление истины во много зависит от своевременного и правильного привлечения лица, обладающего специальными знаниями.

Ключевые слова: несовершеннолетние, специальные знания, экспертиза, специалист, форма использования специальных знаний, расследование.

Для цитирования: Халиуллина А. Ф. Формирование специальных знаний следователя и использование их в расследовании преступлений несовершеннолетних / А. Ф. Халиуллина // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1 (104). – С. 72–76.

Original paper

FORMATION OF SPECIAL KNOWLEDGE OF THE INVESTIGATOR AND THEIR USE IN THE INVESTIGATION OF JUVENILE CRIMES

Khaliullina Aigul Faatovna

Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

Introduction: the result of the generalization of the studied criminal cases indicates a significant increase in the number of criminal cases in which investigators turn to the professional assistance of specialists during the investigation. This is a kind of guarantee for the participants in the proceedings. But at the same time, it should also be noted the significant shortcomings of the legislator in the field of application of this special knowledge, primarily the lack of definition of this concept.

Materials and methods: the presented article is the result of generalization of empirical material and theoretical developments of authors studying the application of special knowledge. The dialectical method, the method of deduction and induction, the method of forensic modeling were used.

Results of the research: can be used in further theoretical developments and during the investigation of crimes involving minors.

Conclusions: as a result, it was concluded that the establishment of the truth depends a lot on the timely and correct involvement of a person with special knowledge.

Keywords: minors, special knowledge, expertise, specialist, form of use of special knowledge, investigation.

For citation: Khaliullina A. F. Formirovaniye spetsial'nykh znaniy sledovatelya i ispol'zovaniye ikh v rassledovanii prestupleniy nesovershennoletnikh [Formation of special knowledge of the investigator and their use in the investigation of juvenile crimes]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 2023. № 1 (104). P. 72–76.

Российское законодательство предусматривает систему гарантий, которые обеспечивают объективность данных, полученных в ходе расследования уголовных дел. Следователь самостоятелен в выборе тактики и средств расследования, он отвечает за принимаемые решения, а потому на его плечи ложится обязанность обеспечить достоверность, допустимость и достаточность доказательств для разрешения уголовного дела. При этом он имеет право в случае необходимости обращаться за помощью к лицам, обладающим специальными знаниями, что, прежде всего, обусловлено активным развитием новых технологий, которые динамично внедряются во все сферы общественных отношений. Однако вопросы о том, что такое специальные знания, какова их сущность и содержание, может ли ими обладать следователь, по-прежнему остаются актуальными и дискуссионными.

УПК РФ не содержит определения термина «специальные знания», а лишь указывает на то, что эксперт и специалист – это лица, обладающие такими знаниями.

В Федеральном законе от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» сказано, что задачей государственной судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам, органам дознания и следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 21.12.2010 № 28 обращает внимание правоприменителей на необходимость использовать достижения науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования подлежащих доказыванию по уголовному делу обстоятельств путем производства судебной экспертизы всегда, когда для разрешения возникших вопросов такое исследование необходимо. Если же в проведении исследования нет необходимости, то возможно привлечение к участию в судебном разбирательстве специалиста.

Таким образом, мы видим, что законодательство не содержит дефиниции понятия «специальные знания», не определяет формы и границы их использования. Поэтому проана-

лизируем накопленные за годы научных дискуссий положения и попытаемся дать ответы на поставленные вопросы.

А.А. Эйсман один из первых определил специальные знания как необщедоступные, неизвестные, они не имеют массового распространения, т. е. это те знания, которыми обладает ограниченный круг лиц – специалистов [1, с. 91]. В этом определении стоит отметить главный признак – нераспространенность.

По мнению И.Н. Сорокотягина, «специальные знания – это совокупность современных знаний в определенной области науки, техники, искусства и ремесла, полученные в результате специальной подготовки или профессионального опыта с целью расследования преступления, организации оперативно-розыскных мероприятий, выполнения экспертных и судебных исследований» [2, с. 42].

На наш взгляд, главная цель использования специальных знаний – это не расследование преступления. К примеру, назначая искусствоведческую экспертизу, мы обращаемся к художнику, который, получая свои профессиональные знания, не ставил целью использовать их для расследования преступления. А потому мы не разделяем точку зрения И.Н. Сорокотягина, не считаем его определение корректным.

Достаточно подробное определение представлено Л.В. Лазаревой, в котором «специальные знания представлены как совокупность теоретических знаний и практического опыта в различных сферах человеческой деятельности, в том числе и юридических знаний, полученных в ходе специальной подготовки и используемых сторонами и судом для расследования и разрешения уголовных дел в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом» [3, с. 81].

На основании представленных определений можно выделить основные признаки специальных знаний:

– ими обладает ограниченное количество субъектов;

– они могут быть получены в результате теоретического изучения и практического опыта;

– их используют стороны и суд с целью объективного разрешения обстоятельств дела.

В криминалистической литературе традиционно различают две формы использования

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

специальных знаний: процессуальную и непроцессуальную. К процессуальным формам использования специальных знаний относятся знания, которые предусмотрены уголовно-процессуальными законодательством, а к непроцессуальным – те знания, которые не отражены в законодательстве, но не противоречат ему и могут быть использованы в процессе доказывания.

Весьма интересной представляется позиция А.В. Варданяна, по мнению которого, помимо традиционных форм специальных знаний «следует выделить так называемую их промежуточную (смешанную) разновидность, обозначив ее, например, как релятивные формы использования специальных знаний» [4, с. 162].

Взяв за основу традиционную классификацию, проанализируем, каким объемом специальных знаний должен обладать следователь и в какой форме он применяет их в ходе расследования преступлений с участием несовершеннолетних.

По мнению А.Р. Ратинова, следователь должен иметь «основательное представление о главных отраслях человеческого знания, глубоко разбираться в общественных науках, и особенно в вопросах права. Кроме того, следователю нужны и специальные знания, необходимые для профессиональной деятельности» [5, с. 94].

Большинство следователей не обладают теми специальными знаниями, которые позволили бы им давать экспертные заключения. Однако, как отмечает Е.Р. Россинская, даже если следователь, дознаватель или судья обладают необходимыми специальными знаниями, эти субъекты не вправе производить экспертизу, хотя специальные знания следователя в определенной степени могут совпадать со специальными знаниями эксперта [6, с. 150].

Что касается специальных знаний, которые позволили бы следователю участвовать в предварительном расследовании как специалисту, тут законодатель неоднозначен. В некоторых нормах отсутствует уточнение, какой именно специалист принимает участие в следственном действии. Так, ст. 178 УПК РФ прямо указывает на то, что следователь проводит осмотр трупа с участием судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия – врача; в ч. 2 ст. 164.1 закреплено положение о том,

что электронные носители информации в ходе производства следственных действий изымаются с участием специалиста, а есть нормы, в которых сказано лишь, что «субъект расследования выступает как организатор и исполнитель применения специальных знаний» [7, с. 811]. К примеру, согласно ст. 176 УПК РФ осмотр места происшествия, местности, предметов производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В ней не уточняется, принимают ли участие в этом следственном действии лица, обладающие специальными знаниями. Также в ст. 166 УПК РФ указано, что при производстве следственных действий может применяться фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись, но не уточняется, кто ее производит. Зачастую это делает сам следователь.

Мы согласны с мнением Н.А. Подольного о том, что «следователь все же должен обладать определенным минимумом специальных знаний, который необходим для эффективного проведения расследования, при этом данные специальные знания не следует рассматривать как подмену участия в уголовном процессе специалиста и судебной экспертизы» [8, с. 169].

При расследовании преступлений несовершеннолетних специальные знания помогают следователю правильно организовать следствие, особенно на первоначальном этапе. Как показывает опрос практических работников, большинство ошибок и упущений в следственной работе связано с неумением следователя вовремя использовать помощь специалиста (эксперта), а собственные специальные знания не позволяют получить максимальной информации о преступлении.

Немаловажное значение имеют специальные знания при назначении судебных экспертиз, особенно при оценке заключений эксперта. Первая проблема возникает в момент постановки вопросов эксперту, которые зачастую являются некорректными и не относятся к компетенции данного специалиста. Это можно продемонстрировать на примере искусствоведческой экспертизы, которую назначают при расследовании незаконного изготовления и оборота порнографических материалов или предметов, в том числе с изображением несовершеннолетних. Изученная нами судебная,

следственная и экспертная практика свидетельствует о том, что наиболее распространенными объектами судебно-искусствоведческой экспертизы при расследовании незаконного изготовления и оборота порнографических материалов или предметов являются фото- и видеоизображения несовершеннолетних, содержащие признаки информации порнографического характера. Указанную экспертизу зачастую назначают при расследовании уголовных дел, предусмотренных ст. 135 УК РФ – совершение развратных действий, а также при определении возраста несовершеннолетнего, изображенного на представленных носителях. На наш взгляд, ошибочно включать в эту экспертизу все вопросы, связанные с решением этих задач.

Обязательным в работе следователя при расследовании преступлений несовершеннолетних считается знание психологии. Психологические знания необходимы следователю для того, чтобы уметь определить наиболее рациональную линию поведения в ходе производства следственных действий, при изучении доказательств дать оценку условиям, при которых были получены эти доказательства, а также критически осмыслить поведение и характер своих действий. Кроме того, знание психологии позволяет следователю воспитывать и развивать в себе решительность, наблюдательность, принципиальность и другие профессиональные качества.

Следователи, не имеющие надлежащих психологических знаний, недостаточно квалифицированно проводят допросы обвиняемых, потерпевших и свидетелей, особенно по преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних. По мнению следователей, очень сложно устанавливать психологический контакт с несовершеннолетними и их законными представителями. В силу возрастных особенностей несовершеннолетних, связанных с их возможностью восприятия информации, возможностью излагать обстоятельства произошедшего события, следователю необходимо уметь применять тактические приемы логического и психологического воздействия, дабы исключить добросовестное заблуждение несовершеннолетнего или заведомо ложный донос с их стороны.

Успешное расследование преступлений невозможно без применения следователем зна-

ний криминалистической техники. Обеспечение следователей различной криминалистической аппаратурой, умелое обращение с ней благоприятно сказывается на проведении осмотра места происшествия, обыска, проверки показаний на месте и других следственных действий. Криминалистические знания позволяют вовремя обнаружить и закрепить следы происшествия, что на первоначальном этапе расследования способствует своевременному выдвижению следственных версий, и начать поиск доказательств.

Специальные знания постоянно изменяются, увеличивается их объем по мере развития науки и технологий. Те из них, которые когда-то считались достоянием только специалистов и экспертов, постепенно становятся обычными в практической работе следователя. Например, применение фото- и видеофиксации в ходе проведения следственных действий. Однако одна из причин некачественного следствия – слабые познания следователя в сфере компьютерных технологий, финансового законодательства и иных сферах экономической деятельности. Ю.Г. Корухов отмечал, что расследование осуществляется в условиях новизны и недостаточной проработки законодательной базы, ее непостоянства, слабой экономической подготовки следователей, их неспособности разобраться в хитросплетениях экономических правонарушений [9, с. 39–40].

Таким образом, уровень специальных знаний следователя зависит от ряда причин, в том числе и от качества подготовки специалиста-юриста в период обучения в вузе. Учебный план подготовки юриста построен таким образом, чтобы будущий специалист, в частности следователь, освоил в процессе обучения профессиональные компетенции по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений (ПК-10), был способен правильно и полно отражать результаты своей профессиональной деятельности в юридической и иной документации (ПК-13). Также процесс формирования специальных знаний следователей зависит от того, насколько часто встречаются те или иные категории уголовных дел в практике работника органа следствия, от специализации следователей, увлечения науками, его любознательности, а также от опыта его работы.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Список источников

1. Эйсман А.А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). М., 1967.
2. Сорокотягин И.Н. Криминалистические проблемы использования специальных познаний в расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992.
3. Лазарева Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. 2011.
4. Варданыан А.В. Современные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Юрист-Правоведь. 2019. № 2.
5. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967.
6. Россинская Е.Р. Концепция судебно-нормативных экспертиз как основа использования специальных юридических знаний в судебно-экспертной деятельности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2015. № 2.
7. Шурухов Н.Г., Смолькова И.В. Следователь как субъект использования специальных знаний и собирания доказательств в противодействии преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т.14. № 5.
8. Подольный Н.А. Значение специальных знаний для расследования преступлений // Сборник международной научно-практической конференции Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации. Уфа, 2022.
9. Корухов Ю.Г. Допустимы ли правовые экспертизы в уголовном процессе // Законность. 2000. № 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Халиуллина Айгуль Фаатовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики. Институт права Уфимского университета науки и технологий. 450005, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khaliullina Aigul Faatovna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminology. Institute of Law Ufa University of Science and Technology. 131, Dostoevsky str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005, Russian Federation

References

1. Eisman A.A. Expert opinion (structure and scientific justification). M., 1967.
2. Sorokotyagin I.N. Criminalistic problems of the use of special knowledge in the investigation of crimes: dis. ...Dr. of Law. Yekaterinburg, 1992.
3. Lazareva L.V. Conceptual foundations of the use of special knowledge in Russian criminal proceedings: dis. ... Dr. of Law. 2011.
4. Vardanyan A.V. Modern problems of the use of special knowledge in criminal proceedings // Jurist-Pravoved. 2019. № 2.
5. Ratinov A.R. Forensic psychology for investigators. M., 1967.
6. Rossinskaya E.R. The concept of forensic regulatory examinations as the basis for the use of special legal knowledge in forensic expertise // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky, 2015. № 2.
7. Shurukhov N.G., Smolkova I.V. The investigator as a subject of using special knowledge and collecting evidence in countering crime // All-Russian Criminological Journal. 2020. Vol. 14. № 5.
8. Podolny N.A. The importance of special knowledge for the investigation of crimes // Collection of the international scientific and practical conference Theory and practice of fundamental and applied research in the field of forensic expertise and DNA registration of the population of the Russian Federation. Ufa, 2022.
9. Korukhov Yu.G. Are legal examinations permissible in criminal proceedings // Legality. 2000. № 1.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ КРИПТОВАЛЮТ В ПРОТИВОПРАВНЫХ ЦЕЛЯХ

Карника Анатолий Григорьевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, akaarpika@yandex.ru

Введение: в статье проанализированы виды криптовалют, способы их применения в противоправных целях, проблемы выявления незаконных транзакций с их использованием. Акцентировано внимание на вариантах законодательного регулирования этой сферы, предложены пути решения этих проблем.

Материалы и методы: из множества вариантов применения технологии блокчейн на первом этапе были отобраны те, которые имеют отношение к криптовалютам, ссылки на которые наиболее часто встречаются в различных источниках. На последующих этапах анализировались примеры использования криптовалют для совершения преступлений, имеющие прямое отношение к правоохранительной деятельности, либо те, которые можно отнести к финансовым технологиям сомнительного характера. Для каждой из криптовалют анализировались их особенности и применимость в преступных целях.

Результаты исследования: проведена классификация криптовалют применительно к правоохранительной деятельности, выделены особенности их правового регулирования законодательствами различных стран, в том числе и странами СНГ, сформулированы направления противодействия противоправному применению криптовалют.

Выводы и заключения: вопрос выявления незаконных операций, проводимых в рамках технологии блокчейн, является критически важным в связи с растущим использованием одного из производных этой технологии – криптовалюты для монетизации противоправной деятельности.

Большинство криптовалют позволяют сохранять достаточную степень анонимности и конфиденциальности, что привлекает к ним как отдельных преступников, так и преступные сообщества для решения таких задач, как отмывание денег, трансграничное финансирование террористической и другой незаконной деятельности.

Выявление незаконных криптовалютных операций правоохранительными органами помимо анонимности сопряжено с такими трудностями, как использование сложных криптовалютных сетей, дробление крупных операций на множество мелких, использование «брошенных» криптокошельков, а также с отсутствием глобальной нормативной базы регулирования оборота криптовалют.

Модели регулирования существенно отличаются от страны к стране. Одни страны принимают криптовалюты и стремятся их регулировать, в то время как другие полностью их запрещают. Все это также не облегчает работу правоохранительных органов.

Как и любая сложная задача, борьба с использованием криптовалют в незаконных целях предполагает комплексный подход, который должен увязать в единое целое усилия правительств различных стран, модернизировать методы, применяемые правоохранительными органами, синхронизировать их деятельность с деятельностью финансовых учреждений и передовых технологических компаний в интересах парирования новых вызовов и опережения негативных тенденций использования технологии блокчейн вообще и криптовалют в частности в преступных целях.

Ключевые слова: криптовалюта, анонимность транзакций, законодательное регулирование, отмывание денег, фиктивные счета, правоохранительная деятельность.

Для цитирования: Карника А. Г. Актуальные вопросы противодействия использованию криптовалют в противоправных целях / А. Г. Карника // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1(104). – С. 77–82.

TOPICAL ISSUES OF COUNTERING
THE USE OF CRYPTOCURRENCIES FOR ILLEGAL PURPOSES

Karpika Anatoly Grigorievich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article analyzes the types of cryptocurrencies, the ways of their use for illegal purposes, the problems of detecting illegal transactions with their use. Attention is focused on the options of legislative regulation of this sphere, ways of solving these problems are proposed.

Materials and methods: from the many applications of blockchain technology, at the first stage, those related to cryptocurrencies were selected, links to which are most often found in various sources. At the subsequent stages, examples of the use of cryptocurrencies for committing crimes that are directly related to law enforcement activities, or those that can be attributed to financial technologies of a dubious nature, were analyzed.

For each of the cryptocurrencies, their features and applicability for criminal purposes were analyzed.

Results of the research: the classification of cryptocurrencies in relation to law enforcement activities is carried out, the features of their legal regulation by the legislations of various countries, including the CIS countries, are highlighted, the directions of countering the illegal use of cryptocurrencies are formulated.

Conclusions: the issue of identifying illegal transactions carried out within the framework of blockchain technology is critically important due to the growing use of one of the derivatives of this technology – cryptocurrencies for monetization of illegal activities.

Most cryptocurrencies allow you to maintain a sufficient degree of anonymity and confidentiality, which attracts both individual criminals and criminal communities to them to solve tasks such as money laundering, cross-border financing of terrorist and other illegal activities.

Detection of illegal cryptocurrency transactions by law enforcement agencies, in addition to anonymity, is fraught with difficulties such as the use of complex cryptocurrency networks, the fragmentation of large transactions into many small ones, the use of «abandoned» crypto wallets, as well as the lack of a global regulatory framework for regulating the turnover of cryptocurrencies.

Regulatory models differ significantly from country to country. Some countries accept cryptocurrencies and seek to regulate them, while others completely ban them. All this also does not facilitate the work of law enforcement agencies.

Like any difficult task, the fight against the use of cryptocurrencies for illegal purposes involves an integrated approach that should link the efforts of governments of various countries into a single whole, modernize the methods used by law enforcement agencies, synchronize their activities with the activities of financial institutions and advanced technology companies in the interests of fending off new challenges and anticipating negative trends in the use of blockchain technology in general and cryptocurrencies in particular for criminal purposes.

Keywords: cryptocurrency, anonymity of transactions, legislative regulation, money laundering, fictitious accounts, law enforcement.

For citation: Karpika A. G. Aktual'nyye voprosy protivodeystviya ispol'zovaniyu kriptovalyut v protivopravnykh tselyakh [Topical issues of countering the use of cryptocurrencies for illegal purposes]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 2023. № 1 (104). P. 77–82.

Проблема выявления незаконных транзакций с криптовалютой весьма актуальна в связи с растущим использованием криптовалют в преступной деятельности. Криптовалюты обеспечивают определенную степень анонимности и конфиденциальности, которую не обеспечивают традиционные финансовые системы, что делает их привлекательным вариантом для преступников, желающих отмывать

деньги или заниматься другой незаконной деятельностью.

Незаконные операции с криптовалютой могут включать использование криптовалюты для покупки или продажи незаконных товаров и услуг, облегчения отмывания денег или финансирования террористической деятельности. Обнаружение этих транзакций важно для правоохранительных органов и регулирующих

органов для того, чтобы криптовалюты не использовались для незаконной деятельности.

Существует несколько проблем с обнаружением незаконных криптовалютных транзакций, включая анонимный характер криптовалютных операций, использование сложных криптовалютных сетей и методов запутывания, а также отсутствие глобальной нормативно-правовой базы для регулирования оборота криптовалют.

Учитывая растущую популярность криптовалют в преступном мире, обнаружение и предотвращение незаконных транзакций с криптовалютой имеет решающее значение для поддержания целостности и легитимности криптовалютной экосистемы, а также для обеспечения безопасности и защищенности глобальной финансовой системы.

Существуют тысячи различных криптовалют, из которых наиболее известными и широко используемыми являются: биткойн, эфир (ether), риппл (ripple), биткойн кэш, тезер (tether).

Биткойн (BTC) – первая и самая известная криптовалюта, была создана в 2009 г. и с тех пор стала глобальным явлением. Использует децентрализованную «бухгалтерскую книгу», называемую блокчейном, для совершения транзакций без необходимости посредников.

Этериум (Ethereum) – децентрализованная платформа, которая позволяет разработчикам создавать децентрализованные приложения (dapps) с использованием смарт-контрактов. У нее есть собственная криптовалюта под названием ether (эфир), которая используется для оплаты транзакций на платформе.

Риппл (Ripple) – система расчетов и обмена валюты в режиме реального времени, использующая собственную криптовалюту XRP. Он предназначен для обеспечения быстрых и безопасных трансграничных платежей.

Лайткойн (Litecoin) – одноранговая криптовалюта, похожая на биткойн, но имеющая более быстрое время транзакций и более низкие комиссии.

Биткойн кэш (BCH) – форк биткойна, который был создан в 2017 г. для решения некоторых проблем масштабируемости оригинальной сети Биткойн. Он имеет больший размер блока, что позволяет проводить более быстрые транзакции.

Тезер (Tether) – стейблкойн, предназначенный для поддержания стабильной стоимости по отношению к доллару США. Он часто используется в качестве страховки от волатильности криптовалюты.

Это всего лишь несколько примеров из множества существующих типов криптовалют. Каждая криптовалюта имеет свои уникальные особенности и характеристики.

Криптовалюты, такие как биткойн, эфир и др., в последние годы становятся все более популярными из-за их децентрализованного характера и анонимности. Однако эта анонимность и отсутствие регулирования также сделали их привлекательными для преступников, которые стремятся использовать их для незаконной деятельности.

Анализ публикаций, доступных в открытых источниках [1-4], позволил выявить следующие направления использования криптовалюты в преступных целях:

1. Отмывание денег. Криптовалюты предоставляют преступникам возможность перемещать деньги через границы без возможности отслеживания. Преступники могут конвертировать свои незаконные средства в криптовалюты, а затем переводить их на различные кошельки или биржи, чтобы скрыть их источник.

2. Программы-вымогатели. Преступники шифруют данные жертвы и требуют оплаты в криптовалюте, чтобы разблокировать их. Это дает преступникам возможность получать платежи, не раскрывая свою личность.

3. Торговые площадки даркнета. Криптовалюты часто используются для покупки незаконных товаров и услуг на торговых площадках даркнета, таких как наркотики, огнестрельное оружие и украденные персональные данные.

4. Мошенничество с инвестициями. Преступники могут использовать криптовалюты для обмана инвесторов путем создания поддельных инвестиционных схем или ICO (первоначальных предложений монет).

5. Киберпреступность. Криптовалюты используются для оплаты хакерских услуг, покупки украденных учетных данных или финансирования других киберпреступлений.

Правительства и правоохранительные органы работают над регулированием и мониторингом использования криптовалют с целью противодействия их использованию в преступных целях. Варианты государственного регулирования криптовалют достаточно сильно варьируются по всему миру. Некоторые страны приняли криптовалюты и стремятся их регулировать, в то время как другие полностью их запретили. Вот несколько примеров регулятивных подходов к криптовалютам по всему миру.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

США придерживаются осторожного подхода к регулированию криптовалюты, при этом различные регулирующие органы используют разные подходы. Комиссия по ценным бумагам и биржам США придерживается мнения, что многие криптовалюты являются ценными бумагами и должны подпадать под действие существующих законов о ценных бумагах, в то время как Комиссия по торговле товарными фьючерсами регулирует некоторые криптовалюты как товары. Сеть по борьбе с финансовыми преступлениями (FinCEN) требует, чтобы криптовалютные биржи регистрировались в качестве компаний, предоставляющих денежные услуги, и соблюдали правила борьбы с отмыванием денег, а также руководствовались принципом «знай своего клиента».

Япония была одной из самых активных стран в регулировании криптовалют. В 2017 г. правительство приняло закон, признающий биткойн и другие криптовалюты законным платежным средством и требующий лицензирования бирж криптовалют Агентством финансовых услуг.

Китай занял жесткую позицию в отношении криптовалют и в 2017 г. запретил первичное размещение монет и торговлю криптовалютой. Правительство также приняло жесткие меры в отношении майнинга и обмена криптовалюты.

Европейский союз применяет несколько фрагментарный подход к регулированию криптовалюты, при этом разные государства-члены применяют разные подходы. Европейский центральный банк заявил, что криптовалюты пока не представляют угрозы для финансовой стабильности, но призвал к дальнейшему регулированию для предотвращения отмывания денег и финансирования терроризма.

Швейцария заняла позицию в поддержку криптовалюты и стала центром криптовалютных стартапов и ICO. Швейцарский орган по надзору за финансовыми рынками (FINMA) разработал нормативно-правовую базу для криптовалют, которая уравнивает потребность в инновациях с необходимостью защиты инвесторов.

Регулирование криптовалют в странах СНГ сильно различается. Некоторые страны используют криптовалюты, а другие придерживаются более осторожного подхода. Обзор законодательств некоторых стран СНГ о криптовалюте показал следующее.

Россия. В настоящее время в Российской Федерации отсутствует законодательное регули-

рование такого высокорискованного финансового инструмента, как цифровая валюта (криптовалюта). При этом за последние годы наблюдается существенный рост объемов денежных средств граждан Российской Федерации, вкладываемых в криптовалюты. В настоящее время использование криптовалюты является законным, но деятельность по майнингу и трейдингу подлежит определенным ограничениям.

Беларусь заняла позицию в поддержку криптовалюты: в 2017 г. правительство легализовало операции с криптовалютами и деятельность по их майнингу. Правительство также создало нормативно-правовую базу для криптовалют, включая специальную экономическую зону для криптовалютного бизнеса.

Казахстан. Криптовалюты еще не регулируются казахстанским законодательством, но правительство указало, что оно работает над созданием нормативно-правовой базы для них. В 2020 г. в стране вступил в силу закон, согласно которому цифровые активы были признаны имуществом, но использовать их в качестве платежного средства на территории Казахстана запретили. В июле 2021 г. в центре была разработана дорожная карта развития криптоиндустрии в Казахстане. Она предполагает возможность открывать счета в местных банках с целью обмена криптовалют. На торговых площадках, получивших соответствующую криптолицензию, с ноября 2021 г. был установлен лимит на покупку криптовалюты для инвесторов. Без подтверждения доходов инвестор может купить виртуальную валюту не более чем на тысячу долларов в месяц.

Цифровые активы в законе о криптовалютах подразделяются на два вида: обеспеченные и необеспеченные. Криптовалюты приравниваются к необеспеченным активам, их выпуск и оборот в Казахстане находятся под запретом, как и любые операции с ними. Гражданам разрешено только владеть виртуальными валютами.

Узбекистан. В 2018 г. правительство Узбекистана легализовало торговлю криптовалютой и майнинг. Правительство также создало нормативно-правовую базу для криптовалют, включая лицензионные требования для криптовалютных бирж и майнинга.

Кыргызстан. Криптовалюты еще не регулируются законодательством Кыргызстана, но правительство указало, что рассматривает возможность разработки для них нормативно-правовой базы. Национальный банк КР предупредил

граждан о рисках, связанных с криптовалютами, и посоветовал не инвестировать в них.

Несмотря на различия в подходах к регулированию криптовалют, регуляторы всех стран мира обеспокоены использованием этого инструмента в противоправных целях, особенно связанных с отмыванием денег и финансированием терроризма.

Анализ открытых статистических данных Российской Федерации об использовании криптовалют в преступной деятельности показал, что одним из способов отмывания денег, полученных преступным путем, является покупка за счет незаконно полученных средств старых кошельков, по которым, как правило, невозможно отследить момент покупки кошелька, стоимость находящегося на нем активов и идентифицировать собственника.

Так, в Докладе для общественных консультаций «Криптовалюты: тренды, риски, меры», подготовленном Банком России в 2022 г. [5], отмечено, что анонимность получения криптовалюты и, в частности, использование различных сервисов для сокрытия первоначального происхождения криптовалюты позволяет мошенникам и торговцам нелегальными товарами и услугами усложнять работу правоохранительных органов.

В последние годы криптовалюты (в частности, биткойн) используются во всех аспектах преступной деятельности. Использование криптовалют наиболее распространено в преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков и выплатой вознаграждения за их продажу. Наиболее распространенным методом торговли криптовалютой в криминальной среде являются теневые обменные сервисы, работающие в анонимных сетях.

Осложняющим фактором в финансовых расследованиях является необходимость сравнения транзакций, совершенных в криптовалютном кошельке подозреваемого, с транзакциями, совершенными по банковским картам или электронным платежным устройствам, находящимся в распоряжении преступника, а также анализа временного промежутка между этими транзакциями.

Преступники часто используют фиктивные счета третьих лиц или банковские карты, чтобы скрыть истинных получателей средств и отмыть или обналичить доходы от преступлений.

Биткойн активно используется преступниками для транзакций, а создание цифровой валюты проще, чем использование банковских сче-

тов или карт. Это связано с тем, что пользователи могут создавать собственные криптокошельки биткойна без необходимости привлечения третьей стороны, такой как криптобиржа. С другой стороны, злоумышленники часто переводят криптовалюту биткойн между несколькими криптовалютными кошельками для дальнейшего сокрытия транзакции, при этом сумма перевода постоянно меняется, а конечный получатель получает сумму частями путем многократных переводов различных криптовалют.

Благодаря своей анонимности криптовалюты в большом количестве используются для оплаты преступной деятельности (отмывание денег, наркоторговля, финансирование терроризма, торговля оружием, незаконные переводы средств за границу, вымогательство, коррупция и т. д.). Однако, несмотря на открытый характер технологии распределенных книг, в настоящее время не существует подхода, позволяющего анонимизировать всех участников операций с цифровыми валютами. Это является проблемой для действующей глобальной системы противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма (ПОД/ФТ), которая нуждается в совершенствовании.

Таким образом, проведенный анализ, позволил сформулировать ряд основных принципов для принятия мер по борьбе с использованием криптовалют и технологии блокчейн в преступных целях.

Принцип 1. Регулирование распространения криптовалют компетентными органами с целью снижения рисков, связанных с их использованием для преступной деятельности. Это может включать, например, требования к криптовалютным биржам проводить проверку благонадежности клиентов и соблюдать правила борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма.

Принцип 2. Сотрудничество правоохранительных органов и криптовалютных компаний в целях выявления и предотвращения преступной деятельности. Например, обмен информацией о подозрительных операциях и принятие мер по соблюдению законности.

Принцип 3. Целенаправленные усилия по информированию населения и финансовых учреждений о рисках, связанных с использованием криптовалют, и о способах выявления и предотвращения преступной деятельности.

Принцип 4. Анализ блокчейна. Организации, занимающиеся анализом блокчейна,

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

могут использовать сложные инструменты и методы для выявления закономерностей и мониторинга транзакций в блокчейне, что будет способствовать выявлению и предотвращению незаконной деятельности, такой как отмывание денег и финансирование терроризма.

Принцип 5. Применение на практике новых технологических решений, направленных на повышение безопасности и конфиденциальности криптовалютных транзакций. Например, использование передовой криптографии и других мер безопасности для предотвраще-

ния взлома и несанкционированного доступа к криптовалютным кошелькам.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что борьба с преступным использованием криптовалют требует многогранного подхода, включающего сотрудничество правительства, правоохранительных органов, финансовых учреждений и технологических компаний, приложения постоянных усилий, направленных на опережение развивающихся тенденций технологии блокчейн и совершенствующихся способов использования криптовалют в преступных целях.

Список источников

1. Андреас М. Антонопулос. Освоение биткойнов: разблокировка цифровых криптовалют. URL: https://books.google.co.uk/books/about/Mastering_Bitcoin.html?id=IXmrBQAAQBAJ&redir_esc=y/ (дата обращения: 01.03.2023).

2. Каталини К., ГансДж. С. Первоначальные предложения монет и стоимость криптовалют. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w24418/w24418.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

3. DigitalResearchCenter. Криптовалюты как предмет преступного посягательства с точки зрения уголовного права. URL: <https://vc.ru/crypto/468058-kriptovalyuty-kak-predmet-prestupnogo-posyagatelstva-s-tochki-zreniya-ugolovnogo-prava?ysclid=lepaf8lykh627698543> (дата обращения: 01.03.2023).

4. Русскевич Е., Малыгин И. Преступления, связанные с обращением криптовалют: особенности квалификации. URL: <https://www.hse.ru/data/2021/10/12/1465854965/Русскевич.pdf?ysclid=lepaldm9s1621856079> (дата обращения: 01.03.2023).

5. Доклад для общественных консультаций «Криптовалюты: тренды, риски, меры». Банк России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпика Анатолий Григорьевич, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры информационного обеспечения органов внутренних дел. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karpika Anatoly Grigorievich, PhD in Engineering, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Information Support of the Law Enforcement Bodies. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko str., Rostov-on-Don, 344015, Russian Federation.

References

1. Andreas M. Antonopoulos. Mastering Bitcoin: Unlocking digital Cryptocurrencies. URL: https://books.google.co.uk/books/about/Mastering_Bitcoin.html?id=IXmrBQAAQBAJ&redir_esc=y/ (accessed 01.03.2023).

2. Catalini K., GANSJ. C. Initial coin offerings and the value of cryptocurrencies. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w24418/w24418.pdf (accessed: 01.03.2023).

3. DigitalResearchCenter. Cryptocurrencies as a subject of criminal encroachment from the point of view of criminal law. URL: <https://vc.ru/crypto/468058-kriptovalyuty-kak-predmet-prestupnogo-posyagatelstva-s-tochki-zreniya-ugolovnogo-prava?ysclid=lepaf8lykh627698543> (accessed 01.03.2023).

4. Russkevich E., Malygin I. Crimes related to the circulation of cryptocurrencies: features of qualification. URL: <https://www.hse.ru/data/2021/10/12/1465854965/Русскевич.pdf?ysclid=lepaldm9s1621856079> (date of application: 01.03.2023).

5. Report for public consultations «Cryptocurrencies: trends, risks, measures». The Bank of Russia. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (accessed: 01.03.2023).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Маилян Ани Варужановна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
david.072014@mail.ru

Введение: современные процессы введения технологий и становления вопроса разрешения и внедрения инноваций в непосредственном раскрытии и расследовании уголовных дел являются актуальными. С начала внедрения цифровизации в системы и структуры жизнедеятельности произошел огромный прогресс в теории применения инновационных криминалистических технологий, которые позволяют четко и грамотно выявить доказательственную базу.

Структура подбора и выдвижения современных теорий криминалистической деятельности синтезировано связана с методикой расследования и установления механизма совершения преступления. Благодаря тщательному подбору способов раскрытия преступлений будут увеличены процентные составляющие получения положительного результата в ходе предварительного расследования.

Материалы и методы: общенаучные и специальные методы исследования, а также метод правового регулирования, моделирование, эксперимент, формально-догматический, метод от абстрактного к конкретному, метод идеализации структурированных элементов, системный метод.

Результаты исследования: теоретическая значимость публикации заключается в возможности расследования уголовных дел в кратчайшие сроки, используя компоненты применения криминалистических инноваций в процессе поиска и обнаружения лиц, совершивших преступное посягательство, а также установление прогресса применения во всех подразделениях ОВД и оснащение такими технологиями.

Практическая значимость публикации заключается в возможности и способности применять криминалистические инновационные технологии согласно компетентности и профессионализму сотрудников, готовности стремиться к согласованности прогресса и достижению высоких целей при раскрытии и расследовании уголовных дел.

Выводы и заключения: процесс развития инновационных криминалистических технологий играет значительную роль в расследовании преступлений благодаря подбору соответствующих методик и изучению криминалистических характеристик.

Криминалистика на современном этапе ее развития идет в ногу со временем, исходя из базовых направлений, имеет огромный потенциал в дальнейшем развитии, именно оно позволит найти тонкую грань между способами совершения и расследования преступлений, определить круг соответствующих мероприятий и провести тщательное и грамотное исследование с соблюдением всех требований.

Ключевые слова: криминалистические технологии, инновации, расследование уголовного дела, прогресс реализации, структурированность технологий, нововведения.

Для цитирования: Маилян А. В. Актуальные вопросы применения криминалистических инновационных технологий в процессе расследования уголовных дел / А. В. Маилян // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1(104). – С. 83–88.

Original paper

CURRENT ISSUES OF THE FORENSIC INNOVATIVE TECHNOLOGIES USE IN THE CRIMINAL CASES INVESTIGATION

Mailyan Ani Varuzhanovna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Introduction: modern processes of technology introduction and the formation of the issue of resolution and introduction of innovations in the direct disclosure and investigation of criminal cases are relevant.

Since the beginning of the introduction of digitalization into the systems and structures of life, there has been a huge progress in the theory of the use of innovative forensic technologies that allow clearly and competently identify the evidence base.

The structure of the selection and promotion of modern theories of criminalistic activity is synthesized related to the methodology of investigation and the establishment of the mechanism of the commission of a crime.

Thanks to the careful selection of ways to solve crimes, the percentage components of obtaining a positive result during the preliminary investigation will be increased.

Materials and methods: general scientific and special research methods, as well as the method of legal regulation, modeling, experiment, formal dogmatic, method from abstract to concrete, method of idealization of structured elements, system method.

Results of the research: the theoretical significance of the publication lies in the possibility of investigating criminal cases in the shortest possible time, using the components of the application of forensic innovations in the process of searching and detecting persons who have committed a criminal offense, as well as establishing the progress of application in all departments of the Department of Internal Affairs and equipping with such technologies.

The practical significance of the publication lies in the ability and ability to apply forensic innovative technologies according to the competence and professionalism of employees, willingness to strive for consistency of progress and achievement of high goals in the disclosure and investigation of criminal cases.

Conclusions: the process of development of innovative forensic technologies plays a significant role in the investigation of crimes through the selection of appropriate techniques and the study of forensic characteristics.

Criminalistics at the present stage of its development keeps pace with the times, based on the basic directions, has a huge potential for further development, it will allow you to find a fine line between the ways of committing and investigating crimes, determine the range of appropriate measures and conduct a thorough and competent study in compliance with all requirements.

Keywords: forensic technologies, innovations, criminal investigation, implementation progress, technology structuring, innovations.

For citation: Mailyan A. V. Aktual'nye voprosy primeneniya kriminalisticheskikh innovacionnykh tekhnologij v processe rassledovaniya ugovolnyh del [Current issues of the forensic innovative technologies use in the criminal cases investigation]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 2023. № 1 (104). P. 83–88.

Криминалистика является одной из главенствующих наук. Поиск внедрения и включения в программу новых технологий в расследовании преступлений считается одной из основ прогнозирования при производстве предварительного расследования. Исходя из анализа практических знаний, огромную работу при поиске и обнаружении преступника выполняет криминалистика со своим фундаментальным механизмом слеодообразования. Рассмотрение актуального вопроса применения инновационных технологий в криминалистике позволило установить категорированный понятийный аппарат, который раскрывает основные задачи и положения. Таким образом, в современной литературе под инновациями принято понимать совокупность составляющих и взаимосвязанных между собой элементов, представляющих нововведения, включения новых путей реализации поставленных задач, а также открытие новейших технологий непосредственной реализации [2, с. 57–70].

Цифровая криминалистика – это процедура сбора и анализа статистических и поведенческих данных. Во время цифровой crime investigation использовали несколько цифровых устройств и инструментов экспертов по киберкриминалистике для анализа данных. В повседневной жизни развитие технологий и устройств, подключенных к Интернету, делает людей информативными. Негативным аспектом этой технологии является расширение, распространение и увеличение кибератаки по всей биосфере, поскольку вся информация, которую ищут для незаконной деятельности, доступна в киберпространстве. Эта проблема породила новую область криминалистики – науку, известную как цифровая криминалистика. Это просто новый способ помочь криминалистике с помощью технологий улучшить и сократить расследование.

Сегодня криминалистическая техника, гармонично сочетающая достижения естественных, технических, гуманитарных наук,

рассматривается большинством ученых-криминалистов (Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, К.Е. Демин, Е.П. Ищенко и др.) как раздел криминалистики, представляющий собой систему научных положений и разрабатываемых на их основе технических средств, приемов и методик, предназначенных для собирания, исследования и использования доказательств и иных мер раскрытия и предупреждения преступлений [1, с. 928].

Рассмотрев основные положения появления и значения введения инновационных криминалистических технологий, проведем исследование с помощью методов наблюдения и изучения от абстрактного к конкретному, направленное на тщательное изучение и сопоставление внедряемых технологий в криминалистической деятельности с практическими опытом, знаниями и умениям и, конечно, удобствами и возможностями использования экспертов-криминалистов.

При конкретном введении определенных методик, аппаратов и иных технологий обязательно требуется багаж соответствующих знаний, которые будут позволять достигнуть поставленной цели перед криминалистами.

Таким образом также в систему внедрения включен ряд технологий, способов их использования. Исходя из составляющих, существует процесс, который характеризует криминалистические инновации, основываясь на теоретических познаниях. Развитие процесса сопровождается подбором и выполнением этапов при расследовании преступлений. Подбор и выполнение поэтапных действий будет совпадать, но затрагивая систематические показатели индивидуальности совершения преступлений. На основе выдвижения этапов и их отличительных свойств при каждом подборе методик расследования будут выдвигаться основные, т. е. базовые, с помощью которых можно выделить конкретные направления в развитии события, основываясь на сложившейся следственной ситуации. Так, выделяют следующие этапы [4, с. 156–160]:

Первый этап характеризуется непосредственным процессом возникновения, т. е. появления новых преступлений с использованием цифровизованных или иных сопровождающихся элементов, которые требуют конкретно криминалистического подхода. Механизм изучения и подбор для выдвижения нововведений будет

полностью складываться из синтезирующих подборов методик раскрытия и расследования конкретного преступления. При этом тщательно изучается криминалистическая характеристика преступления (способ, обстоятельства, личность подозреваемого и иные составляющие), благодаря чему будет производиться новый способ рассекречивания и расследования.

Вторым этапом считается создание технологий, подбор и внедрение в криминалистику новых аппаратов, приборов, продуктов обнаружений следов и иных. Непосредственное значение инновации в криминалистике играет проведение разного рода экспертиз, которые со временем требуют выведения на новый высочайший уровень способов проведения и выполнения задач, которые ставятся при проведении экспертизы. Так, например, для проведения мероприятий, связанных с изъятием следов пальцев рук, используют новые продукты, порошки, которые при детальном исследовании позволяют идентифицировать след и установить принадлежность к конкретному человеку. Также сегодня судмедэксперты могут выделить ДНК даже из нескольких клеток кожи, оставшихся после того, как человек коснулся объекта или жертвы. Для современного исследования и получения ДНК того или иного участника уголовного дела достаточно изъять пятна крови или другой биологической жидкости (размером с монету). Для новейшей криминалистики, а также при использовании инновационных технологий для расследования и раскрытия преступлений уликой может стать мельчайший след материала, который содержит фрагменты ткани или клеток: слюна, моча, фекалии, волосы, зубы или кости.

Третий этап характеризуется динамическим, постоянно существующим аппаратом внедрения инновационных криминалистических технологий. Как результат, инновации со времен древности требовали большого количества затрат, которые по статистике являются основой для тщательного изучения способов и относительно самого выявления совершенного преступления.

Прогресс, как результат трудоемкого процесса, всегда приводит к получению результатов, и именно какой он будет, полностью зависит от технологий, которые будут пропорционально оцениваться способам совершения преступления и способам расследования.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Рассмотрев основные направления и теории реализации в практической деятельности инновационного криминалистического процесса, отметим несколько примеров, существование которых не только позволит пройти путь поиска и подбора для способов расследования, но и ускорит производство предварительного расследования с помощью необходимых для этого компонентов. Таким образом, информационные основы реализации инновационных криминалистических технологий позволяют выделить следующие примеры внедрения определенных компонентов в криминалистику как самостоятельную фундаментальную науку, используемую при расследовании преступления:

1. Модернизированная автоматизированная дактилоскопическая информационная система «Папилон» позволяет обеспечить хранение информации на носителях, обработку информации, накопление базы дактилоскопических данных.

2. Перевозная лаборатория, предназначенная для быстрой идентификации личности в ходе осмотра места происшествия. Такой способ характерен для расследования уголовного дела по горячим следам и при непосредственном обнаружении преступника на месте совершения преступления. Именно такая технология позволяет сэкономить время и быстро организовать в сложившихся ситуациях поиск преступника, тем самым определив круг подозреваемых. Ученые считают необходимым использование лабораторий-машин, которые позволят произвести экспертизу, поскольку определенные следы образования со временем могут исчерпать или утратить свои свойства для ее проведения, например, сканеры инфракрасного излучения.

3. Биомаркеры пыльцы, позволяющие определить ДНК соприкосновения с растущими растениями. Основа данного нововведения для некоторых ученых считается нецелесообразной, поскольку способность использования данного рода изучения возможна только при наличии палинологов, имеющих исчерпывающее количество. Такой способ криминалистических инноваций позволит раскрыть преступления, связанные с лицами, без вести пропавшими.

4. Последующие виртуальные 3D-реконструкции могут помочь определить ход событий во время несчастного случая или криминального

инцидента, основанного на реальных данных. Хотя на основе данных компьютерной томографии можно создавать 3D-модели тела, разрешение ограничено, информация о толщине среза (в лучшем случае 0,6 мм) и цвете не будет предоставлена. Поэтому высокоточное 3D-сканирование поверхности в сочетании с цифровой фотogramметрией с близкого расстояния является золотым стандартом в документировании поверхностных ран в реконструктивных целях. До настоящего времени ряд фотографий и сканирование поверхности с различных точек зрения могут быть сделаны вручную двумя опытными операторами для сбора данных. Это трудоемкая и повторяющаяся задача, и поэтому идеальна для роботизированной системы [6].

Одной из часто встречающихся проблем становится получение разрешения для производства вскрытия человека и проведения всеобщего обследования и конкретного установления причинной связи наступления смерти. Анализируя статистику вышеуказанных случаев, отметим, что существуют инциденты запрета близких родственников, исходя из определенных религиозных, моральных и психологических принципов, производить вскрытие человека, но благодаря нововведениям производство данного действия со временем возможно будет производить виртуально. К сожалению, высокая стоимость и многосложность в применении данного аппарата будет затруднять производство и массовость распространения. Сначала это не даст особых результатов, но отмечается, что в дальнейшем у людей будет существовать такая возможность.

5. Микробиологическая идентификация. Тело человека состоит из множества клеток, но еще больше на теле микробов, которые постоянно проходят процесс регенерации. Именно благодаря возможности воздействия преступником на какой-нибудь предмет и оставления своих микробиологических элементов будет возможно использование данного комплекса мероприятий по установлению принадлежности (идентификации личности).

Основные разрабатываемые технологии и результаты их использования будут играть огромную роль в процессе доказывания, т. к. будут являться непосредственно доказательствами. Для этого необходимо определить круг требований, которые также будут предъявляться для криминалистических инноваций:

1) требования законности являются базовыми, поскольку в случае их нарушения доказательств будут считаться недопустимыми, поэтому необходимо разработать систему обеспечения назначения и закрепления, т. е. постановления, выносимые для производства.

2) актуальность. Данное требование характеризуется современностью и потенциальной возможностью использования определенного вида инновационных технологий (непосредственность пропорциональности способа совершения и способа расследования).

Среди перспективных направлений, имеющих важное криминалистическое значение при расследовании преступлений, можно выделить использование технологии «больших данных». BigData – обозначение структурированных и неструктурированных данных огромных объемов и значительного многообразия, эффективно обрабатываемых горизонтально масштабируемыми программными инструментами.

Потенциальная относимость к субъекту и коллективу. Данное требование заключается в области распространения и обладания определенного количества знаний для использования при расследовании преступлений. Со временем необходимо производить смену личного квалифицирующего молодого коллектива, увеличивать профессионализм как в определенной отрасли знаний, так и в иных направлениях, расширяющих общие предоставления деятельности [3, с. 83–89].

Таким образом, перспективным направлением в криминалистике является использование инновационных средств и технологий криминалистической техники в различных сферах правоохранительной деятельности, расширение применения криминалистических знаний в различных видах юридической практики, что в современных реалиях является достаточно актуальным и требует дальнейших исследований. Это свидетельствует о проявлении еще одной важной тенденции в разви-

тии современной криминалистики – расширение применения криминалистических знаний из сферы борьбы с преступностью в правоохранительную и иную деятельность [5, с. 1040].

Целью использования криминалистической техники является выявление и изучение отражений (следов) преступного события и извлечение из них доказательств. Поэтому успешное и умелое использование инновационных средств криминалистической техники обеспечивает полноту, точность, оперативность, объективность и результативность расследования, способствует оптимизации этих мероприятий и решению основных задач уголовного судопроизводства.

Как показывает практика, перспективным направлением исследований в современной криминалистике является изучение нетрадиционных отраслей криминалистической техники (криминалистическая одорология, фоноскопия, полиграфология и др.). В значительной степени они определяют инновационные направления современных криминалистических исследований в области криминалистической техники. Особое значение имеют возможности использования криминалистической техники в современных глобальных угрозах и ситуации эпидемиологического кризиса, связанного с пандемией коронавируса.

Таким образом, необходимо отметить, что процесс развития инновационных криминалистических технологий играет значительную роль в расследовании преступлений благодаря подбору соответствующих методик и изучению криминалистических характеристик.

Криминалистика как наука имеет огромный потенциал в дальнейшем развитии, именно инновационные технологии позволяют найти тонкую грань между способами совершения и расследования преступлений, определить круг соответствующих мероприятий и провести тщательное и грамотное исследование с соблюдением всех требований.

Список источников

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г. и др. Криминалистика: учебник. М., 2017.
2. Григорян Д.К. Даркнет – орудие криминализации преступлений // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. материалов Международной научно-практ. конф. Ростов н/Д, 2022.

References

1. Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G. et al. Criminalistics: textbook. Moscow, 2017.
2. Grigoryan D.K. Darknet – a tool of criminalization of crimes // Criminalistics: topical issues of theory and practice: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Rostov n/A, 2022.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

3. Малянова К.П. Особенности обнаружения интернет-мошенничеств и принятие решения на стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: сб. материалов Международной научно-практ. конф. Ростов н/Д, 2022.

4. Нечаева Н.Б. Инновации в криминалистике // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 2(32).

5. Белкина Р.С. Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей. М., 2018.

6. «"Андрюха, у нас труп": как современные технологии помогают криминалистам». URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education> (дата обращения: 09.01.2023).

3. Malianova K.P. Features of Internet fraud detection and decision-making at the stage of criminal case initiation // Actual problems of theory and practice of criminal procedure: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Rostov n/A, 2022.

4. Nechaeva N.B. Innovations in criminalistics // Leningrad Law Journal. 2013. № 2(32).

5. Belkina R.S. Modern development of criminalistics and forensic examination as the implementation of ideas. Moscow, 2018.

6. «"Andriukha, we have a corpse": how modern technologies help criminologists». URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education> (accessed: 09.01.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маляян Ани Варужановна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mailyan Ani Varuzhanovna, PhD in Law, Senior lecturer of the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko str., Rostov-on-Don, 344015, Russian Federation.

О ШИРОКОМ И УЗКОМ ПОДХОДАХ К ПОНИМАНИЮ ОРГАНА ДОЗНАНИЯ КАК СУБЪЕКТА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Калачева Алина Владимировна

УМВД России по Вологодской области, адъюнктура Академии управления МВД России, Вологда, Российская Федерация, akalacheva5@yandex.ru

Введение: статья посвящена исследованию различных подходов к толкованию категории «орган дознания» в целях надлежащего уяснения его роли и предназначения в общем механизме уголовно-процессуального регулирования.

Материалы и методы: при подготовке статьи использовались доктринальные источники, положения федерального законодательства, подзаконные нормативные правовые акты, а также личный опыт многолетней практической работы автора в качестве дознавателя, начальника одного из подразделений дознания, а затем и руководителя всей службы дознания Вологодской области. Методологическую основу статьи составляют общенаучные (диалектический, системный, структурно-функциональный, логический и др.) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой, прогностический и др.) методы исследования.

Результаты исследования: исходя из уголовно-процессуальной природы органа дознания, высказывается позиция о неприемлемости отнесения к его ведению полномочий оперативно-розыскного и административно-правового характера. Обосновывается тезис о понимании органа дознания в контексте реализации им разовых процессуальных полномочий как о сугубо юридической конструкции. Одновременно выявляются некоторые изъяны законодательства, свидетельствующие о недостаточном уразумении разработчиками соответствующих правовых норм подлинного предназначения органов дознания как субъектов уголовно-процессуальных отношений.

Выводы и заключения: в заключении формулируется вывод о необходимости толкования категории «орган дознания»: 1) в широком смысле – как входящего в общую систему органов исполнительной власти и возглавляемого начальником коллектива должностных лиц, обеспечивающего осуществление полномочий, предусмотренных ч. 2 ст. 40 УПК РФ, на определенной территории и по определенным категориям уголовных дел; 2) в узком смысле – как юридической конструкции, используемой для реализации разовых (локальных) уголовно-процессуальных полномочий и состоящей в формальной связке начальника органа дознания с дознавателем, иногда дополняемой начальником подразделения дознания.

Ключевые слова: дознаватель, начальник органа дознания, неотложные следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, орган дознания, полномочия органа дознания.

Для цитирования: Калачева А. В. О широком и узком подходах к пониманию органа дознания как субъекта уголовно-процессуальных отношений / А. В. Калачева // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1 (104). – С. 89–95.

Original paper

ON THE BROAD AND NARROW APPROACHES TO THE UNDERSTANDING THE BODY OF INQUIRY AS A SUBJECT OF CRIMINAL PROCEDURAL RELATIONS

Kalacheva Alina Vladimirovna

Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Vologda region Adjunct of the Administration Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Vologda, Russian Federation

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Introduction: the article is devoted to the study of various approaches to the interpretation of the category of «body of inquiry» in order to properly clarify its role and purpose in the general mechanism of criminal procedural regulation.

Materials and methods: when preparing the article, doctrinal sources, provisions of federal legislation, subordinate legislation, as well as the personal experience of the author's many years of practical work as an inquirer, head of one of the inquiry units, and then the head of the entire inquiry service of the Vologda Region were used. The methodological basis of the article consists of general scientific (dialectical, systemic, structural-functional, logical, etc.) and private scientific (formal-legal, comparative-legal, historical-legal, prognostic, etc.) research methods.

Results of the research: based on the criminal procedural nature of the body of inquiry, the position on the unacceptability of attributing to its competence the powers of operational-search and administrative-legal nature is expressed. The thesis on the understanding of the body of inquiry in the context of its implementation of one-time procedural powers as a purely legal structure is substantiated. At the same time, some shortcomings of the legislation are revealed, indicating that the developers of the relevant legal norms do not sufficiently understand the true purpose of the bodies of inquiry as subjects of criminal procedural relations.

Conclusions: the conclusion is formulated on the need to interpret the category of «body of inquiry»: 1) in a broad sense – as a part of the general system of executive authorities and headed by the head of the staff of officials, ensuring the exercise of powers provided for in Part 2 of Article 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, in a certain territory and in certain categories of criminal cases; 2) in a narrow sense – as a legal structure used for the implementation of one-time (local) criminal procedural powers and consisting in a formal link between the head of the body of inquiry and the inquirer, sometimes supplemented by the head of the inquiry unit.

Keywords: inquirer, head of the body of inquiry, urgent investigative actions, operational search measures, body of inquiry, powers of the body of inquiry.

For citation: Kalacheva A. V. *O shirokom i uzkom podkhodakh k ponimaniyu organa doznaniya kak sub'yekta ugolovno-protsessual'nykh otnosheniy* [On the broad and narrow approaches to the understanding of the body of inquiry as a subject of criminal procedural relations]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 2023. № 1 (104). P. 89–95.

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) органы дознания являются полноправными участниками уголовного судопроизводства. Это государственные органы и должностные лица, в ведении которых находятся ординарное дознание¹ и сокращенное дознание как отдельные формы предварительного расследования, а также некоторые другие процессуальные полномочия, подлежащие осуществлению в ходе досудебного производства по уголовному делу. Такое понимание органов дознания четко вытекает из законодательной дефиниции, предусмотренной п. 24 ст. 5 УПК РФ, и находящихся с ней в системном единстве других положений уголовно-процессуального права. Это же мнение высказывается и в ряде публикаций, посвященных субъектам уголовного судопроизводства в целом и статусу органа дознания в частности [7, с. 26; 13, с. 134; 14, с. 168 и др.].

Однако более детальный анализ подобного подхода приводит к убеждению о его дву-

смысленности, к осознанию заложенной в него неопределенности, обуславливающей вариативность толкования правовых норм и основанных на них доктринальных позиций. В первую очередь, представляется не совсем понятным соотношение сугубо процессуальной категории «орган дознания» с более широкой по содержанию категорией «орган исполнительной власти». Ведь органом исполнительной власти традиционно признается государственное учреждение, созданное для реализации управленческих функций, наделенное рядом властных полномочий и предполагающее целый штат государственных служащих, разветвленную структуру с разделением на ряд подразделений различной функциональной направленности и т. д. Поэтому любой из предусмотренных ч. 1 ст. 40 УПК РФ федеральных органов исполнительной власти (а их принадлежность к таковым прямо предусмотрена Указом Президента РФ²) помимо полномочий в сфере досудебного производства по уголовному

¹ Под ординарным дознанием в настоящей статье, как и в публикациях многих других авторов, понимается форма предварительного расследования, предусмотренная гл. 32 УПК РФ.

² Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 21 (ред. от 20.10.2022 г.) «О структуре федеральных органов исполнительной власти».

делу наделен еще целым рядом других функций властного характера, реализуемых в иных сферах жизнедеятельности.

На данную особенность органов дознания уже неоднократно обращалось внимание в публикациях ученых-процессуалистов. Так, например, один из авторов Курса советского уголовного процесса Ю.А. Иванов справедливо заметил о нахождении дознания в ведении административных органов государства, создаваемых не столько для расследования преступлений, сколько для осуществления самых разнообразных видов деятельности, сопряженных с возможностью незамедлительного реагирования на сигналы о преступлениях [4, с. 456]. Позднее аналогичную точку зрения высказала А.Е. Есина. Она указала на изначально иное функциональное предназначение государственных органов, отнесенных уголовно-процессуальными законом к органам дознания, на постановку перед ними задач, касающихся самых разнообразных сфер государственного управления: административной, фискальной, оборонной и т. д. Автором также было подчеркнуто, что участие в уголовном судопроизводстве является для них далеко не основным видом деятельности, а всего лишь производно от тех функций, ради которых был образован каждый из этих органов [3, с. 22]. Схожие суждения можно встретить и в других работах.

В связи с этим некоторые специалисты стали искать выход из predetermined не вполне корректным законодательным регулированием правовой коллизии в более узком доктринальном толковании уголовно-процессуальной нормы, определяющей конкретные виды органов дознания. Иными словами, под органами дознания было предложено понимать не соответствующие органы исполнительной власти как таковые, а лишь только в контексте осуществления ими полномочий уголовно-процессуального характера. Одними из первых подобный подход использовали авторы учебного пособия «Дознание в органах внутренних дел», подготовленного под ред. А.А. Чувилева, которые определили органы дознания как совокупность государственных учреждений и отдельных должностных лиц, непосредственно уполномоченных на выполнение функций органа дознания [2, с. 9]. Близких взглядов придерживался и Г.И. Мачковский. Указан-

ные в законе органы и должностные лица, писал автор, вправе называться органами дознания только в случае осуществления ими дознаний в установленном уголовно-процессуальным законом правовом режиме [6, с. 69]. Аналогичные позиции высказывались и другими учеными [3, с. 23; 8, с. 222; 16, с. 37]. А в современных публикациях ввиду образования в структуре правоохранительных органов, в первую очередь органов внутренних дел, специализированных подразделений дознания³ можно встретить еще более узкое, однако при этом не вполне разумное и явно не соответствующее положениям УПК РФ толкование данной категории: под органами дознания понимаются лишь указанные подразделения [17, с. 70].

В остальном рассмотренный подход представляется достаточно рациональным, поскольку основан на желании ограничить сферу деятельности органов дознания предметом уголовно-процессуального регулирования, т. е. видеть в них сугубо субъектов уголовно-процессуальных отношений. Оценка органов дознания в качестве феномена, имеющего исключительно процессуальную природу [16, с. 37], в целом соответствует сложившейся за долгие годы национальной системе выявления, раскрытия и расследования преступления, в которой их роль ограничивается лишь досудебным производством как этапом уголовного процесса. По крайней мере в доктринальных основах других видов правоохранительной деятельности категория «орган дознания» не используется.

Вместе с тем подобный подход имеет и свои недостатки. Так, понимание органов дознания как предусмотренных ч. 1 ст. 40 УПК РФ органов исполнительной власти в контексте осуществления ими полномочий уголовно-процессуального характера не в полной мере соответствует некоторым другим положениям уголовно-процессуального законодательства. Ведь помимо осуществления ординарных и сокращенных дознаний, возбуждения уголовных дел, производства неотложных следственных действий, выполнения поручений следователя процессуальной направленности на органы дознания за чем-то возлагаются отдельные полномочия сугубо полицейского, т. е. оперативно-розыскного и административно-правового характера. К ним можно отнести осуществление фактических приводов лиц в суды либо

³ О мерах по укреплению подразделений дознания и совершенствованию раскрытия преступлений, по которым предварительное следствие не обязательно: приказ МВД России от 16 октября 1992 г. № 368.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

органы предварительного расследования (ч. 7 ст. 113 УПК РФ) и выполнение поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ч. 4 ст. 157 УПК РФ), в частности розыска скрывающихся обвиняемых и подозреваемых (ч. 1 ст. 210 УПК РФ). По справедливому замечанию Т.Г. Николаевой, эти нормы свидетельствуют о явном расширении полномочий органа дознания по сравнению со смыслом, вытекающим из п. 24 ст. 5 и других положений УПК РФ, чем обуславливают очередную правовую коллизию [9, с. 70]. А некоторые авторы, напротив, полагают, что УПК РФ должен определять органы дознания как органы, уполномоченные осуществлять и процессуальную, и оперативно-розыскную деятельность [15, с. 10].

Конечно, ввиду рассмотренного выше общего подхода к органам дознания, предполагающего ограничение сферы их деятельности лишь предметом уголовно-процессуального регулирования, с указанной позицией согласиться достаточно сложно. Более того, причины появления в УПК РФ правовых норм, возлагающих на органы дознания полномочия административно-правового и оперативно-розыскного характера, тоже достаточно ясны и подробно исследованы в публикациях С.Б. Россинского. Автором справедливо обращается внимание на уникальность современной российской системы досудебного производства, существенно отличающейся от зарубежных аналогов и основанной на нахождении юрисдикционных полномочий в распоряжении органов государственной власти полицейского типа, т. е. на частичном переплетении функции «полиции» и функции «юстиции» [10, с. 43]. Одновременно рассматриваются факторы, предопределившие тенденции, направленные на процессуализацию органов дознания – объясняется, почему эти органы, выполнявшие до революции сугубо полицейские функции непроцессуального характера, в советский период стали постепенно наделяться юрисдикционной правосубъектностью и сближаться с органами предварительного следствия. Вместе с тем подмечается, что, невзирая на указанные изменения, органам дознания все еще остается свойственна исконная полицейская природа, предполагающая принятие незамедлительных мер по раскрытию преступления, оперативному выяснению обстоятельств случившегося, задержанию подозреваемого, сохранению следов преступления и т. д. [11, с. 64–65].

Представляется, что именно здесь и кроется основная причина попадания в современный

предмет уголовно-процессуального регулирования некоторых ранее присущих органам дознания полномочий не процессуального, а сугубо полицейского характера. Возможно, данный нюанс объясняется некоторой непроработанностью указанных вопросов при подготовке проекта УПК РФ, а возможно, какими-то иными обстоятельствами. В сущности, это не так уж и принципиально. На наш взгляд, гораздо важнее то, что полномочия по осуществлению фактических приводов, розысков подозреваемых и обвиняемых, выполнению иных оперативно-розыскных мероприятий по поручению следователя не должны расцениваться как полномочия органов дознания. Их надлежит определить как непроцессуальные полномочия соответствующих правоохранительных органов (органов внутренних дел, органов государственной безопасности, органов принудительного исполнения и т. д.) – примерно таким же образом, как этот вопрос урегулирован в части возложения на «соответствующие органы» (т. е. на специальные оперативно-технические подразделения правоохранительных органов) обязанностей по непосредственному контролю и записи переговоров (ч. 4 ст. 186 УПК РФ).

Существует и еще один нюанс, затрудняющий надлежащее понимание органов дознания как субъектов уголовно-процессуальных отношений. Дело в том, что участие органа дознания в любом находящемся в его ведении процессуальном действии или в принятии любого отнесенного к его компетенции процессуального решения явно не предполагает необходимости совместной работы всех должностных лиц, состоящих на службе в соответствующем органе исполнительной власти: отделе, управлении и т. д. Практическая неприемлемость указанного тезиса представляется очевидной любому специалисту, знакомому с правоприменительной практикой; тем более она очевидна автору настоящей статьи, отдавшему работе в органах дознания более 20 лет своей жизни. Поэтому в контексте каких-то конкретных правоотношений – производства отдельных следственных или иных процессуальных действий, принятия процессуальных решений, отнесенных к ведению органа дознания (не дознавателя как должностного лица, и именно органа дознания как государственного органа), – под таким органом необходимо понимать не учреждение, располагающее целым штатом сотрудников, а всего лишь абстрактную юридическую конструкцию: некую

двухзвенную связку, состоящую из руководителя – начальника органа дознания (п. 17 ст. 5, ст. 40.2 УПК РФ) и непосредственного исполнителя – дознавателя, правомочного либо уполномоченного начальником органа дознания осуществлять ординарные и сокращенные дознания, а также иные возложенные на орган дознания процессуальные полномочия (п. 7 ст. 5, ст. 41 УПК РФ). Например, в практике вынесения правоприменительных актов органов дознания, входящих в систему органов внутренних дел, уже много лет используется прикладная технология, предполагающая подготовку и подписание исполнителем (дознавateлем) соответствующего документа с его последующим утверждением начальником органа дознания. А применительно к работе специализированных подразделений дознания указанная связка дополнится еще одним, промежуточным звеном – начальником подразделения дознания (п. 17.1 ст. 5, ст. 40.1 УПК РФ).

Хотя для справедливости все же необходимо обратить внимание на то, что использование подобных юридических конструкций (связок) наиболее распространено не в части проведения ординарных и сокращенных дознаний как автономных форм предварительного расследования, а именно в части «дознаний не в полном объеме», т. е. реализации органами дознания полномочий по возбуждению уголовных дел и производству неотложных следственных действий в случаях, предполагающих обязательность предварительного следствия (ч. 1–3 ст. 157 УПК РФ), а также в части выполнения отдельных поручений следователя (ч. 4 ст. 157 УПК РФ). Именно здесь, справедливо пишет С.Б. Россинский, особо ярко проявляется исконная полицейская природа органами дознания. И именно поэтому, продолжает автор, указанные полномочия возложены на единоличного субъекта – дознавателя, что предполагает постоянную взаимосвязь руководителя и исполнителя (нескольких исполнителей). Одновременно С.Б. Россинский поясняет, что подобным способом и организована работа любого классического органа полицейского типа: солидарное решение поставленных задач под руководством начальника, распределяющего между подчиненными разовые поручения и координирующего ход их выполнения [11, с. 65–66].

Тогда как в части проведения ординарных и сокращенных дознаний, предполагающих большую самостоятельность дознавателя, т. е. его фактическое превращение в квазиследователя,

подобная конструкция применима лишь в связи с утверждением начальником органа дознания обвинительного акта (ч. 4 ст. 225 УПК РФ) и обвинительного постановления (ч. 2 ст. 226.7 УПК РФ). И таким образом, вынесение указанных правоприменительных актов – это единственные свойственные для ординарных и сокращенных дознаний конкретные правоотношения, в которых принимает участие не единоличный субъект (дознавateль, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания), а орган дознания в процессуальном понимании данной категории.

Подводя итог всему вышесказанному, мы приходим к выводу, что в доктрине, законодательстве и правоприменительной категории «орган дознания» фактически придается два разных значения: 1) организационно-управленческое, предполагающее его понимание как государственного органа, созданного для реализации определенных функций, располагающего штатом служащих и т. д.; 2) узкое, предполагающее его понимание как юридической конструкции – применимой для реализации строго установленных законом разовых (локальных) уголовно-процессуальных полномочий формальной связки начальника органа дознания с дознавателем, а в ряде случаев дополненной начальником подразделения дознания. В принципе такая позиция не является новой и с учетом тех или иных оттенков уже высказывалась некоторыми учеными [1, с. 238]. В частности, Г.Д. Луковников предлагал рассматривать компетенцию органа дознания в широком смысле, охватывающем все виды полномочий, возложенных на государственные органы, отнесенные к органам дознания, и в узком смысле, подразумевающим реализацию полномочий, перечисленных в уголовно-процессуальном законе [5, с. 120].

Безусловно, что подобные точки зрения лежат в правильном направлении, поскольку четко разграничивают общие и конкретные полномочия органа дознания, т. е. полномочия, предоставленные этому органу как некоему возглавляемому начальником коллективу должностных лиц, и полномочия, реализуемые в рамках конкретных правоотношений посредством использования той самой юридической связки начальника с исполнителем (с дознавателем). Однако в них все же наблюдается один изъян. Дело в том, что уважаемые авторы в очередной раз не разграничивают процессуальные полномочия органа дознания и полномочия, предоставленные соответствующим

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

органам в части осуществления оперативно-розыскной, административной и иных видов непроцессуальной деятельности, т. е., по сути, вновь упираются в недостаток, который уже был рассмотрен ранее.

В связи с этим представляется, что понимание органов дознания в широком смысле не должно охватывать всех без исключения полномочий, возлагаемых на государственные органы, перечисленные в ч. 1 ст. 40 УПК РФ. Подобный широкий смысл надлежит ограничивать полномочиями, предоставляемыми органу дознания как возглавляемому начальником коллективу должностных лиц, но при этом строго входящими в предмет уголовно-процессуального регулирования. Уголовно-процессуальный закон содержит достаточное количество положений, подразумевающих именно такое, широкое понимание органа дознания: «на органы дознания возлагаются...» (ч. 2 ст. 40 УПК РФ); «поручать должностным лицам органа дознания исполнение письменных поручений следователя...» (п. 6 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ); «при поступлении из органа дознания сообщения о преступлениях...» (ч. 7 ст. 144 УПК РФ) и др. Тогда как узкий смысл, как уже отмечалось, надлежит отождествлять с сугубо юридической конструкцией, используемой для реализации разовых (локальных) уголовно-процессуальных полномочий и состоящей в формальной связке начальника органа дознания с дознавателем, а в ряде случаев дополненной начальником подразделения дознания: «Орган дознания... вправе задержать лицо...» (ч. 1 ст. 91 УПК РФ); «...орган дознания... возбуждает уголовное дело...» (ч. 1 ст. 146 УПК РФ); «...орган дознания... выносит постановление об

отказе в возбуждении уголовного дела...» (ч. 1 ст. 148 УПК РФ) и т. д.

Кстати, предлагаемый нами подход не обладает принципиальной новизной и уже используется в процессуальной доктрине, законодательстве и правоприменительной практике в части других субъектов, например суда. Так, под судом в широком смысле традиционно понимается обособленное подразделение судебной системы, действующее на определенной территории и выполняющее определенные юрисдикционные полномочия, а в узком смысле – конкретный судебный состав, рассматривающий конкретное дело либо иной судебный вопрос [12, с. 39].

Итак, на основании всего изложенного представляется возможным сформулировать вывод о необходимости толкования уголовно-процессуальной категории «орган дознания» в широком и узком смыслах. В широком смысле под органом дознания надлежит понимать входящий в общую систему органов исполнительной власти и возглавляемый начальником коллектив должностных лиц, обеспечивающий осуществление полномочий, предусмотренных ч. 2 ст. 40 УПК РФ, на определенной территории и по определенным категориям уголовных дел. В узком смысле под органом дознания надлежит понимать сугубо юридическую конструкцию, используемую для реализации разовых (локальных) уголовно-процессуальных полномочий и состоящую в формальной двухзвенной связке: начальник органа дознания → дознаватель, а в части работы специализированных подразделений дознания – в трехзвенной связке: начальник органа дознания → начальник подразделения дознания → дознаватель.

Список источников

1. Гончан Ю.А. О новых подходах к понятию «орган дознания» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2000. № 1.
2. Дознание в органах внутренних дел: учеб. пособие / под ред. А.А. Чувилева. М., 1986.
3. Есина А.С. Процессуальная компетенция органов дознания системы МВД России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
4. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М., 1989.
5. Луковников Г.Д. Органы дознания в системе досудебного производства по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

References

1. Gonchan Yu.A. About new approaches to the concept of «body of inquiry» // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Law. 2000. № 1.
2. Inquiry in the internal affairs bodies: studies. manual / edited by A.A. Chuvilev. Moscow, 1986.
3. Esina A.S. Procedural competence of the bodies of inquiry of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: thesis ... PhD in Law. Moscow, 2001.
4. The course of the Soviet criminal procedure. General part / edited by A.D. Boikov and I.I. Karpets. Moscow, 1989.

6. Мачковский Г.И. О некоторых теоретических вопросах в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1989. № 11.
7. Муравьев К.В., Писарев А.В. Участники уголовного судопроизводства. Омск, 2011.
8. Научно-практический комментарий к УПК РСФСР / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.
9. Николаева Т.Г. К понятию «орган дознания» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 4(28-2).
10. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021.
11. Россинский С.Б. Орган дознания: «команда» или должностное лицо? (научно-практический комментарий к п. 24 ст. 5 и ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса РФ) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 10.
12. Судостроительство и правоохранительные органы: учебник / отв. ред. Ю.К. Орлов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016.
13. Супрун С.В. Органы дознания МВД России: центральный аппарат МВД России как орган внутренних дел уголовном судопроизводстве // Современное право. 2020. № 6.
14. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прощякова. М., 2011.
15. Цукрук М.В. Процессуальная деятельность органов дознания в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004.
16. Шпагина Ю.В. Уголовно-процессуальная деятельность полиции как органа дознания: теоретико-правовые основы и правоприменительная практика: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
17. Якимович Ю.К. Участники уголовного процесса. СПб., 2015.
5. Lukovnikov G.D. Bodies of inquiry in the system of pre-trial proceedings in a criminal case: thesis ... PhD in Law. Moscow, 1999.
6. Machkovsky G.I. On some theoretical issues in the Soviet criminal procedure // The Soviet state and law. 1989. № 11.
7. Muravyev K.V., Pisarev A.V. Participants in criminal proceedings. Omsk, 2011.
8. Scientific and Practical Commentary to the RSFSR Criminal Procedural Code / ed. V.M. Lebedev; scientific ed. by V.P. Bozhev. 2nd ed. revised and supplemented. Moscow, 1997.
9. Nikolaeva T.G. To the concept of «body of inquiry» // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2005. № 4(28-2).
10. Rossinsky S.B. Pre-trial proceedings in a criminal case: the essence and methods of collecting evidence. Moscow, 2021.
11. Rossinsky S.B. Body of inquiry: «team» or official? (scientific and practical commentary to paragraph 24 of Article 5 and Article 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2022. № 10.
12. Judicial system and law enforcement agencies: textbook / ed. by Y.K. Orlov. 2nd ed. revised and supplemented. Moscow, 2016.
13. Suprun S.V. Bodies of inquiry of the Ministry of Internal Affairs of Russia: the central apparatus of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a body of internal affairs in criminal proceedings // Modern Law. 2020. № 6.
14. Criminal procedure: textbook / edited by V.S. Balakshin, Yu.V. Kozubenko, A.D. Proshlyakov. Moscow, 2011.
15. Tsukruk M.V. Procedural activity of bodies of inquiry in Russian criminal proceedings: thesis ... PhD in Law. Irkutsk, 2004.
16. Shpagina Yu.V. Criminal procedural activity of the police as a body of inquiry: theoretical and legal foundations and law enforcement practice: thesis ... PhD in Law. Moscow, 2020.
17. Yakimovich Yu.K. Participants in criminal proceedings. St. Petersburg, 2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калачева Алина Владимировна, начальник отдела организации дознания Управления МВД России по Вологодской области. 160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, 15. Аджункт кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России. 125171, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, корп. 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kalacheva Alina Vladimirovna, The Head of the Department of organization of inquiry, Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Vologda region. 15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation. Adjunct of the Department of Management of Crime Investigation Bodies. Administration Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, building 1, Zoya and Aleksandr Kosmodemyanskikh street, Moscow 125171, Russian Federation.

**МЕХАНИЗМ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ
В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ
И ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ЕГО СОЗДАНИЯ**

Богатырев Дионисий Валерьевич

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация, headwall@mail.ru

Введение: злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве является весьма сложным правовым явлением, потому как оно не упоминается в уголовно-процессуальном законе. Кроме того, в науке отсутствует единое мнение о его правовой природе и путях его преодоления. Отсутствие законодательных средств его предупреждения и пресечения весьма затрудняет противодействие рассматриваемому явлению, что создает опасность затягивания сроков по уголовному делу, снижения качества его расследования и ограничения прав и свобод участников уголовного судопроизводства. При этом следует иметь в виду, что злоупотребление правом и злоупотребление должностными полномочиями имеют весьма тесную связь, потому как полномочия представляют собой совокупность прав и обязанностей.

Материалы и методы: в статье приводятся и анализируются мнения авторов относительно правовой природы злоупотребления правом, а также его синтаксического значения. Автором был применен диалектико-материалистический метод научного познания, который позволил изучить злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве с точки зрения его соотношения с субъективным правом, а также изучить его правовую природу. При написании статьи был использован формально-правовой метод, который позволил исследовать злоупотребление правом с точки зрения его законодательной регламентации. Кроме того, с помощью юридико-технического анализа автором сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Результаты исследования: в статье говорится о необходимости создания механизма преодоления злоупотребления правом в уголовном досудебном производстве, предложена его структура. Автор приводит понятие механизма преодоления злоупотребления правом, а также ряд оснований для его создания. Кроме того, автором упоминаются некоторые особенности функционирования рассматриваемого механизма.

Выводы и заключения: формулируются выводы, согласно которым для эффективной реализации механизма преодоления злоупотребления правом необходимо его правовое основание, которое подразумевает регламентацию в уголовно-процессуальном законе запрета на злоупотребление правом. Резюмируется, что введение такого запрета позволит эффективно противодействовать проявлениям злоупотребления правом в рамках уголовно-процессуальных правоотношений.

Ключевые слова: злоупотребление правом, преодоление злоупотребления правом, механизм преодоления, основания преодоления, недобросовестная реализация права, злоупотребление должностными полномочиями.

Для цитирования: Богатырев Д. В. Механизм преодоления злоупотребления правом в досудебном уголовном производстве и основания для его создания / Д. В. Богатырев // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1 (104). – С. 96–102.

Original paper

**THE MECHANISM OF OVERCOMING THE ABUSE OF LAW IN PRE-TRIAL CRIMINAL
PROCEEDINGS AND THE GROUNDS FOR ITS CREATION**

Bogatyrev Dionysius Valerievich

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, Moscow, Russian Federation

Introduction: abuse of law in criminal proceedings is a very complex legal phenomenon, because it is not mentioned in the criminal procedure law. In addition, there is no consensus in science about its legal nature and ways to overcome it. The lack of legislative means to prevent and suppress it makes it very difficult to counteract the phenomenon under consideration, which creates the danger of delaying the terms of a criminal case, reducing the quality of its investigation and restricting the rights and freedoms of participants in criminal proceedings. At the same time, it should be borne in mind that the abuse of the right and the abuse of official powers have a very close relationship, because the powers represent a set of rights and obligations.

Materials and methods: the article presents and analyzes the authors' opinions on the legal nature of the abuse of law, as well as its syntactic meaning. The author applied a dialectical-materialistic method of scientific cognition, which made it possible to study the abuse of law in criminal proceedings from the point of view of its correlation with subjective law, as well as to study its legal nature. When writing the article, a formal legal method was used, which made it possible to investigate the abuse of law in terms of its legislative regulation. In addition, with the help of legal and technical analysis, the author formulated proposals for improving criminal procedure legislation.

Results of the research: the article talks about the need to create a mechanism to overcome the abuse of law in criminal pre-trial proceedings, its structure is proposed. The author cites the concept of a mechanism for overcoming abuse of law, as well as a number of reasons for its creation. In addition, the author mentions some features of the functioning of the mechanism in question.

Conclusions: conclusions are formulated according to which, for the effective implementation of the mechanism for overcoming abuse of law, its legal basis is necessary, which implies the regulation of the prohibition of abuse of law in the criminal procedure law. It is summarized that the introduction of such a ban will effectively counteract the manifestations of abuse of law within the framework of criminal procedural legal relations.

Keywords: abuse of law, overcoming abuse of law, overcoming mechanism, grounds for overcoming, unfair exercise of rights, abuse of official authority.

For citation: Bogatyrev D. V. Mekhanizm preodoleniya zloupotrebleniya pravom v dosudebnom ugovnom proizvodstve i osnovaniya dlya yego sozdaniya [The mechanism of overcoming the abuse of law in pre-trial criminal proceedings and the grounds for its creation]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 2023. № 1 (104). P. 96–102.

Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве является весьма опасным и вредоносным явлением. Дело в том, что обязательным его признаком является наступление вреда либо создание угрозы его причинения. Такое деяние весьма часто встречается в практике предварительного расследования и может весьма существенно затруднять производство по уголовному делу.

Сложность его выявления и пресечения заключается в том, что ни в теории права, ни в науке уголовного процесса учеными до сих пор не достигнуто соглашение о том, что из себя представляет злоупотребление правом. Отсутствуют единые мнения о его понятии, правовой природе, последствиях, способах преодоления и т. д. Ситуация усугубляется и тем, что законодательство Российской Федерации весьма ограничено (кроме небольшого ряда случаев) касается рассматриваемого вопроса, не регламентируя нормативное определение злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве, а также способы выявления и пресечения такого деяния. В уголовно-процессуальном законе отсутствуют основания и

механизмы преодоления злоупотребления правом, что не позволяет правоприменителю использовать какие-либо меры для противодействия ему. Однако полагаем, что разработка механизма преодоления злоупотребления правом необходима.

Согласно мнению авторов толкового словаря, «механизм» представляет собой систему, устройство, определяющие порядок какого-либо вида деятельности [11, с. 76]. Говоря о механизмах в контексте права, необходимо сказать о том, что так или иначе правовой механизм представляет собой средство правового регулирования определенной области общественных отношений. При этом необходимо иметь в виду, что в данном случае средства преодоления злоупотребления правом и будут выступать как механизм уголовно-процессуального регулирования. Следует согласиться с точкой зрения З.З. Зинатуллина, который говорит о том, что механизм уголовно-процессуального регулирования представляет собой систему взаимообусловленных процессуальных средств, которая обеспечивает воздействие уголовно-процессуального права на

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

общественные отношения в области уголовного судопроизводства [4, с. 73–77].

Действительно, механизм правового регулирования в рамках уголовно-процессуальных отношений будет обеспечивать воздействие на участников процесса, однако важно заметить то, что оно может быть негативным, поскольку будет ограничивать их в правах.

В контексте юриспруденции механизм обладает некоторым рядом свойств и особенностей, которыми он обусловлен. При этом подходы к пониманию механизма в праве могут быть несколько разнообразны. Так, например, С.С. Алексеев указывает на то, что механизмом правового регулирования является система правовых средств, с помощью которой обеспечивается воздействие на общественные отношения [1, с. 24]. Схожее мнение выразил А.В. Малько, отметив, что механизм правового регулирования представляет собой систему правовых средств, организованных последовательным образом в целях преодоления противоречий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права [7, с. 54].

В.В. Лазарев считает, что механизм правового регулирования позволит раскрыть процесс перевода предписаний права в реальное правоприменение [6, с. 85]. Мы согласны с ним, однако механизм такого типа в рамках преодоления злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве применим весьма условно. Дело в том, что уголовно-процессуальный закон, как отмечалось, никаким образом не закрепляет в себе понятия «злоупотребление правом» и, что не менее важно, не содержит запрета на его осуществление. Исключением представляются лишь некоторые отдельно взятые частные случаи, которые могут представлять собой частные средства предупреждения и пресечения злоупотребления правом, но в данных случаях речь не идет о его преодолении в целом.

Заметим, что в некоторых случаях злоупотребление правом может выходить за рамки уголовно-процессуальных отношений. Так, при совершении преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ (Злоупотребление должностными полномочиями), лицо будет нести уголовную ответственность и являться субъектом уголовно-правовых отношений. При этом важно сказать, что полномочие является совокупностью прав и обязанностей, потому

мы можем говорить о том, что в рамках злоупотребления правом возможно допущение признаков как преступления, так и правонарушения в части, касающейся реализации прав.

Для такого рода злоупотреблений основания и механизм уже предусмотрены уголовным и уголовно-процессуальным законодательством. В таком случае эти злоупотребления правом пресекать возможно, однако те, которые преступлением не являются, прекратить довольно трудно, поскольку законодательного запрета злоупотребления правом в уголовно-процессуальном законе не имеется.

Таким образом, мы можем говорить о том, что содержанием механизма преодоления злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве является правовое воздействие на участников уголовно-процессуальных правоотношений. В данном случае способами воздействия могут являться меры ответственности, применяемые к лицу, злоупотребившему правом, например, предупреждение или ограничение в осуществлении права. При этом важно отметить то, что меру ответственности должен избирать соответствующий субъект. Так, например, следователь не имеет полномочия ограничить обвиняемого в правах, даже в том случае, если злоупотребление правом очевидно. Однако это может сделать суд, т. к. он наделен полномочиями, которые способны ограничить конституционные права и свободы человека. Кроме того, уголовно-процессуальным законом суд не отнесен к стороне обвинения, а потому является наиболее беспристрастным и объективным участником, который может принять справедливое решение на основании имеющихся доказательств.

Однако было бы необоснованным накладывать на суд такую нагрузку, потому как сообщений о злоупотреблении правом может быть достаточно много. По этой причине возможным видится возложение функций арбитра и на других должностных лиц, выполняющих функцию контроля и надзора за законностью в уголовном судопроизводстве. В частности, таковыми являются руководитель следственного органа, прокурор. Причем руководитель следственного органа осуществляет контроль за уголовно-процессуальной деятельностью следователя, а прокурор – за дознавателями и органом дознания. Начальник

подразделения дознания хоть и осуществляет контроль, тем не менее не обладает таким объемом полномочий, как прокурор и руководитель следственного органа, а потому его возможность участвовать в преодолении злоупотребления правом видится несколько сомнительной.

Однако обоснованным является вариант, когда следователь либо дознаватель будет вправе применять некоторые меры, позволяющие пресечь наименее существенные злоупотребления правом, но с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора.

Говоря о механизме злоупотребления правом, видится важным установить его элементы, тем самым определить его структуру. Структура механизма преодоления злоупотребления правом, по нашему мнению, выглядит следующим образом: объект воздействия – участник уголовного судопроизводства, злоупотребляющий своим процессуальным правом; субъекты – участники уголовного судопроизводства, преследующие цель не допустить, выявить и пресечь злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве; способы и средства, которые используют субъекты преодоления злоупотребления правом.

Порядок его реализации нам видится следующим образом: предупреждение, выявление, установление (квалификация), пресечение.

Именно предупреждение злоупотребления правом является начальным этапом его преодоления. Задача предупреждения – не допустить совершения факта злоупотребления правом. Эффективное предупреждение злоупотребления правом может быть достигнуто только при законодательном запрете на его осуществление. Кроме того, полагаем, что для реализации указанной задачи необходимо наделить должностных лиц правом уведомлять участника уголовного судопроизводства о недопустимости злоупотребления правом в том случае, если имеются основания полагать о возможности совершения им указанного деяния. При этом необходимо уточнить, что указанная мера не является мерой ответственности, как, например, предупреждение, и направлена на сообщение лицу о недопустимости его потенциально недобросовестного поведения.

Что касается выявления фактов злоупотребления правом, то оно представляет собой

весьма открытый процесс, потому как выявить злоупотребление правом может фактически каждый участник уголовного судопроизводства. Выявление не следует путать с установлением, потому как в первом случае субъект лишь усматривает первичные признаки злоупотребления правом.

Участник уголовного судопроизводства, не обладающий властными полномочиями, может лишь сообщить о своих опасениях и подозрениях по поводу злоупотребления правом другим участникам процесса путем заявления жалобы на должностное лицо или ходатайства о пресечении злоупотребления правом. При этом должностные лица должны отреагировать на выявленное злоупотребление правом. Однако мы полагаем, что следователь и дознаватель могут разрешать лишь те случаи злоупотребления правом, в рамках которых не был причинен вред, а лишь создавалась опасность его наступления. Таким должностным лицам можно предоставить право выносить предостережения о недопустимости злоупотребления правом в отношении участников уголовного судопроизводства, вовлеченных в уголовный процесс в связи с совершением преступления.

Однако вначале, после сообщения должностному лицу о возможном злоупотреблении правом, возникает необходимость в проверке такого сообщения, результатом которой является установление (неустановление) заявленного злоупотребления правом (его квалификации как такового по установленным признакам). Этот процесс с мерой условности можно назвать и доказыванием злоупотребления правом. Указанную процедуру весьма обоснованно можно сравнить с уголовно-процессуальным доказыванием, однако она будет иметь весьма существенные отличия. В частности, следует сказать о том, что в данном случае этап собирания доказательств вовсе отсутствует, потому как на этот момент все необходимые доказательства уже имеются в материалах уголовного дела. Самым важным в данном случае будет являться оценка доказательств. Должностное лицо, обладающее полномочиями по пресечению злоупотребления правом, к которым следует относить суд, прокурора, руководителя следственного органа, следователя и дознавателя, ориентируясь на собранные по уголовному делу доказательства, проводит

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

оценку, дабы подтвердить его наличие или отсутствие в деянии участника судопроизводства, в связи с чем принимает итоговое решение. В этом заключается главная сложность пресечения злоупотребления правом – указанное решение является сугубо оценочным, хотя и может обладать определенными критериями. Тем не менее решение о наличии в деянии участника состава злоупотребления правом будет являться достаточно спорным, а потому возможность его обжалования должна быть.

Следует сказать о том, что, как и любой механизм, механизм преодоления злоупотребления правом включает в себя и субъектов. Прежде всего, таковыми являются участники уголовного судопроизводства. Как уже указывалось ранее, каждый участник уголовно-процессуальных отношений может заявить о том, что совершается либо было совершено злоупотребление правом. Однако далеко не каждый участник имеет возможность пресечь указанное деяние. В рамках уголовно-процессуальных отношений это может сделать только лицо, обладающее властными полномочиями (суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, дознаватель), при этом пресекать его нужно не голословно, а путем вынесения процессуального документа, например, постановления.

Ранее мы говорили о том, что отдельные механизмы преодоления злоупотребления правом уже регламентированы в уголовно-процессуальном законе. Примером тому может являться ч. 3 ст. 217 УПК РФ, согласно которой суд вправе ограничить время ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела в том случае, если они явно его затягивают, допуская тем самым злоупотребление правом. Указанный механизм пресечения работает вполне эффективно, однако он является частным и распространяется на конкретные ситуации, при этом предусмотреть в законе такие частные случаи злоупотребления правом и меры по их пресечению, по нашему мнению, не представляется возможным.

Для создания механизма преодоления злоупотребления правом необходим ряд оснований, которые позволили бы указанный механизм успешно запустить. Нам видится, что таким основанием в сфере уголовно-процессуальных правоотношений должен являться, прежде всего, запрет на злоупотребление пра-

вом, закрепленный в уголовно-процессуальном законе. Без его установления реализация механизма затруднительна.

Имеет смысл обратить внимание на ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, согласно которой осуществление прав и свобод одного лица не должно ограничивать права и свободы других лиц. Однако скажем о том, что при рассмотрении уголовных дел судьи ссылаются на указанную статью крайне редко. Кроме того, формулировка указанной нормы весьма расплывчата, что создает существенные затруднения для ее реализации в рамках уголовно-процессуальных правоотношений. Дело в том, что в данном случае речь идет именно об ограничении прав и свобод другого участника процесса, однако в случае злоупотребления правом обязательным признаком является вред, что несколько шире критерия, указанного в статье. Таким образом, мы можем полагать, что указанная норма не может являться полноценным основанием для преодоления злоупотребления правом. Уголовно-процессуальному закону необходима собственная норма, которая напрямую запрещала бы злоупотребление процессуальными правами.

Основания преодоления злоупотребления правом заключаются не только в законодательной регламентации запрета на его осуществление, позволяющей запустить рассматриваемый механизм правового регулирования. Следует выделить также и иные основания для преодоления злоупотребления правом. Так, И.В. Кузцова выделила два главных основания уголовно-процессуальных механизмов воздействия: юридическое и фактическое [5, с. 8]. В целом следует согласиться с мнением указанного ученого: действительно, кроме юридического основания весьма важно и фактическое, потому как предполагает наличие рассматриваемой проблемы в правоприменительной практике. Применительно к явлению злоупотребления правом можно сказать о том, что в практической деятельности оно встречается достаточно часто и может создавать существенные трудности производству по делу и правосудию в целом [3, с. 132–143].

Ранее мы уже говорили о том, что по поводу злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве ученые-процессуалисты ведут весьма острую дискуссию, результатом которой являются научные исследования, позволяющие определить теоретические основы злоупотреб-

ления правом и его преодоления. Важно обратить внимание на то, что подавляющее большинство из них приходит к выводу о том, что проявления злоупотребления правом должны и предупреждаться, и пресекаться [2, с. 56–58]. Таким образом, мы можем утверждать, что существуют и теоретические основы преодоления злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве.

Итак, исходя из сказанного, мы можем выделить три группы оснований для создания механизма преодоления злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве:

1) фактические – наличие проявлений злоупотребления правом участниками уголовного процесса в практической деятельности органов и должностных лиц, осуществляющих досудебное уголовное производство;

2) теоретические – наличие научных работ, результаты которых, углубляя теорию уголовного процесса, создают предпосылки для законотворчества и совершенствования правоприменительной деятельности, связанной с преодолением злоупотребления правом;

3) потенциально правовые, связанные с необходимостью установления в уголовно-процессуальном законе запрета на злоупотребление правом, как это сделано в Гражданском кодексе РФ (ст. 10).

Подводя итоги, отметим, что механизм преодоления злоупотребления правом представляет собой совокупность уголовно-процессуальных средств, предназначенных для предупреждения, выявления, установления (квалификации) и пресечения злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве.

Основания для преодоления злоупотребления правом вытекают сегодня лишь из теории и практики уголовного процесса. Однако для эффективной борьбы с злоупотреблением правом необходимо и правовое основание, которое будет заключаться прежде всего в запрете на злоупотребление правом, регламентированном в УПК РФ, а также нормативном закреплении уголовно-процессуальных средств его предупреждения и пресечения, которые в своей совокупности, во взаимовлиянии и взаимообусловленности обеспечат создание механизма преодоления злоупотребления правом в досудебном уголовном производстве.

Список источников

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования. М., 1967.
2. Баев О.Я. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам: монография. М., 2014.
3. Доника Д.А. К вопросу злоупотребления правом как проблеме в уголовно-процессуальной науке // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2020. № 2(93).
4. Зинатуллин З.З. Понятие и структура механизма уголовно-процессуального регулирования // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф. (16–17 окт. 2003 г.). Уфа, 2003.
5. Кутазова И.В. Механизм уголовно-процессуального обеспечения недопустимости разглашения данных уголовного судопроизводства автореферат: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011.
6. Лазарев В.В. Механизм правового регулирования. М., 2000.

References

1. Alekseev S.S. Mechanism of legal regulation. M., 1967.
2. Baev O.Ya. Abuse of the right in pre-trial proceedings in criminal cases: monograph. Moscow, 2014.
3. Donika D.A. On the issue of abuse of law as a problem in criminal procedure science // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 2(93).
4. Zinatullin Z.Z. The concept and structure of the mechanism of criminal procedure regulation // Problems of combating crime in modern conditions: materials of the International scientific and practical conference (October 16–17, 2003). Ufa, 2003.
5. Kutazova I.V. The mechanism of criminal procedure ensuring the inadmissibility of disclosure of data of criminal proceedings abstract: dis. ... cand. jurid. sciences'. Tyumen, 2011.
6. Lazarev V.V. The mechanism of legal regulation. Moscow, 2000.
7. Malko A.V. Incentives and restrictions in law: theoretical and informational aspect. Saratov, 1994.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

7. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. Саратов, 1994.

8. Навалиев Н.М. Нравственное содержание привилегий иммунитетов в уголовном судопроизводстве. Ходатайства и иные обращения участников досудебного производства к следователю // Российский следователь. 2021. № 6.

9. Новиков М.В. Механизм злоупотребления правом // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8.

10. Попов К.И. Доказывание в уголовном процессе // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 2(3).

11. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 2-е изд., испр. и доп. М., 1994.

8. Navaliev N.M. The moral content of privileges and immunities in criminal proceedings. Petitions and other appeals of participants in pre-trial proceedings to the investigator // A Russian investigator. 2021. № 6.

9. Novikov M.V. The mechanism of abuse of law // Gaps in Russian legislation. 2016. № 8.

10. Popov K.I. Proving in criminal proceedings // Law and order: history, theory, practice. 2014. № 2(3).

11. Explanatory dictionary of the Russian language: 72500 words and 7500 phraseological expressions / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. 2nd ed., ispr. and add. M., 1994.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Богатырев Дионисий Валерьевич, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. 117437, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bogatyrev Dionysiy Valeryevich, adjunct of the Faculty of Training of Educational Research and Academic Staff, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya. 12, Akademika Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation.

**ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОРРУПЦИИ НА ЭТАПЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ
ЗАКУПОК ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД**

Марсаков Илья Сергеевич

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация, ilya.marsakov.94@mail.ru

Введение: деятельность подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК) по взаимодействию как внутри системы Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), так и за ее пределами с иными правоохранительными и контрольно-надзорными органами по противодействию преступлениям коррупционной направленности, совершаемым в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, является сложной и многофакторной. В нее вовлечено большое количество внутренних и внешних субъектов, взаимодействие с которыми, по нашему мнению, требует системной работы на этапе выявления преступлений рассматриваемого вида.

Материалы и методы: общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение) и частные научные методы (системный метод, метод экономико-правового анализа, сравнительный метод).

Результаты исследования: представлена аргументированная авторская позиция о необходимости использования подразделениями ЭБиПК в ходе выявления преступлений возможностей субъектов внутреннего и внешнего взаимодействия, которые непосредственно участвуют в обработке информации о фактах хищения бюджетных средств в сфере закупок и лицах, к ним причастных. Предложены способы решения проблемы, связанной с отсутствием приоритетно-ориентированного подхода к обмену информации между субъектами взаимодействия, имеющей значение для подразделений ЭБиПК.

Выводы и заключения: современные условия интеграции цифровых технологий в закупочные циклы обуславливают востребованность использования подразделениями ЭБиПК информационных ресурсов субъектов внутреннего и внешнего взаимодействия для повышения эффективности выявления преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд.

Ключевые слова: субъекты взаимодействия, сфера закупок, преступления коррупционной направленности, оперативно-розыскная деятельность, информационные ресурсы, подразделения ЭБиПК.

Для цитирования: Марсаков И. С. Особенности взаимодействия подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции на этапе выявления преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // И. С. Марсаков // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1 (104). – С. 103–110.

Original paper

**PARTICULARITIES OF INTERACTION BETWEEN ECONOMIC SECURITY
AND ANTI-CORRUPTION UNITS AT THE STAGE OF DETECTION
OF CORRUPTION-RELATED CRIMES COMMITTED IN THE FIELD
OF PURCHASES FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS**

Marsakov Ilya Sergeevich

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs Russia, Moscow, Russian Federation

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Introduction: the activity of economic security and anti-corruption units (hereinafter referred to as EBiPK) on interaction as within the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Ministry of Internal Affairs In Russia), and beyond its borders with other law enforcement and supervisory authorities to counter corruption-related crimes committed in the field of procurement for state and municipal needs, is complex and multifactorial. It involves a large number of internal and external actors, interaction with which, in our opinion, requires systematic work at the stage of detecting crimes of the type in question.

Materials and methods: general scientific methods (analysis, synthesis, generalization) and private scientific methods (system method, method of economic and legal analysis, comparative method).

Results of the research: the author's reasoned position is presented on the need for EBiPK units to use the capabilities of subjects of internal and external interaction who are directly involved in processing information about the facts of embezzlement of budget funds in the field of procurement and persons involved in them during the detection of crimes.

The ways of solving the problem associated with the lack of a priority-oriented approach to the exchange of information between the subjects of interaction, which is important for the EBiPK units, are proposed.

Conclusions: modern conditions for the integration of digital technologies into procurement cycles determine the demand for the use by EBiPK units of information resources of subjects of internal and external interaction to increase the effectiveness of detecting corruption-related crimes committed in the field of procurement for state and municipal needs.

Keywords: subjects of interaction, procurement sphere, corruption crimes, operational investigative activities, information resources, EBiPK units.

For citation: Marsakov I. S. Osobennosti vzaimodejstviya podrazdelenij ekonomicheskoy bezopasnosti i protivodejstviya korrupcii na etape vyavleniya prestuplenij korrupcionnoj napravlenosti, sovershaemyh v sfere zakupok dlya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd [Particularities of interaction between economic security and anti-corruption units at the stage of detection of corruption-related crimes committed in the field of purchases for state and municipal needs]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 2023. № 1 (104). P. 103–110.

В оперативно-розыскной науке в последние десятилетия вопросы взаимодействия оперативных подразделений ЭБиПК и государственных органов исполнительной власти на этапе выявления преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, исследуются и обсуждаются непрерывно. И это не случайно, поскольку от качества сотрудничества данных субъектов напрямую зависит результативность противодействия рассматриваемой категории преступлений. Каждый из указанных субъектов обладает своими полномочиями, специфическим арсеналом сил, средств и методов, которые, по нашему мнению, должны использоваться согласованно, с учетом общих целей и задач. Про взаимодействие органов государственной власти очень точно сказал один из выдающихся европейских юристов эпохи XIX – начала XX в. Г. Еллинек: «В государственной организации и ее деятельности отражается структурное и функциональное своеобразие власти, которое без них не может существовать как единый организованный союз» [1, с. 245].

Общие вопросы выявления преступлений оперативным путем достаточно подробно

разработаны в научной и учебной литературе, в частности Э.И. Бордиловским, С.С. Галаховым, С.А. Смирновым, В.М. Аتماжитовым, А.А. Фальченко, С.Е. Матвеевым, В.В. Антоновым и другими авторами [2; 3; 4; 5], что, по нашему мнению, дает основание не сосредотачиваться и не углубляться в данном направлении, а остановиться на исследовании особенностей взаимодействия подразделений ЭБиПК с субъектами внутреннего и внешнего взаимодействия на этапе выявления преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд.

Для получения полного представления о текущем состоянии взаимодействия рассматриваемых субъектов, оценки его эффективности и определения перспектив развития прежде всего следует обратить внимание на понятие «взаимодействие». Под внутренним и внешним взаимодействием подразделений ЭБиПК, в широком смысле, понимается, на наш взгляд, согласование, взаимовлияние и приоритетно-ориентированность их усилий (действий) в ходе совместного решения как общих, так и частных задач противодействия преступлениям коррупционной направленности,

совершаемых в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд. Без оперативного взаимодействия рассматриваемых субъектов должностными лицами и гражданами невозможно полное, объективное и всестороннее разрешение поставленных перед ними задач.

С целью активизации работы по декриминализации сферы закупок МВД России ежегодно определяет в качестве одного из приоритетных направлений деятельности выявление преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд.

Некоторыми задачами данного направления деятельности являются:

- организация информационного взаимодействия с иными оперативными подразделениями органов внутренних дел, Федеральной службой безопасности России (далее – ФСБ России), органами прокуратуры, следственными подразделениями, Федеральной антимонопольной службой России (далее – ФАС России), Федеральной налоговой службой (далее – ФНС России), Федеральной службой по финансовому мониторингу (далее – Росфинмониторинг) в форме рабочих встреч, совместных оперативных совещаний в целях определения порядка обмена информацией, разрешения имеющихся проблем в реализации возложенных полномочий;

- использование возможностей автоматизированных информационных систем и баз данных иных правоохранительных и контрольно-надзорных органов: доступ к финансовым документам и операциям по счетам участников сферы закупок и иной имеющейся в их распоряжении информации, представляющей оперативный интерес.

Таким образом, в процессе выявления преступлений рассматриваемой категории особое значение имеет организация взаимодействия подразделений ЭБиПК как внутри системы МВД России, так и за ее пределами с иными правоохранительными и контрольно-надзорными органами государственной власти. В этой связи рассматриваемые субъекты условно можно разделить на две категории:

- субъекты внутреннего взаимодействия;
- субъекты внешнего взаимодействия.

Так, к субъектам внутреннего взаимодействия с подразделениями ЭБиПК можно отнести: ГУЭБиПК МВД России, подразделения ЭБиПК других регионов, подразделения уго-

ловного розыска, следственные подразделения органов внутренних дел, а также специальные оперативные подразделения органов внутренних дел, осуществляющие свою деятельность негласно.

К субъектам внешнего взаимодействия, по нашему мнению, относятся ФСБ России, органы прокуратуры, подразделения Следственного комитета России, ФАС России, ФНС России, Росфинмониторинг, Росреестр, интернет-провайдеры и кредитные учреждения. Это далеко не исчерпывающий перечень возможных субъектов как внутреннего, так и внешнего взаимодействия, располагающих силами, средствами и сведениями, которые могут содержать оперативно значимую информацию и могут быть использованы в рассматриваемой сфере.

Проведенное нами анкетирование сотрудников подразделений ЭБиПК показало, что основными субъектами внутреннего взаимодействия на этапе выявления рассматриваемых преступлений, являются:

- ГУЭБиПК МВД России (15,8 %);
- подразделения ЭБиПК других регионов (15,8 %);
- подразделения уголовного розыска (5,3 %);
- специальные оперативные подразделения органов внутренних дел, осуществляющие свою деятельность негласно (57,9 %);
- следственные подразделения органов внутренних дел (5,3 %).

Субъектами внешнего взаимодействия подразделений ЭБиПК выступают:

- ФСБ России (78,9 %);
- органы прокуратуры (36,8 %);
- подразделения Следственного комитета (26,3 %);
- ФАС России (36,8 %);
- ФНС России (26,3 %);
- Росфинмониторинг (31,6 %);
- Росреестр (21,1 %);
- интернет-провайдеры (21,1 %);
- кредитные учреждения (21,1 %).

Анализируя представленные результаты анкетирования, можно сделать вывод, что при внутрисубъектном взаимодействии подразделения ЭБиПК чаще всего получают оперативно значимые сведения, коммуницируя с оперативными подразделениями органов внутренних дел, осуществляющими свою деятельность негласно. При внешнем взаимодействии респонденты также отдали свое предпочтение оперативному ведомству – ФСБ России.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

На наш взгляд, это оправданно, так как именно инструментарий названных служб и ведомств позволяет наиболее эффективно установить коррупционный преступный умысел на всех стадиях закупочной деятельности, который в повседневной жизни скрыт или хорошо замаскирован от граждан. В распоряжении указанных оперативных подразделений находятся информационные базы данных, учеты (криминалистические, криминологические), картотеки, автоматизированные поисковые системы. Данное взаимодействие является достаточно сбалансированным, информативным и, как результат, положительно влияющим на рассматриваемую конъюнктуру противодействия преступлениям коррупционной направленности, совершаемым в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд.

Изучение научной литературы и представленные результаты анкетирования позволяют выделить актуальную проблему, которая заключается в том, что оперативные подразделения ЭБиПК не ведут целенаправленную оперативную работу по полноценному, тесному и динамическому взаимодействию с внешними субъектами, в полномочия которых не входит осуществление оперативно-розыскной деятельности. Одной из главных причин этого является несоответствие предметов деятельности выше-названных внешних субъектов взаимодействия целям и задачам подразделений ЭБиПК.

В оперативно-розыскной науке авторами приводятся разного рода классификации или системы взаимодействия по различным основаниям и признакам [6, с. 75], но, наш взгляд, представленная нами классификация субъектов взаимодействия по такому критерию, как «заинтересованность в оперативно-розыскной работе», определенно разграничивает цели, задачи, полномочия и компетенции:

1) службы, напрямую «заинтересованные» в оперативно-розыскной работе по выявлению преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд (ГУЭБиПК МВД России, подразделения ЭБиПК других регионов, подразделения уголовного розыска, специальные оперативные подразделения органов внутренних дел, осуществляющие свою деятельность негласно, следственные подразделения органов внутренних дел, ФСБ России, органы прокуратуры, подразделения Следственного комитета и Росфинмониторинг). Ука-

занные службы правоохранительного звена в основном ориентированы на выявление и раскрытие преступлений рассматриваемого вида и имеют четкие, организационные, нормативные и структурированные модели взаимодействия.

2) службы, напрямую «не заинтересованные» в оперативно-розыскной работе по выявлению преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд.

Во вторую группу субъектов целесообразнее отнести ФАС России, ФНС России, Росреестр, интернет-провайдеров и кредитные учреждения. Их основные функции: контроль за соблюдением законодательства о налогах и сборах, правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в бюджет налогов и сборов; организация и контроль свободной конкуренции между участниками закупок; решение задач по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним; открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц; обеспечение технической составляющей системы, для устойчивой работы сети Интернет. Как правило, деятельность по привлечению к уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности в сфере закупок не входит в круг полномочий субъектов второй группы. А.Я. Казаков считает, что взаимодействие между правоохранительными органами и контролирующими органами одностороннее и фактически не ориентировано на выявление преступлений, что свидетельствует о назревшей необходимости совершенствования взаимодействия органов государственного контроля (надзора) с правоохранительными органами по обмену информацией о совершенных правонарушениях с признаками преступлений [7, с. 27].

По нашему мнению, выделенное уязвимое место (отсутствие приоритетно-ориентированного подхода по обмену информацией о совершенных правонарушениях с признаками преступлений), несомненно, негативно отражается на коммуникации подразделений ЭБиПК со службами, напрямую «не заинтересованными» в оперативно-розыскной работе.

Сформулированную проблему, на наш взгляд, можно разрешить двумя способами. В рамках рассмотрения первого способа следует представить позицию. В.К. Бабаева, который объективно отметил, что эффективность

взаимодействия субъектов во многом зависит от правового регулирования, осуществляемого при помощи права и иных юридических средств воздействия на общественные отношения [8, с. 155]. Согласившись с мнением автора, отметим, что первый способ имеет исключительно нормативную направленность и предполагает создание на уровне Правительства Российской Федерации межведомственного нормативного правового документа, сводящего к минимуму субъективные факторы и предупреждающего появление таких ситуаций, когда эффективность совместной работы напрямую зависит от личной заинтересованности должностного лица одного из ведомств в закупочной деятельности. Конструкция такого межведомственного нормативного правового документа должна отражать исчерпывающий перечень государственных органов, аккумулирующих информацию обо всех участниках закупок, прозрачность и доступность алгоритмов взаимодействия, ответственность сторон, виды и способы направляемой информации, документов и т. д. Предложенный правовой механизм послужит всем субъектам взаимодействия ориентирующим компонентом и оптимизирует рассматриваемую деятельность в будущем.

Обращаясь ко второму способу, следует отметить, что он сможет позволить оперативным подразделениям ЭБиПК эффективнее адаптироваться к уже существующим правовым механизмам деятельности с указанными субъектами. Последовательное взаимодействие оперативных подразделений с использованием информационных ресурсов, цифровых платформ и баз данных, находящихся в ведении внешних субъектов, окажет дополнительную помощь сотрудникам ЭБиПК в поиске и анализе оперативной информации, а также использовании в дальнейшем полученных результатов в рамках предварительного расследования и судебного разбирательства. С учетом ограниченного объема публикации остановимся только на рассмотрении проблем взаимодействия подразделений ЭБиПК с ФАС России, ФНС России и кредитными учреждениями.

Так, в рамках поиска источников информации одним из ключевых звеньев являются сведения, получаемые подразделениями ЭБиПК в ФАС России. Указанный орган в сво-

ей повседневной профессионально-служебной деятельности осуществляет контроль за всеми закупками органов государственной власти и борется с картелизацией экономики, применяя различные методики и расчеты. Отметим, что антиконкурентные соглашения на торгах являются одним из главных коррупционных проявлений в закупочной деятельности. В подтверждении указанного суждения следует процитировать начальника управления по борьбе с картелями ФАС России А.П. Тенишева: *«Свыше 80 % картелей – это сговоры на торгах, и во многих случаях картель там невозможен без «покровительства» заказчика либо организатора торгов, а картельная сверхприбыль является той самой питательной почвой для коррупции»*¹. В этой связи в целях борьбы с картелями и коррупцией в них ФАС России разработал и внедрил в свою деятельность новейший цифровой инструментарий, который, бесспорно, является научно-техническим прорывом в организации закупочной деятельности. Так, с 2019 г. введена в эксплуатацию параметрическая система с элементами искусственного интеллекта под названием «Большой цифровой кот». Данная программа включает сервис скрининговый «Антикартель», который в онлайн-режиме выявляет признаки заключения антиконкурентных соглашений на торгах, благодаря автоматизированному анализу больших данных. На данный момент сервис включает три самостоятельных модуля, каждый из которых решает свои задачи. При этом они полностью интегрированы друг с другом, что позволяет проводить комплексный анализ получаемых сведений.

Первый модуль предназначен для анализа «больших данных», которые содержатся в Единой информационной системе в сфере закупок, с целью выявления подозрительной активности компаний, участвующих в торгах. В нем используются определенные поведенческие паттерны, сигнализирующие о возможных признаках картельных соглашений. Например, паттерны, позволяющие устанавливать признаки широко известной схемы «таран», и др.

Предназначение второго модуля – поиск связей между хозяйствующими субъектами. Он необходим для выявления корпоративных отношений между компаниями с целью обнаружения

¹ Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы России // Картели – Питательная почва для коррупции. URL: <https://fas.gov.ru/news/24545> (дата обращения: 16.01.2023).

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

признаков соглашения, ограничивающего конкуренцию. Достаточно указать номер налогоплательщика в специальном поле, и система автоматически найдет корпоративные связи указанной компании, включая ретроспективные (прошлые) связи.

Третий модуль – аналитический. Он позволяет на основе статистических данных изучать торги, визуализировать выкладки по ним с разбивкой по заказчикам или поставщикам и выявлять подозрительную закупочную деятельность. Полномочиями модуля скринингового сервиса является сбор и оцифровывание информации, непосредственно обязанности по составлению выводов предоставлены сотрудникам ФАС России на основе анализа всех собранных сведений. Исследуя особенности технических характеристик представленного программного комплекса «Большой цифровой кот», оперативные подразделения ЭБиПК в рамках взаимодействия с ФАС России, при работе с указанными сведениями, упростят работу в следующих направлениях:

- 1) ускорение процесса анализа информации по муниципальным, государственным закупкам и отдельным видам юридических лиц;
- 2) улучшение предварительного анализа обоснованности формирования начальной (максимальной) цены контракта;
- 3) детализация анализа аффилированности между хозяйствующими субъектами, а также выстраивания связей между ними;
- 4) получение актуальных выписок из ЕГРЮЛ и ЕГРИП, подписанных ЭЦП (цифровой аналог личной подписи от руки). Информация, содержащаяся в данном программном комплексе, послужит «хорошим подспорьем» при выявлении преступлений рассматриваемого вида.

Не менее важное место в цепочке взаимодействия занимает ФНС России. Данный орган располагает сведениями о налогоплательщиках, информацией о представленной налоговой (бухгалтерской) отчетности и о результатах проведенных проверок (выездных, камеральных) при осуществлении налогового контроля, сведениями о выявленных фактах нарушения налогового законодательства и др. В связи с этим эффективное взаимодействие подразделений ЭБиПК с налоговыми органами является основой результативной работы по выявлению преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере заку-

пок для государственных и муниципальных нужд.

Самым распространенным способом взаимодействия между рассматриваемыми субъектами является мотивировочный запрос, направленный подразделением ЭБиПК в адрес налогового органа. Данное оперативно-розыскное мероприятие, именуемое «Наведение справок», является не всегда эффективным применительно к рассматриваемым преступлениям, так как запрашиваемые сведения чаще всего стандартного формата, по результатам которого затруднительно установить преступную связь предприятий или выявить фирму-однодневку, через которую обналичивались бюджетные средства. В этой связи следует рассмотреть более досконально цифровые платформы, которыми пользуются ежедневно налоговые органы. Так, с 2013 г. в ФНС России работает автоматическая система контроля за возмещением налога на добавленную стоимость из бюджета (далее – АСК НДС).

Принцип работы данной системы заключается в том, что за очень короткое время отслеживается путь товара и расчетов от производителя к конечному потребителю через цепочку продавцов-посредников. Данная система год за годом прогрессирует. АСК НДС, АСК НДС-2 и АСК НДС-3 – условные обозначения этапов развития этой информационной системы. От этапа к этапу объемы перерабатываемой информации наращиваются, результаты становятся более точными. АСК НДС-3 является на сегодняшний день усовершенствованной информационной базой данных. На данный момент ее главными функциями можно считать показ порядка расчетов, выявление реальности хозяйственной деятельности участников сделки и установление признаков взаимозависимости контрагентов. Кроме того, в настоящее время к системе сбора и обработки информации присоединяются банковские учреждения. Это означает, что кроме книг покупок и книг продаж в онлайн-режиме отображаются и движения денежных средств по счету организации.

Алгоритм так называемого интеллектуального поиска дает возможность автоматически выстраивать цепочки движения денежных средств между юридическими и физическими лицами и в онлайн-режиме данную информацию анализировать. Указанные сведения, запрошенные в налоговом органе, будут иметь

значение для подразделений ЭБиПК при выявлении преступлений коррупционной направленности в сфере закупок. При помощи данного программного комплекса выясняется не только общая финансово-хозяйственная деятельность предприятия, заключающаяся в неуплате налога на добавленную стоимость, но также устанавливается деятельность налогоплательщиков фирм-однодневок. С помощью этих фирм оформляются фиктивные документы на приобретение товаров (работ, услуг), в рамках исполнения государственных контрактов для увеличения затратной части, связанной с извлечением полученных доходов, и соответственно вывода денежных средств из финансового оборота хозяйствующих субъектов. Впоследствии выведенные бюджетные средства могут быть использованы в виде «откатов» для отдельных заинтересованных лиц, которыми, как правило, выступают должностные лица – организаторы закупок или иные лица, причастные к совершению коррупционных преступлений в сфере закупок.

Следующим субъектом внешнего взаимодействия выступают кредитные учреждения. Данное сотрудничество является важным механизмом в выявлении преступлений рассматриваемого вида. Однако существуют и в этой взаимосвязи проблемы. Одна из них выражается в «медлительности» и «несвоевременности» предоставления сведений (банковских выписок по расчетным счетам предприятий, предоставления фото- и видеоматериалов с банкоматов и т. д.) из кредитных учреждений в адрес подразделений ЭБиПК. Особенно остро стоит вопрос при ограниченных сроках проверки оперативной информации, в частности по коррупционным преступлениям в сфере закупок. В этой связи совершенно недавно глава МВД России В.А. Колокольцев в открытом письме обратился к председателю Центрального банка России (далее – ЦБ) Э.С. Набиуллиной о возможном расширении взаимодействия. Был обсужден вопрос о предоставлении сотрудникам полиции доступа к банковской тайне, аргументируя это тем, что правоохранительные органы получают необходимую информацию слишком медленно, из-за чего из банков выводятся денежные средства, что подрывает экономическую безопасность

страны. Однако представители ЦБ считают, что такой необходимости в настоящее время нет и вопросы эффективности привлечения виновных к ответственности и возвращения активов лежат не только в плоскости межведомственного взаимодействия².

Несмотря на позицию ЦБ, на наш взгляд, в рамках разрешения указанного вопроса, связанного с предоставлением кредитными организациями (банками и т. д.) необходимых сведений, охраняемых банковской тайной, предлагается внесение изменения в ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» – право сотрудникам, уполномоченным осуществлять оперативно-розыскную деятельность, при выполнении ими функций по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, на получение необходимой информации без судебного решения на основании мотивированного запроса. Данные нормативные правовые изменения позволят подразделениям ЭБиПК минимизировать временные затраты на истребование интересующей информации, которые напрямую влияют на своевременность выявления преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд.

Результаты проведенного исследования по организации взаимодействия подразделений ЭБиПК с внутренними и внешними субъектами на этапе выявления преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере закупок для государственных нужд, позволили:

– выявить совокупность факторов правового, организационного характера, оказывающих позитивное и негативное влияние на взаимодействие субъектов на этапе выявления преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд;

– определить субъектов внутреннего и внешнего взаимодействия, непосредственно участвующих в получении информации о фактах хищения бюджетных средств в сфере закупок и лицах, к ним причастных;

– классифицировать субъектов взаимодействия на основании их предназначения и наличия у них цифровых информационных ресурсов и тем самым упорядочить работу по

² Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/finances/29/04/2020/5ea90c8b9a79478319774955> (дата обращения: 17.01.2023).

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

выбору получения необходимой оперативно значимой информации в сфере закупок.

В условиях цифровизации экономики подразделения ЭБиПК, осуществляющие противодействие преступлениям указанной категории, обязаны использовать информационные

ресурсы субъектов внешнего взаимодействия для повышения эффективности выявления преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд.

Список источников

1. Еллинек Г. Право современного государства. Общее учение о государстве // Конституционное право. Общ. часть: учеб. пособие. Ч. 2. Хрестоматия. Конституционно-правовая мысль XIX – начала XX века / сост. Н.А. Богданова. М., 1996.
2. Бордиловский Э.И., Галахов С.С., Смирнов С.А. Выявление лиц и фактов, представляющих оперативный интерес, и их оперативно-розыскная профилактика: учеб. пособие. М., 1992. 40 с.
3. Фальченко А.А. Организация и тактика деятельности аппаратов по борьбе с экономическими преступлениями: учебник. М., 2000. С. 85.
4. Матвеев С.Е. Оперативный поиск в криминальной среде: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 220 с.
5. Антонов В.В. Оперативно-розыскные меры по борьбе с экономическими преступлениями в аграрном секторе экономики (по материалам подразделений БЭП ОВД): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 197 с.
6. Ларичев В.Д. Теоретико-прикладные проблемы деятельности подразделений экономической безопасности органов внутренних дел Российской Федерации: монография / В.Д. Ларичев, В.Ф. Щербakov, О.Б. Исаров. ВНИИ МВД России. 2007.
7. Казаков А.Я. Обстоятельства, способствующие совершению преступлений в государственных внебюджетных фондах // Российский следователь. 2012. № 16.
8. Бабаев В.К. Экономика. Право. Финансы. Термины и определения / В. К. Бабаев, А.П. Буренков, В.Е. Гуцев, А.П. Кузнецов. М., 1995.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марсаков Илья Сергеевич, адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров. Академия управления МВД России. 125171, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, корп. 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marsakov Ilya Sergeevich, adjunct of the Faculty of Training of Research and Academic Staff. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, bldg. 1, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125171, Russian Federation.

References

1. Jellinek G. The law of the modern state. The general doctrine of the state // Constitutional law. General. part: studies. stipend. Tsch. 2. A textbook. Constitutional and legal thought of the XIX – early XX century / comp. N.A. Bogdanov. M., 1996.
2. Bordilovsky E.I., Galakhov S.S., Smirnov S.A. Identification of persons and facts of operational interest and their operational-search prevention: studies. stipend. Moscow, 1992. 40 p.
3. Falchenko A.A. The organization and tactics of the activity of the apparatus for combating economic crimes: textbook. Moscow, 2000. p. 85.
4. Matveev S.E. Operational search in the criminal environment: dis. ... cand. jurid. sciences'. M., 1998. 220 p.
5. Antonov V.V. Operational investigative measures to combat economic crimes in the agricultural sector of the economy (based on the materials of the divisions of the BEP of the Department of Internal Affairs): dis. ... cand. jurid. sciences'. M., 2003. 197 p.
6. Larichev V.D. Theoretical and applied problems of the activity of economic security units of the internal affairs bodies of the Russian Federation: monograph / V.D. Larichev, V.F. Shcherbakov, O.B. Isarov. Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2007.
7. Kazakov A.Ya. Circumstances contributing to the commission of crimes in state extra-budgetary funds // Russian investigator. 2012. № 16.
8. Babaev V.K. Economy. Right. Finance. Terms and definitions / V.To. Babaev, A.P. Burenkov, V.E. Gushchev, A.P. Kuznetsov. M., 1995.

И.Г. ФИХТЕ О ДИАЛЕКТИКЕ СВОБОДЫ И НЕОБХОДИМОСТИ В ЗАМКНУТОМ ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Геращенко Игорь Германович

Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Волгоград, Российская Федерация, gerashhigor@rambler.ru

Геращенко Алена Игоревна

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация, alena_gerashchenko@mail.ru

Введение: актуальной в настоящее время является проблема соотношения открытого и замкнутого государства, диалектика свободы и необходимости в замкнутом правовом государстве. Философско-правовая теория И.Г. Фихте представляет собой один из вариантов решения данной проблемы. Рассмотрение этой теории в контексте вызовов современного глобализма позволит более эффективно вести поиски оптимальной концепции правового государства в условиях многополярного мира.

Материалы и методы: в процессе написания статьи использовался исторический метод, сравнительно-правовой метод, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, метод исторической реконструкции.

Результаты исследования: И.Г. Фихте выделяет следующие особенности замкнутого правового государства. Прежде всего, свобода граждан ограничена не только свободой остальных членов общества, но и законами государства, которые отдают приоритет защите рода, а не отдельной личности. Фихте выделяет недостатки открытого государства, которые являются результатом использования сильными государствами международной торговли и других экономических и политических механизмов с целью подчинения себе слабых государств. Единственным выходом в данном случае становится создание закрытого государства. Важную роль играет также справедливое распределение имеющихся материальных ресурсов между всеми членами общества. Фихте рассматривает различные исторические типы государств, начиная от деспотии и заканчивая равенством прав всех граждан. Особое внимание он уделяет тотальному или абсолютному государству, которое, по его мнению, является высшим типом государственности. Существенную роль в замкнутом правовом государстве играет религия, и высшей формой здесь выступает христианство.

Выводы и заключения: в результате проведенного исследования можно сделать вывод, что концепция И.Г. Фихте является одним из интересных решений проблемы соотношения замкнутого и открытого государства в истории философско-правовой мысли. Это, в частности, касается современной ситуации в мире, где наблюдается противостояние антиглобализма и глобализма, и все более востребованной становится концепция многополярного мира, состоящего из самостоятельных национальных государств.

Ключевые слова: замкнутое государство, открытое государство, свобода, право, правящее сословие, цели государства.

Для цитирования: Геращенко И. Г., Геращенко А. И. И. Г. Фихте о диалектике свободы и необходимости в замкнутом правовом государстве / И. Г. Геращенко, А. И. Геращенко // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1 (104). – С. 111–117.

Original paper

J.G. FICHTE ON THE DIALECTIC OF FREEDOM AND NECESSITY IN A CLOSED LEGAL STATE

Gerashchenko Igor Germanovich

Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Gerashchenko Alyona Igorevna

Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические науки)

Introduction: the problem of the correlation between an open and a closed state, the dialectic of freedom and the need for a closed rule of law state is currently relevant. Philosophical and legal theory of J.G. Fichte is one of the solutions to this problem. Consideration of this theory in the context of the challenges of modern globalism will make it possible to more effectively search for the optimal concept of the rule of law in a multipolar world.

Materials and methods: in the process of writing the article, the historical method, the comparative legal method, methods of analysis and synthesis, induction and deduction, the method of historical reconstruction were used.

Results of the research: J.G. Fichte highlights the following features of a closed rule of law state. First of all, the freedom of citizens is limited not only by the freedom of other members of society, but also by the laws of the state, which give priority to the protection of the genus, not the individual. Fichte highlights the shortcomings of the open state, which are the result of the use of international trade and other economic and political mechanisms by strong states in order to subjugate weak states. The only way out in this case is the creation of a closed state. An important role is also played by the equitable distribution of available material resources among all members of society. Fichte examines various historical types of states, ranging from despotism to equality of rights of all citizens. He pays special attention to the total or absolute state, which, in his opinion, is the highest type of statehood. Religion plays an essential role in a closed rule-of-law state, and Christianity is the highest form here.

Conclusions: as a result of the conducted research, it can be concluded that the concept of J.G. Fichte is one of the interesting solutions to the problem of the relationship between a closed and an open state in the history of philosophical and legal thought. This, in particular, concerns the current situation in the world, where there is a confrontation between anti-globalism and globalism, and the concept of a multipolar world consisting of independent nation-states is becoming more and more popular.

Keywords: closed state, open state, freedom, law, ruling class, goals of the state.

For citation: Gerashchenko I. G., Gerashchenko A. I. J. G. Fichte o dialektike svobody i neobkhodimosti v zamknutom pravovom gosudarstve [J.G. Fichte on the dialectic of freedom and necessity in a closed legal state]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 2023. № 1 (104). P. 111–117.

В настоящее время большую актуальность приобретает проблема соотношения открытого и замкнутого государства и роли правовой составляющей в этом соотношении. Данная актуальность объясняется вызовами глобализма, имеющего своей целью устранение национальных особенностей государств в экономике, политике, праве и подчинение их принципам либерализма. В этой связи значительный интерес представляет философско-правовая концепция И.Г. Фихте, в которой показана диалектика свободы и необходимости в замкнутом правовом государстве и которая является дальнейшим развитием правовой теории И. Канта [1].

В трактате «Замкнутое торговое государство» Фихте указывал, что правовое государство представляет собой замкнутую совокупность множества людей, подчиненных одним и тем же законам и одной и той же высшей принудительной власти. Данная совокупность людей должна быть ограничена взаимной торговлей друг с другом, и в этом смысле формируется замкнутое торговое государство [2, с. 227].

Немецкий философ исходил из положения, что неограниченная свобода есть полное отсутствие свободы. Взаимное столкновение свободных сил между индивидами приводит к возникновению договора между ними. На основе этого договора появляется собственность, государство и право. Государство изначально предполагает объединение определенного количества людей в замкнутое целое, в общность (Allheit) [2, с. 238]. Таким образом, свободная деятельность индивидов является источником борьбы сил и основой собственности. При этом задачей государства является равное распределение имеющихся благ, которые возникли в результате свободной деятельности граждан.

Фихте показывает недостатки открытого государства, концепция которого станет особенно популярной в XX в. [3]. К этим недостаткам немецкий философ относит: постоянные торговые войны между государствами; более сильные государства пытаются жить за счет более слабых, используя международную торговлю; слабые государства попадают в экономическую зависимость от более сильных;

используются противоправные методы рыночной торговли (контрабанда, подкуп и т. п.); развивается политический авантюризм; торговая война перерастает в военные столкновения между государствами. Выход из этой ситуации Фихте видит в создании закрытого торгового государства, ориентированного на собственные ресурсы и использующего механизмы государственного регулирования рынка.

Торговлей с зарубежными государствами занимается правительство на тех же самых основаниях, на которых оно решает вопросы о войне, мире и политических союзах. Благополучие нации должно распространяться на всех граждан приблизительно в одинаковой степени. Это благополучие заключается в том, чтобы большинство граждан имело возможность при наименее тяжелом и длительном труде обеспечить себе наиболее человеческое существование. При этом чрезмерное благополучие отдельных индивидов должно быть ограничено правовым образом, т. к. оно подрывает благополучие всех остальных людей.

Налоги не должны быть большими, поэтому количество государственных чиновников следует ограничить. Необходимо заранее установить, какую заработную плату должен получать каждый чиновник в зависимости от занимаемой должности. Его вознаграждение не должно сильно отличаться от таковых в других отраслях хозяйства. Разумное потребление должно распространяться и на высших чиновников, в таком случае они будут служить образцом для своих сограждан. Исходя из этого, возможно будет установить вполне терпимое налогообложение для граждан.

По мысли Фихте, к идее замкнутого правового и торгового государства постепенно придут все нации, т. к., по его мнению, это единственный способ избежать конфликтов и войн на международном уровне. Вместе с тем немецкий философ выделяет несколько эпох в истории развития человечества:

1) эпоха безусловного господства разума через посредство инстинкта (это начало человеческого рода, когда зарождающийся разум первобытного человека проявляет себя преимущественно через инстинктивную деятельность);

2) эпоха, когда разумный инстинкт превращается во внешний принудительный автори-

тет (в обществе начинают преобладать различные авторитарные режимы, что касается не только политической и военной власти, но также религии и морали);

3) эпоха освобождения (когда люди стремятся освободиться от любого авторитарного давления, в том числе и от разума вообще, что проявляется в безразличии ко всякой истине);

4) эпоха разумной науки (время, когда научные исследования приобретают в обществе большой почет, и многие люди ставят себе целью поиск истины);

5) эпоха разумного искусства (завершение эволюции человеческого общества, когда оно строится на принципах разумности, т. е. происходит возврат к началу человеческой истории, но на более высоком уровне) [4, с. 370].

По мнению И.Г. Фихте, современная ему эпоха является третьей по счету, т. е. эпохой освобождения от авторитарного давления в различных его формах. При этом в обществе наблюдается расцвет индивидуализма, сопровождаемый безразличием к поиску истины. С позиций нынешней терминологии можно было бы сказать, что это потребительское общество, где люди заняты не столько интеллектуальным развитием, сколько разносторонним потреблением, в том числе и духовным.

Современная эпоха характеризуется следующими особенностями: наличие «пустой» свободы, переходящей во вседозволенность; расцвет односторонней индивидуальности, в которой отсутствует органическое целое; преобладает здравый рассудок в ущерб научному разуму; отрицается априорное познание у человека и признается только эмпирическое познание; прагматизм становится основным мировоззрением, что находит свое отражение во всех сферах жизнедеятельности, включая религию и мораль [4, с. 376–389].

Фихте писал, что в современную эпоху живут самые различные люди, принадлежащие по своему духовному складу ко всем перечисленным эпохам. И даже более того, в любом человеке присутствуют элементы каждой эпохи, но в разной пропорции. Это вполне нормальное положение вещей, поскольку все существующее необходимо, и в этом состоит принцип примирения с действительностью. Тем не менее есть типичные и нетипичные люди эпохи. Типичные представители хорошо вписываются в современное им

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические науки)

общество, а нетипичные – либо отстают от своей эпохи, либо опережают ее в собственном развитии [5, с. 160].

Государство Фихте рассматривает исторически и отмечает, что оно уменьшает свободу граждан, однако здесь одна противоположность переходит в другую: свобода трансформируется в необходимость, поскольку возникновение государства становится необходимым этапом в развитии любого общества. Абсолютное в своей идее государство представляет собой искусственное образование в том смысле, что оно является произведением искусства. Конечную цель государства Фихте видит в направлении всех индивидуальных сил на цель рода [4, с. 504].

Существование государства зависит от того, что силы отдельных личностей призваны служить целям рода. Тем самым государство, заботясь о себе, заботится и обо всем обществе. Отсюда вытекают два следствия: во-первых, государство должно предъявлять одинаковые требования ко всем гражданам, во-вторых, оно должно требовать всех индивидуальных сил. В данном случае Фихте приходит к идее тотального государства, которое он называет абсолютным.

Целью разумного государства является развитие личности. При отсутствии государства в первобытном обществе формирование личности проходило стихийно, поскольку человек находился в полной зависимости от общины и не было необходимости в специальных органах надзора и принуждения. По мере возникновения государства насилие становится необходимым его атрибутом. Государство разума, по мысли Фихте, также не может полностью отказаться от насилия, но его уровень должен постоянно снижаться. Немецкий философ использует здесь диалектику свободного и раба. Чем более свободным становится человек, тем менее он нуждается во внешнем принуждении. В результате этого государственная система наказания становится все более гуманной.

В замкнутом обществе, где состав населения относительно стабилен в результате отсутствия постоянной миграции, устанавливается положение, когда все подчинены всем. При этом равенство права всех, как права, вовсе не есть еще равенство прав, ибо присущие различным индивидам цели могут существенно

различаться по объему [4, с. 511]. Следовательно, в замкнутом правовом государстве равенство права существует, поскольку присутствует взаимозависимость граждан, однако индивидуальные права отличаются, поскольку граждане занимают различное положение в обществе.

Тотальное (абсолютное) государство, как высший тип замкнутого государства, по мнению Фихте, предполагает всеобщее равенство прав и имущественного состояния, что не отрицает наличия сословий. Видов деятельности множество, поэтому сословия сохраняются, однако равенство прав и доходов позволяет максимально увеличить средний класс. Сословия отличаются по профессиональному признаку, а не по уровню состояния или месту в правовой иерархии. Политическая свобода гарантируется всеобщим равенством прав, но ограничивается взаимной зависимостью граждан друг от друга.

Важным вопросом являются принципы управления государством. Цели государства формируются родом, однако на уровне всего общества они могут осознаваться только интуитивно. Поэтому необходимы профессиональные управленцы, которые бы сознательно и рационально формулировали и осуществляли приоритетные цели государства. Фихте выделяет два возможных варианта устройства государственного правления. Первый заключается в том, чтобы все члены общества имели доступ к управлению. В таком случае политическая свобода доступна каждому.

Второй вариант предполагает выделение в государстве правящего сословия, которое профессионально занимается вопросами управления. В этом случае политическая свобода имеется только у данной группы людей. Происходит разделение гражданской и политической свободы в обществе: первая дана всем, а вторая только правящему сословию. Сам Фихте склоняется ко второму варианту, при котором специально обученная группа людей в государстве профессионально занимается вопросами политического руководства [4, с. 516].

Политическая свобода имеется у всех граждан только в том смысле, что они имеют право в различных собраниях публично высказывать собственное мнение о наилучшем устройстве государства, однако у них отсутствуют реальные возможности как-то влиять на

принятие политических решений. Фихте понимал, что профессиональные политики будут в первую очередь заботиться о самосохранении государства и собственного аппарата управления. Но, заботясь о пользе государства, чиновники выполняют важную цель человеческого рода. Идеалом здесь выступает создание единой республики культурных народов.

Цель человеческого рода Фихте видел в такой организации государства, которая позволила бы человеку осуществлять все свои земные намерения без большой затраты времени и сил и иметь еще достаточно досуга для удовлетворения своих духовных потребностей. Государство может содержать большую армию и увеличивать налоги, однако главная его цель, совпадающая с целью человеческого рода, заключается в развитии промышленности и сельского хозяйства, чтобы материальные потребности людей удовлетворялись быстрее, а свободного времени становилось больше.

Решение проблемы свободного времени является важнейшей задачей государства. Увеличение свободного времени в результате развития техники приводит к избытку народных сил. Эти силы, по мысли Фихте, должны направляться на занятия искусством. Под искусством здесь понимается творчество в самом широком смысле слова. При этом главными целями государства не могут быть религия, наука и добродетель [4, с. 527]. Истинная религия должна быть независима от государства, поскольку церковь является самостоятельной организацией внутри государства, помогающей верующим совершенствоваться в своей вере. В этом смысле представители правящего сословия сами могут находиться под влиянием религии и церкви.

Не является главной целью государства и наука. Умозрительная наука не приносит непосредственной пользы обществу, поэтому государство не может содержать большое количество ученых. Во времена Фихте наука еще не стала непосредственной производительной силой, поэтому и рассматривалась в качестве занятия для ограниченной группы интеллектуалов. Вместе с тем Фихте отмечает важную образовательную функцию науки, поскольку политическим деятелем или высшим чиновником не может быть человек, не прошедший школу серьезной науки. Кроме того, прикладная наука уже в XVIII в. показала свою эффек-

тивность в промышленности, сельском хозяйстве и медицине. Сам Фихте высоко ценил статус ученого и полагал, что конечная цель человека состоит в подчинении себе всего неразумного [7, с. 18].

Добродетель также не может рассматриваться в качестве главной цели государства. Оно по самой своей природе в определенной степени противоположно добродетели, т. к. использует силу принуждения. Если бы все граждане были добродетельными, то государство потеряло бы свой характер принудительной власти и стало бы только руководителем и советником свободно проявляющих свою волю людей. Фактически это вело бы к отмиранию государства, однако Фихте не видел перспектив для такого развития. В совершенном государстве добродетель закреплена в законах, но диалектика здесь такова, что правовая система принуждает быть нравственным, в противном случае неизбежно наказание.

Высшей целью государства является искусство, а высшей целью человека – совершенство [8, с. 96]. Искусство наиболее близко к свободному творчеству, оно доставляет человеку духовную радость и является приятным времяпрепровождением. Поскольку с развитием техники свободного времени у людей будет становиться все больше, его необходимо занять полезным видом деятельности. Духовное творчество становится для этого лучшим вариантом. Оно развивает высшие способности личности и не требует больших материальных затрат. Государство в данном случае заботится и о собственном самосохранении, поскольку свободное время может быть направлено на что угодно, в том числе и на противоправную деятельность [4, с. 526].

Фихте рассматривает различные типы государств в их историческом развитии. Первой ступенью здесь является деспотия. Ее особенностью является не жестокость государства по отношению к своим подданным, а отсутствие четкого законодательства и отлучение подвластных народностей от участия в управлении. Подчиненные народы облагаются налогом и предоставляются сами себе в плане обеспечения собственного существования.

Второй ступенью государства является равенство права всех. Это демократический тип правления, который имеет различные варианты. Фихте анализирует устройство

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические науки)

древнеримского государства и находит там не только положительные черты, но и целый ряд недостатков. Именно в Древнем Риме зародилось противостояние аристократии и народа, сохранившееся на всем протяжении европейской государственности. Кроме того, в римском праве была разработана целая система всевозможных средств обхода закона, которая оказалась весьма востребованной в условиях развития рыночной экономики и сохраняет свою актуальность до наших дней.

Особое внимание Фихте уделял роли религии в государстве. Высшей формой религии он считал христианство, а из трех его ветвей отдавал предпочтение протестантизму. Эту идею в дальнейшем развил Г. Гегель, также отдававший приоритет протестантизму в деле усовершенствования прусской монархии, рассматривая государство в качестве действительности нравственной идеи [6, с. 279].

Фихте не использует понятие «религиозная идеология», однако весь ход его рассуждений приводит к мысли о необходимости религиозных идей в деле укрепления государства. Немецкий философ выступал за полную свободу религии от государства и за возвышение ее над ним. Христианство не должно использовать силу государства для усиления своего влияния в обществе, поскольку идея добра в религии не имеет законодательной формы [4, с. 548].

С другой стороны государство нуждается в религиозной поддержке. В этой связи Фихте рассматривает вопрос существования единой религии христианства в различных суверенных государствах. Наличие совокупности замкнутых государств, исповедующих христианство, ставит проблему корректировки поведения церкви в каждом конкретном государстве. Священники вынуждены приспособлять единый христианский канон к потребностям своего государства. Тем самым церковь не может полностью обособиться от государства.

Вместе с тем Фихте продолжает настаивать на полном отделении церкви и государства. В качестве негативного примера он приводит поведение духовенства в Средние века. По его мнению, средневековая церковь не была способна благоразумно руководить властителями, она отняла у них свободу, но не смогла руководить вместо них. В это время церковь занималась распространением христианской

веры и следила за ее чистотой. Вмешательство церкви в политическое управление привело, в конце концов, к краху средневековых государств [4, с. 552].

Фихте называет принципы христианского царства, которое формировалось в Средние века. Первым принципом является первоначальный мир, поскольку между христианами война невозможна. Второй принцип – все люди равны и свободны перед богом. Это не мешает убивать или обращать в рабство нехристиан. Фактически Фихте на примере средневекового христианского царства рассматривает концепцию религиозного глобализма, связанную с распространением единой религии во всем мире. Каждая мировая религия имеет тенденцию к глобальному распространению, и ее ограничением может стать только другая мировая религия.

Фихте полагал, что необходимой тенденцией всякого цивилизованного государства является стремление к расширению собственных границ и включение в свое гражданское единство других народов [4, с. 562]. На пути к такому расширению стоят другие замкнутые государства. Поэтому более цивилизованным является путь мирного завоевания, когда внутреннее усиление государства приводит к добровольному перемещению населения на территорию более благополучного государства. Если государство останавливается в своем развитии, это приводит к потере его самостоятельности: оно первоначально становится придатком более сильного государства, а затем – его провинцией. За каждый политический промах государству предопределено наказание и в конечном итоге – гибель.

Уделяет внимание Фихте и вопросу о взаимном влиянии законодательства и нравов. Отношение между ними носит диалектический характер: изменение нравов оказывает воздействие на законодательство и его видоизменение, а это, в свою очередь, приводит к новому изменению нравов. В уголовном законодательстве действует следующий принцип: чем достовернее неизбежность наказания и чем более эта достоверность влияет на нравы народа, тем мягче и гуманнее могут быть уголовные нормы. Чем мягче становятся нравы народа, тем реже и мягче должны становиться принятые в государстве уголовные наказания [4, с. 580-581].

Подводя итог, следует отметить, что И.Г. Фихте разработал собственную оригинальную концепцию замкнутого правового государства, в которой рассматривается диалектика свободы и ответственности граждан, а также замкнутости и открытости го-

сударства. Несмотря на то, что данная концепция была создана в конце XVIII в., некоторые из ее положений сохраняют свою актуальность и в современных условиях противостояния глобализма и антиглобализма.

Список источников

1. Кант И. Метафизические начала учения о праве. Соч. в 6 т. Т. 4 (2). М., 1965.
2. Фихте И.Г. Замкнутое торговое государство // Сочинения в 2 томах. СПб., 1993. Т. 2.
3. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги // Сочинения в 2 томах. М., 1992. Т. 2.
4. Фихте И.Г. Основные черты современной эпохи // Сочинения в 2 томах. СПб., 1993. Т. 2.
5. Геращенко И.Г., Геращенко А.И. Логическое образование юристов: история и современные трансформации // Право и образование. 2018. № 4.
6. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
7. Фихте И.Г. Несколько лекций о назначении ученого // Сочинения в 2 томах. СПб., 1993. Т. 2.
8. Фихте И.Г. Назначение человека // Сочинения в 2 томах. СПб., 1993. Т. 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Геращенко Игорь Германович, доктор философских наук, профессор кафедры социологии, общей и юридической психологии. Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». 400066, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8.

Геращенко Алена Игоревна, аспирант факультета права. НИУ «Высшая школа экономики». 109028, Российская Федерация, г. Москва, Большой Трехсвятительский переулок, д. 3.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gerashchenko Igor Germanovich, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology, General and Legal Psychology. Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 8, Gagarina str., Volgograd, 400066, Russian Federation.

Gerashchenko Alyona Igorevna, postgraduate student of the Faculty of Law. Higher School of Economics. 3, Bolshoy Trekhsvyatitelskiy Lane, Moscow, 109028, Russian Federation.

References

1. Kant I. Metaphysical principles of the doctrine of law. Op. in 6 vols. Vol. 4 (2). Moscow, 1965.
2. Fichte J.G. A closed trading state // Essays in 2 volumes. St. Petersburg, 1993. Vol. 2.
3. Popper K.R. Open society and its enemies // Essays in 2 volumes. Moscow, 1992. Vol. 2.
4. Fichte J.G. The main features of the modern era // Essays in 2 volumes. St. Petersburg, 1993. Vol. 2.
5. Gerashchenko I.G., Gerashchenko A.I. Logical education of lawyers: history and modern transformations // Law and Education. 2018. № 4.
6. Hegel G.V.F. Philosophy of law. Moscow, 1990.
7. Fichte J.G. Several lectures on the appointment of a scientist // Essays in 2 volumes. St. Petersburg, 1993. Vol. 2.
8. Fichte J.G. The appointment of a person // Essays in 2 volumes. St. Petersburg, 1993. Vol. 2.

**СОЦИАЛЬНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА XXI ВЕКА:
УНИВЕРСАЛЬНОЕ, НАЦИОНАЛЬНОЕ, ОСОБЕННОЕ**

Егорычев Александр Михайлович

Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация, chelovekcap@mail.ru

Мардахаев Лев Владимирович

Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация, mantissa-m@mail.ru

Варламова Елена Юрьевна

Московский авиационный институт (национально-исследовательский университет), Москва, Российская Федерация, ev302@mail.ru

***Введение:** социальный мир человека – категория и понятие, которое по своей глубинной сущности выступает важной методологической основой, на которой происходит разработка разных по направленности исследований социогуманитарных научных дисциплин (философии, социологии, политологии, психологии, антропологии, социальной педагогики, истории, культурологии, др.). Статья посвящена вопросам, касающимся сущности социального мира человека и национальному своеобразию, проявляющемуся в содержании данного феномена, сквозь призму истории и в современности. Целью подготовки статьи является выявление сущности и специфики современного состояния социального мира и специфики его функционирования в социуме, с детализацией особенностей русского мира; выявление перспективных направлений его развития в условиях функционирования современного общества.*

***Материалы и методы:** данная научная работа имеет научно-аналитический характер. В своем построении она опирается на научные подходы: комплексный (объект – социальный мир человека, рассмотрен в совокупности всевозможных дефиниций, выражающих его суть и сущность); системный (объект изучен во взаимодействии всех составляющих окружающего мира); интегративный (объект проанализирован в органичном единстве (целостности) явлений, процессов, социальных институтов).*

***Результаты исследования:** рассмотрены различные подходы к пониманию и определению феномена социального мира человека; выявлены и проанализированы основы социального мира, определяющие особенность и уникальность его функционирования и развития; раскрыта важность социального мира для человека XXI в.; обоснована роль социального выражения личности, направленности и перспектив развития; уделено внимание взглядам и позициям российских мыслителей и ученых, исследовавших сущность и развитие русского мира.*

***Выводы и заключения:** авторы пришли к убеждению о том, что социальный русский мир, исследующийся в философии, имеет свою уникальную историю рождения и становления, что предопределяет особые пути будущего развития социального русского мира и перспективы его дальнейшего научного изучения.*

***Ключевые слова:** социальный мир, человек, социальное пространство, социокультурный мир, русский мир, мировое сообщество.*

***Для цитирования:** Егорычев А. М., Мардахаев Л. В., Варламова Е. Ю. Социальный мир человека XXI века: универсальное, национальное, особенное / А. М. Егорычев, Л. В. Мардахаев, Е. Ю. Варламова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1(104). – С. 118–124.*

THE XXI CENTURY HUMAN SOCIAL WORLD: UNIVERSAL, NATIONAL, PECULIAR

Egorychev Alexander Mikhailovich

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

Mardakhaev Lev Vladimirovich

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

Varlamova Elena Yurievna

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation

Introduction: human social world is a category and notion, which by its deep essence acts as an important methodological basis, on which the development of the most differently oriented research of socio-humanitarian scientific disciplines (philosophy, sociology, political science, psychology, anthropology, social pedagogy, history, cultural studies, etc.) takes place. The article is devoted to the issues concerning the essence of human social world and national originality, manifested in the content of this phenomenon, through the prism of history and in modern times. The purpose of preparing the article is to reveal the essence of the modern state of the social world and the specifics of its functioning in the society, detailing the features of the Russian world; to reveal the perspective directions of its development in the conditions of functioning of the modern society.

Materials and methods: this scientific work is of a scientific and analytical nature. In its construction, it is based on scientific approaches: complex (the object is the social world of a person, considered in the totality of all possible definitions expressing its essence and essence); systemic (the object is studied in the interaction of all components of the surrounding world); integrative (the object is analyzed in the organic unity (integrity) of phenomena, processes, social institutions).

Results of the research: various approaches to understanding and defining the phenomenon of the human social world are considered; the foundations of the social world that determine the peculiarity and uniqueness of its functioning and development are identified and analyzed; the importance of the social world for a person of the XXI century is revealed; the role of social expression of personality, orientation and prospects of development is substantiated; attention is paid to the views and positions of Russian thinkers and scientists, who have studied the essence and development of the Russian world.

Conclusions: the authors came to the conclusion that the social Russian world, studied in philosophy, has its own unique history of birth and formation, which predetermines special ways for the future development of the social Russian world and the prospects for its further scientific study.

Keywords: social world, human, social space, socio-cultural world, Russian world, world community.

For citation: Egorychev A. M., Mardakhaev L. V., Varlamova E. Yu. Sotsial'nyy mir cheloveka XXI veka: universal'noye, natsional'noye, osobennoye [The XXI century human social world: universal, national, peculiar]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 2023. № 1 (104). P. 118–124.

Социальный мир человека – это не просто социальное объединение людей на основе какой-либо цели и деятельности, это достаточно сложная вневременная социально-историческая и социокультурная конструкция. Необходимо отметить, что существуют подходы, рассматривающие социальный мир как обычную повседневную реальность. С.Б. Кожевников [6, с. 9] отмечает, что повседневность является архетипической для всех остальных «миров», так как «любой акт смыслополагания, осуществляемый в них, задействует его смысловую конституцию и заключенные в ней смысловые ресурсы».

В своих исследовательских подходах авторы философских и социальных дисциплин (П.А. Амбарова и Г.Е. Зборовский, А.Ю. Барковская, Ю.Н. Давыдов, Г. Зиммель, Т.В. Парсонс, А. Шютц) придают феномену «социальный мир человека» особое авторское звучание, наполняют его многообразными характеристиками, качествами и свойствами, что, на наш взгляд:

– обогащает данный феномен, делает его более комплексным и значимым как для самих исследователей, так и для общего понимания сложной сущности данной категории;

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

– дает возможность для более глубокого философского осмысления данного феномена в развитии интегративного научного подхода для организации дальнейшего познания социального мира человека (разумного и духовного);

– предполагает дальнейшие научные изыскания по всем социогуманитарным направлениям.

Обоснуем данные положения, обратившись к анализу научных исследований вышеобозначенных авторов.

Сегодня в мировом научном сообществе существует множество определений и интерпретаций сущности социального мира, что обусловлено длительным историческим периодом начала познания данного феномена, накопленными наукой авторскими подходами. Предпримем попытку кратко раскрыть сущность представленных дефиниций, характеризующих социальный мир человека в научной литературе.

Немецкий философ Г. Зиммель [5], являясь автором понятия «социальное пространство», дает ему классическое толкование: социальное пространство стало таковым после того, как его освоил человек.

Основатель феноменологического научного направления А. Шютц [8, с. 8] охарактеризовал мир человека разумного следующим образом: «Человек родился в мире, который существовал до его рождения, и этот мир с самого начала является не только физическим, но и социокультурным»; социальный мир предорганизован как результат исторического процесса; структура мира специфична для каждой культуры.

Многие исследователи, рассуждая об окружающем социальном мире, используют такие дефиниции, как социум, социальность, общество, общественность, сообщество, др., что, на наш взгляд, является справедливым. Так, Т.В. Парсонс [7, с. 786] рассматривает социальную систему как одну из первичных и важнейших подсистем человеческого действия (взаимодействия).

Современные российские исследователи П.А. Амбарова и Г.Е. Зборовский [1] уверены в том, что значительная часть основных, базовых социальных общностей связана с их по-

вседневной жизнью. Речь идет о семейной, трудовой (производственной), профессиональной, образовательной, досуговой, национально-этнической, религиозной и иных социальных общностях.

В своем исследовании А.Ю. Барковская [2, с. 54], используя понятие «социальное пространство», признает его одним из наиболее фундаментальных в человеческом мышлении и определяет как одну из форм развития общества, «многомерное пространство социальных процессов, социальных отношений, социальных практик, социальных позиций, функционально взаимосвязанных между собой, взаимосоотнесенных с физическим пространством».

Отечественный исследователь Ю.Н. Давыдов [3, с. 132] рассматривает универсальную категорию «общество» как «совокупность всех способов взаимодействия и форм объединения людей, в которой выражается их всесторонняя зависимость друг от друга».

Тщательный анализ научной литературы по данной проблеме позволяет говорить о том, что искомое понятие «социальный мир человека» в настоящий момент не имеет четкого и универсального определения, что объясняется следующими моментами: разными авторскими методологическими подходами, связанными с восприятием, пониманием и объяснением данного понятия, его сущности, особенностей; узким пониманием системности (синергичности), которая присуща данному феномену «социальный мир»; слабой научной обоснованностью и отсутствием обоснования многих составляющих социального мира. Таким образом, все это говорит о том, что существующий научный подход к пониманию сущности феномена «социальный мир человека» и множества его дефиниций остается в ситуации научного поиска и познания.

Несмотря на то обстоятельство, что категория «социальный мир» является сложной и противоречивой, одновременно дискуссионной и многозначной категорией, а также неустоявшимся понятием, анализ философской и научной литературы позволяет выразить следующую ее интерпретацию.

Социальный мир человека – это непосредственное пространство, объединяющее людей

на основе самых различных взглядов и образов мира, мотивов, смыслов и ценностей, закрепленных на уровне мировоззренческих установок и позиций общественного сознания, что позволяет ощущать им единство в осуществлении своего бытия в самых разных формах его организации и устройства (государство, общество, сообщество, нация, этнос, коллектив, семья, др.).

Опираясь на приведенное определение, были выделены *общие признаки*, характерные для всех существующих определений феномена «социальный мир человека».

Во-первых, это социальные связи (общение, отношения, действия), которые объединяют людей в единую социальную общность, делают их зависимыми друг от друга, организуют в форму коллективного существования и развития.

Во-вторых, это история совместного проживания людей на определенной географической территории, которая оказывает существенное влияние на организацию их жизнедеятельности, что со временем обнаруживает свое влияние на их сознание и ментальности.

В-третьих, это национальная культура, порожденная длительной историей совместного проживания народа на определенной территории, что порождает групповую солидарность и выступает важнейшим механизмом и средством объединения.

В-четвертых, это исторически сложившаяся национальная идея народа, выступающая «духом нации», выражающая совокупность этических и духовно-нравственных принципов и положений, которые являются внутренним стержнем единства и сохранения социального мира.

Что касается российского государства, общества, народа и гражданина, то рассмотрение его социального мира, перспективы и развития требует необходимости учета многих факторов, условий, механизмов, присущих данному социальному пространству. Именно глубинный социально-философский и научный анализ позволит определить глубинную сущность социального мира русского (российского) человека и общества, его эффективное функционирование и развитие в начале XXI в. Выделим и кратко обозначим базовые поло-

жения, определяющие как оценку, так и перспективы его развития:

– особенности современной ситуации, в условиях которой происходит формирование и развитие социального пространства российского общества, испытывающего на себе влияния всех мировых тенденций (глобализация, либерализация, информатизация, пр.) и процессов (политических, информационно-пропагандистских, экономических, социокультурных, др.);

– наступающая информационно-технологическая эпоха, которая оказывает сильное влияние на все социальные институты и структуры российского государства, ее воздействие на организацию новых социальных пространств, сообществ и социальных практик;

– историческая память русского (российского) народа как особая форма народного менталитета, закрепленного в культурных кодах. Эта память сохраняет не только социально значимую информацию для всего национального сообщества, но и создает прочные предпосылки для сохранения социокультурной преемственности в развитии этноса (нации);

– роль русской культуры в истории рождения, становления и развития пространства русского социального мира, признание ее значимости для дальнейшего формирования базовых традиционных культурных смыслов и ценностей российского человека и общества, сохранения идентичности русского (российского) народа и государственности.

Итак, социальный мир русского (российского) человека как объект, явление, процесс и социокультурная реальность является сложной социально-исторической организацией с многовековым опытом своего становления и развития, в результате которого сотворилась своя уникальная культура, сформировался менталитет народа, накоплен огромный опыт проживания народа, сформирована своя национальная идея, где духовность выступает ее опорой и прочным фундаментом дальнейшего устойчивого развития и процветания.

Учет этих характеристик при дальнейшей разработке концепции социального мира русского (российского) человека и общества

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

позволит учитывать главные его составляющие, осмыслить все необходимые условия, факторы и действия по его развитию и, прежде всего, сохранения и развития национальной и гражданской идентификации. Так, по мнению В.Н. Иванова [4], при разработке данной концепции в условиях современного мира необходимо уделить значимое внимание вопросам этнической и общероссийской идентификации.

Вместе с тем, подвергая анализу, систематизации и обобщению все положения, существующие в зарубежной и отечественной литературе, а также учитывая исторический опыт развития России, авторы делают следующие умозаключения:

1. Современное состояние и функционирование социального мира русского (российского) человека начала XXI в. характеризуется сложностью, противоречивостью и трудностью прогнозирования перспектив развития, что обусловлено, прежде всего:

– многонациональностью и поликультурностью состава населения Российской Федерации;

– исторической ролью русского народа, который в течение многих столетий выполнял миссию и роль объединения народов в единую социокультурную общность, что повлияло на формирование его ментальности и общественного сознания. Данный фактор содействовал ослаблению актуальности формирования идеи национального самосознания.

2. Социальный мир русского (российского) человека в рамках существующей государственности (России) обладает огромным потенциалом и ресурсами, которые могут способствовать развитию социального мира русского (российского) человека в XXI в.:

– огромным историческим опытом выживания и развития русского народа, что нашло выражение в сформированной уникальной философии его жизнедеятельности, которая позволяет ему в глобальных проблемах и катаклизмах опираться на накопленный опыт и национальные ценности (силу духа, терпеливость, патриотизм, стремления к справедливости);

– уникальной национальной русской культурой, складывающейся тысячелетиями и вы-

ступающей сегодня социогенетическим архетипом русского народа (национальным кодом), условием сохранения его жизненных сил, их реализации в соответствии с ее смыслами, ценностями и идеалами.

3. Перспективы развития современного социального мира русского (российского) человека сегодня можно оценить как имеющие определенное позитивное будущее, которое требует учета определенных условий:

– во-первых, необходимо предпринять действия, которые актуализируют национальное самосознание русского народа, социально-национальную идентификацию, содействуют пониманию исторической роли русского народа и его миссии в развитии России;

– во-вторых, требуется формирование у русского подрастающего поколения чувства исторической памяти и преемственности, осознание ими своей национальной принадлежности к социальному российскому миру.

Современный социальный мир – это исторический продукт, образующий пространственно-временной континуум, в своей социогенетической основе содержащий многотысячелетний опыт человеческой деятельности, помноженный на результат непрерывного поиска человеком истинной сущности своего бытия, осмысления своего прихода в этот мир. Без такой интерпретации все подходы к пониманию феномена социального мира человека будут всегда являться неполными, что не позволит:

1. Познать и понять механизмы, лежащие в основе выживания и функционирования современного социального мира в его глобальном понимании, его выход на путь равновесного и устойчивого развития при обязательном сохранении многонационального и многокультурного состава.

2. Делать качественные футурологические прогнозы, разрабатывать перспективные стратегии и программы, касающиеся сохранения мирового сообщества и его устойчивое развитие.

Исторический анализ взглядов русских мыслителей говорит о том, что в своей фундаментальной основе они опираются на уникаль-

ную русскую культуру, где русский народ выступает носителем высокого уровня духовной жизни. Идея всемирно-исторического предназначения России просматривается практически у всех исследователей того времени, где путь России связан с сохранением традиционных духовно-нравственных ценностей (патриотизм и гражданственность, достоинство и честь, готовность служить Родине и защищать ее, гуманизм, справедливость). Таким образом, мировоззренческие позиции исследователей социального мира формируются на основе ментальных качеств русского народа, смыслов и ценностей его исторической культуры.

Полученные результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод: феномен «социальный мир человека» сегодня выступает одной из важных научных категорий мира философии и социогуманитарных наук. Значимость исследуемого феномена обусловлена его комплексной сущностью, включающей множество сложных элементов, ценностей социальной реальности, исторически творимой человеком.

Социальный мир русского человека как социоприродная реальность его жизнедеятельности имеет свою многотысячелетнюю историю рождения, становления и развития, что нашло выражение в уникальности его национального характера и особенностях мировоз-

зрения и мышлении. Данное обстоятельство предполагает необходимость:

– актуализации отечественной философии и социогуманитарных научных дисциплин, их направленности на проведение исследований социального мира русского (российского) человека, разработку и научное обоснование всех факторов и условий, связанных с перспективными направлениями его развития;

– разработки всех перспективных направлений российских социальных стратегий развития с учетом особенностей накопленного исторического опыта социального мира русского человека, отечественной культуры;

– ориентации всех российских государственно-общественных институтов на обязательный учет культурно-ценностных ориентаций, присущих русскому (российскому) человеку, особенностей его мировоззрения и ментальности.

Таким образом, при условии сохранения и развития исторически накопленного опыта своего развития, самобытной уникальной культуры в XXI в. социальный мир русского человека может создавать новую духовную реальность, которая будет выступать средством единения мирового сообщества, образующего единый социальный мир человечества.

Список источников

1. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Время социальной общности: монография. Екатеринбург, 2017. 347 с.
2. Барковская А.Ю. Социологическая интерпретация категории «социальное пространство» // LogosetPraxis. 2013. № 1(19). С. 49–55.
3. Давыдов Ю.Н. Общество / Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. М., 2010.
4. Иванов В.Н. Русский мир: концепция и реальность: доклад на совместном заседании ученых советов 23 мая 2007 г. М., 2007. 26 с.
5. Зиммель Г. Социология пространства / Избранное. В 2 т. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996. 607 с.
6. Кожевников С.Б. Социум в структурах жизненного мира: методологический

References

1. Ambarova P.A., Zborovsky G.E. The Time of social community: a monograph. Yekaterinburg, 2017.
2. Barkovskaya A.Yu. Sociological interpretation of the category «social space» // Logos et Praxis. 2013. No. 1(19).
3. Davydov Yu.N. Society / The New Philosophical Encyclopedia. In 4 vols. Vol. 3. Moscow, 2010.
4. Ivanov V.N. The Russian World: Concept and Reality: report at the joint meeting of Academic Councils on May 23, 2007 M., 2007.
5. Simmel G. Sociology of Space / Favorites. In 2 t. Vol. 2. M., 1996.
6. Kozhevnikov S.B. Society in the structures of the life world: methodological tools of research // Sociological journal. 2008. № 2.

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

инструментарий исследования // Социологический журнал. 2008. № 2. С. 5–30.

7. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. 832 с.

8. Шютц А. Равенство и смысловая структура социального мира // Социологический журнал. 2002. № 4. С. 5–45.

7. Parsons T. About social systems. M., 2002.

8. Schutz A. Equality and the semantic structure of the social world // Sociological Journal. 2002. № 4.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Егорычев Александр Михайлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры современной педагогики, непрерывного образования и персональных треков. Российский государственный социальный университет. 129226, Российская Федерация, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1. ORCID: 0000-0002-7497-4508

Мардахаев Лев Владимирович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры современной педагогики, непрерывного образования и персональных треков; заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. Российский государственный социальный университет. 129226, Российская Федерация, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1. ORCID: 0000-0002-9654-9246

Варламова Елена Юрьевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры «Лингвистика и переводоведение». Московский авиационный институт (национально-исследовательский университет). 125993, Российская Федерация, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4. ORCID: 0000-0001-9927-8827

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Egorychev Alexander Mikhailovich, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Modern Pedagogy, Continuing Education and Personal Tracks. Russian State Social University. 4, p. 1, Wilhelm Peak str., Moscow, 129226, Russian Federation.

Mardakhaev Lev Vladimirovich, Doctor of Education, Professor, Professor of the Department of Modern Pedagogy, Continuing Education and Personal Tracks; Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Russian State Social University. 4, p. 1, Wilhelm Peak str., Moscow, 129226, Russian Federation.

Varlamova Elena Yuryevna, Doctor of Education, Associate Professor, Professor of the Department of Linguistics and Translation Studies. Moscow Aviation Institute (National Research University). 4, Volokolamsk highway, Moscow, 125993, Russian Federation.

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ
ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПЦИИ МОНАРХИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
Л.А. ТИХОМИРОВА (1852–1923)**

Москаленко Сергей Григорьевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
moscalenko1963@mail.ru

***Введение:** разработка Л.А. Тихомировым философско-правовых аспектов в процессе политико-правовой концептуализации монархической государственности является беспрецедентным по значению и альтернативным по аналитической направленности ответом находящейся еще в начальной фазе генезиса русской самобытной философско-правовой мысли на парадоксальные вопросы и вызовы, обострившиеся в ситуации кризиса мирового и отечественного правосознания и государствоведения рубежа XIX–XX в.в.*

***Материалы и методы:** исследование выполнено на методологической основе диалектического подхода, включающего в себя движение от абстрактного к конкретному, адекватное соотношению логического и исторического, привлечение ресурсов компаративистики для создания полезных смыслообразующих контекстов. Это позволило установить и определить специфику исторической и научной (юридической и метаюридической) среды, общее и различия в концептуализациях Тихомирова и его современников – классических русских философов права.*

***Результаты исследования:** Л.А. Тихомирову удалось создать основы для целого направления альтернативной политико-правовой мысли, при использовании которой появляется продуктивная возможность резкого увеличения степени прагматизации государственного строительства в современной России.*

Его концепция является ярким примером интеллектуального и нравственного вызова шаблонным заблуждениям как его, так и нашего времени, т. к. смог на высочайшем уровне противопоставить идеологическим трафаретным суждениям солидно оснащенную академической аргументацией прагматическую программу по сути дела реабилитации российской монархической государственности для интеллигенции. Уровень вклада Л.А. Тихомирова в российскую философию права настолько высок, что попытка аналитического и систематического исследования его доктринализации монархической государственности представляется абсолютно безотлагательной задачей.

***Выводы и заключения:** исследованный в данной работе вклад Л.А. Тихомирова в процесс создания положительного учения о монархической государственности инициировал общенаучную и философско-правовую рефлексию, недостаточное развитие которой выделялось самим Тихомировым в качестве проблемной специфической черты в историко-правовой концептуализации российской государственности.*

***Ключевые слова:** верховная власть, монархия, республика, суверенитет, идеократия, сциентизм, телеология.*

***Для цитирования:** Москаленко С. Г. Теоретико-методологический и политико-правовой потенциал концепции монархической государственности Л. А. Тихомирова (1852–1923) / С.Г. Москаленко // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1 (104). – С.125–132.*

Original paper

**THEORETICALLY-METHODOLOGICAL AND POLITICALLY-LEGAL POTENTIAL
OF L.A. TIKHOMIROV'S (1852-1923) CONCEPT OF MONARCHIC STATEHOOD**

Moskalenko Sergey Grigoryevich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Introduction: development of L.A. Tikhomirov's philosophical and legal aspects in the process of political and legal conceptualization of monarchical statehood is an unprecedented in importance and an alternative in analytical orientation response to the paradoxical questions and challenges that have intensified in the crisis of world and domestic legal awareness and state studies of the turn of the XIX–XX century, which is still in the initial phase of the genesis of Russian original philosophical and legal thought.

Materials and methods: the study was carried out on the methodological basis of a dialectical approach, which includes the movement from the abstract to the concrete, an adequate ratio of logical and historical, the use of comparative resources to create useful semantic contexts. This allowed us to establish and define the specifics of the historical and scientific (legal and meta-legal) environment, common and differences in the conceptualizations of Tikhomirov and his contemporaries - classical Russian philosophers of law.

Results of the research: L.A. Tikhomirov managed to create the foundations for a whole trend of alternative political and legal thought, with the use of which there is a productive opportunity for a sharp increase in the degree of pragmatization of state-building in modern Russia.

His concept is a vivid example of an intellectual and moral challenge to the stereotyped misconceptions of both his and our time, because he was able to counter the ideological stencil judgments at the highest level with a solidly equipped academic argumentation pragmatic program for the rehabilitation of the Russian monarchical statehood for the intelligentsia. L.A. Tikhomirov's contribution level to the Russian philosophy of law is so high that an attempt of analytical and systematic study of his monarchic statehood doctrinalization seems to be an absolutely undelayable task.

Conclusions: ensued in this work L.A. Tikhomirov's contribution in the process of creating a positive doctrine of monarchic statehood initiated a general scientific and philosophical-legal reflection, the insufficient development of which was highlighted by Tikhomirov himself as a problematic specific feature in the historical and legal conceptualization of Russian statehood.

Keywords: supreme power, monarchy, republic, sovereignty, ideocracy, scientism, teleology.

For citation: Moskalenko S. G. *Teoretiko-metodologicheskij i politiko-pravovoy potentsial kontseptsii monarhicheskoj gosudarstvennosti L. A. Tikhomirova (1852–1923) [Theoretically-methodological and politically-legal potential of L.A. Tikhomirov's (1852–1923) concept of monarchic statehood].* *Filosofiya prava – Philosophy of Law.* 2023. № 1 (104). P. 125–132.

Исследования уникального вклада Л.А. Тихомирова в российскую государственную мысль ведутся с 90-х гг., с момента первых публикаций его работ. Этот период можно атрибутировать как фактографически-реконструктивный. Современные ученые интенсивно готовили почву для адекватной рецепции его концептуализации монархической государственности в современных условиях, для чего требовалось в качестве предварительной задачи восстановление аутентичного контента его концепции при реконструировании всего контекста юридических и метаюридических доктринализаций российской государственности. Это существенно облегчило аналитическую разработку важнейших содержательных аспектов, а также приемов и принципов концептуализации Тихомировым сложнейшего феномена российской монархической государственности в данном исследовании, которая осуществлена в контексте важнейших тенденций эволюции русской философии права.

Концепция Л.А. Тихомирова обладает сложным концептуально-инновационным потенциалом для осмысления государственности

на основе методологического принципа первичности верховной власти. Ученый выявил огромный методологический потенциал концептуализации принципа свободы через принцип власти, при их синтезировании в концепте самостоятельной личности. Использование принципа первичной реальности личности позволило Тихомирову разработать специфическую юридическую аксиоматику, что в свою очередь дало возможность ввести в академический дискурс естественно-правовое измерение монархического правосознания. Тихомиров продемонстрировал редкий пример синтеза фундаментальных начал в концептуализировании и институциональном конституировании основ государственности и правопорядка, а именно принципа «справедливости» из школы естественного права и принципа «воли суверена» из позитивно-правовой школы.

Заслуживает самой высокой оценки, помимо методологического, еще и креативный потенциал исследовательских усилий ученого. Л.А. Тихомиров сделал серьезные и очень редкие в гуманитарном знании научные открытия, выявив и обосновав принцип простоты верхов-

ной власти с его генетической корреляцией с религиозно-национальными особенностями идеократического элемента, материализацией, внешним проявлением которого «верховная власть» и является. Решение задачи элементарной реконструкции концепции Тихомирова, как в силу актуальности задачи, так и по причине нахождения в начальной фазе исследований его наследия, отличается высокой степенью полемичности. Целью концептуализации Тихомировым основ российской традиционной государственности в ее принципиальных как теоретико-правовых, так и метаюридических основаниях, с учетом необходимых государственно-правовых и историко-правовых контекстуальных, прежде всего, философско-правовых и историко-юридических аспектов, была прагматическая интерпретация функционального потенциала монархической конструкции государства. Уже сама по себе эта задача не могла не вызвать резкого отторжения со стороны адептов идеологических схем, в которых монархическому государству не оставалось места, ей предписывалась «безоговорочная капитуляция» перед казавшимися неизблемыми стереотипами политико-правовых восприятий.

Исследователи концепции Л.А. Тихомирова разделились на две группы. Первая особенно показательна по характеру результатов представлена В.Ю. Верецагиным, В.В. Макеевым, М.Ю. Понежиным [3]. Учение Тихомирова анализируется этой группой ученых без примесей «фобии» или «филии», объективно и многосторонне. Акцентировка внимания осуществлена на позитивном и новаторском потенциале концепции Тихомирова, что позволяет сопровождать современную нам рецепцию воззрений ученого на монархизм с позиций академической реабилитации монархического принципа государственного конструирования. Вторая группа исследователей, отдавая должное вкладу Л.А. Тихомирова, оказалась несвободной от инерции антимонархических вкусов советской эпохи и сосредоточивает внимание на разоблачительном пафосе недостатков монархического государственного устройства, не усматривая особой актуальной потребности в реципировании адекватного научного понимания монархизма и тем более прагматического использования его опыта в текущем государственном строительстве [9, 17].

После публикации в России основных работ Л.А. Тихомирова в 90-е годы XX в. стало очевидным, что художественно-публицистический и фольклорный этап в развитии русского государственного самосознания, представленный ранними славянофилами, а также Катковым, Леонтьевым, Победоносцевым и др., уходит в прошлое. Благодаря Л.А. Тихомирову процесс формирования самобытного национально-культурного и правового самосознания в России получил выраженную академическую компоненту.

Исследование результатов интеллектуальной деятельности Л.А. Тихомирова показало, что ему удалось создать основы альтернативного европейскому политико-правовому «мейнстриму» государствоведения на основе синтеза сциентистского и конфессионально-традиционного подходов к государственно-правовой проблематике, объединенных в философско-правовой интегративной целостности. Исследованная нами концептуальная деятельность Л.А. Тихомирова позволяет подвергнуть необходимой коррекции фундаментальные понятия современного государственного права, поставить их в адекватное отношение к накопленному в России собственному институциональному и концептуальному опыту государственного строительства. Философско-правовая методология, образцовая концептуализация сложных государствоведческих феноменов, энциклопедическая историко-правовая аргументация Л.А. Тихомирова, создали широкие возможности для дальнейшей юридико-догматической разработки всего круга проблем государственного права на основе разработанной им методологии, для позитивной трансформации всего метаправового комплекса в интеллектуальной культуре современной России. В предельно угрожающих беспрецедентных масштабах вновь сформировалась комплексная угроза деконструкции основ государственного управления и правопорядка, активно инспирируемая извне коллективным Западом через марионеточные структуры на бывшем советском цивилизационном пространстве. В таких условиях, естественно, обострилась политико-правовая технико-прикладная необходимость в анализе основополагающей философско-правовой проблематики – базовых принципов, концептуальной основы, «эйдоса» – внутренней идеи, образующих смы-

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

словой фундамент традиционно-исторической отечественной государственности.

Как и в начале XX в., в конце века Россия вновь столкнулась с обострением инспирированной извне угрозы фрагментации и деконструкции государственно-правовой материи. Как и тогда, наблюдается синтез внешней инспирации с внутренней коллаборацией части социально активной части российского общества, полагающей, что они способствуют не атомизации государства, а реформированию, приведению его к некоему «адекватному» стандарту, сформированному на чуждой аксиологической и политико-технологической основах. Концепция Л.А. Тихомирова является заслуживающим внимания вариантом нейтрализации и активного противодействия опасному процессу атомизационного государственно-правового фрагментирования. Требуется извлечение полезных уроков из опыта разрушения традиционного исторического государства под видом его совершенствования и реформирования.

В современном мире вновь обострились проявления кризиса основ правовых ценностей-идеалов, правового мышления, закономерный итог разрушительных тенденций правового модернизма, ставящий под угрозу глубинные основы международных и внутренних правоотношений, их замену опасной для сохранения правосферы системой политизированных «правил». Реципированная концепция Л.А. Тихомирова позволит противостоять крайностям юридического легализма на одном полюсе и правового нигилизма и экстремизма на другом, избежать воспроизведения потенциально деструктивных сценариев государственно-правового развития на адекватных историческому развитию России доктринальных основаниях.

Монархия после французской революции 1789-1794 гг. считалась атрибутом старого режима и отжившим свое политическим и культурным феноменом. Подобное отношение к монархии с тех пор воспринимается как аксиоматически очевидное, привычным стало противопоставление монархии республике и демократии, часто в соединении и отождествлении ее с тиранией и негативной консервацией социального развития. Азбучным стало отождествление монархии и империи, монархии и бюрократии в популярном нарративе и

академической науке. Подобного рода нигилистическое отношение к монархии в большинстве случаев диктуется коммерческими и политическими интересами и дополняется нередко гротескно цирковыми шоу, связанными с династическими расчетами и правами на престолы, выявлением процента «голубой крови». Подобные воззрения неверные ни фактографически, ни концептуально-аналитически, основательно разрушаются при соприкосновении с результатами исследований Л.А. Тихомирова.

При любом варианте понимания монархии – от стереотипно-риторического до схоластического, понимания и генезиса, и функционально-институциональной структуры невозможно отрицать колоссальную конструктивную конституирующую роль в политической и бытовой культуре России. Причем применительно к истории монархии в России следует подчеркнуть ее государствообразующую роль. Роль в трансформации эмбриональной государственности в регулярную. Бытовые и научно сформулированные рассуждения о монархии чаще всего останавливаются на данных интуитивных форматах восприятия, понимания и оценки. Дальше такие рассуждения, как правило, не идут, начинается область тормозящего влияния накопленных исторически предрассудков на понимание монархии как концепции и монархии как институциональной структуры. Изучение монархии основывается на корпусе авторитетных текстов, преимущественно Аристотеля и Жана Бодена, с концептуальной точки зрения все остальное, написанное на темы монархии, во многом лишь редуцированные версии основополагающих рассуждений этих авторитетных авторов. Но в этом случае сами классические рассуждения редуцируют монархию к власти одного, отличной от власти многих или некоторых.

Постклассическая литература стала путем от редукиции к профанации. От известной доли профанации оказался не свободен И.А. Ильин. Наивные редуцированные взгляды на природу (социальную, культурную, политическую) монархии, на ее генезис и значение, упрощенные заключения от частного к общему, которыми изобилует его основное сочинение о монархии и монархизме, можно понять и объяснить незнакомством с методологией Л.А. Тихомирова и излишним доверием к

историческим работам по проблемам монархического устройства государств. Особенность монархии как исследовательской проблемы заключается в том, что на редуцированном уровне нельзя останавливаться, нужно двигаться дальше и глубже.

В России накоплен безграничный опыт структуризации управления в государстве с монархической властью. К началу XX в. обозначился вопиющий разрыв монархической практики и антимонархической теории. В самих основах теоретического объяснения природы государства и его повседневного функционирования стал наблюдаться кризисный разрыв между юридическим натурализмом и юридическим позитивизмом, их философско-правовая ограниченность. Но целые отрасли знания – государственное право, теоретизирование о природе монархии – воспроизводили одни и те же клише, с тайным сочувствием республиканизму, понимавшемуся как самая прогрессивная форма организации государственной жизни и как самая научно обоснованная форма политического доктринирования. Даже эмоционально сочувствующих монархии в России было очень мало, а понимающих, что это такое, в каких-то системах интеллектуальных конструкций еще меньше. В разбросанном виде в культурном слое политического мышления и рефлексии политического имелось достаточно отдельных элементов корректного аналитического понимания монархии и монархизма, их синтезировал Л.А. Тихомиров, но цельной школы теоретико-политического монархического мышления в России так и не сложилось, что при такой богатой монархической практике смотрится как труднообъяснимый парадокс.

После революции проблематика монархизма оказалась безнадежно погружена в и океан идеологических табу и клише. Были догматизированы и сакрализованы формулы восприятия этапов генезиса монархического государства: раннефеодальная, сословно-представительная, абсолютная конституционная монархия, которые закономерно автоматически сменялись республикой Советов. Обыденное словоупотребление предполагало, по сути дела, отождествление монархии и каменного топора. Как в современных условиях корректно относиться к монархическому стандарту организации государственной жизни? Имеется

ли у монархизма как теоретико-концептуального принципа и как государственно-правовой практики какие-то ресурсы для развития?

Когда появились программные работы Л.А. Тихомирова, в России развязывалась диверсионная гражданская война с государственными институтами и ее сколько-нибудь видными представителями. Массовый террор пропагандистски оправдывался «отсталостью» монархического государственного управления, неспособностью монархии добровольно самоупраздниться и освободить дорогу «прогрессивным» общественно-политическим элементам, к которым относились не только оппозиционные, но и радикально террористические группировки. Критерием прогрессивности обязательно считалась республиканская риторика, жонглирование терминологией, выхваченной из контекста политического развития западноевропейских стран. В России не хватало собственных терминологических конструкций, которые позволили бы сформировать адекватную историческому опыту страны политическую культуру, корректно трансформировать ее государственность в соответствии с вызовами времени.

Этот процесс, конечно же, шел, плодотворные разрозненные попытки можно увидеть в работах П. Новгородцева, Н. Коркунова, Б. Чичерина. Наиболее важный шаг в этом направлении формирования фундамента для собственной прагматической политической культуры сделал Л.А. Тихомиров, чей путь личного развития мог бы стать в известной мере эталоном для интеллигенции всей страны. Являясь руководителем «Народной воли», Л.А. Тихомиров отдал должное усваиванию и распространению террористической идеологии и практики. В определенный момент он раскаивается, разрывает связи с террористами и становится создателем основ для подлинной политической культуры монархизма. Его попытка поражает и в наши дни, это тип «соло»-мыслителя, разрушающего стереотипы мышления и в наши дни. В начале XX в. содержание его трудов и интеллектуально насыщенной публицистики мало кем было понято вообще. Нельзя сказать, что наследие основателя прагматической политической культуры монархизма во всех составляющих – интеллектуальной, практической, этической – не вызывает интереса в наши дни.

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Вклад Л.А.Тихомирова активно изучался российскими исследователями политической истории и культуры России, уже в 2003 г. увидела свет упоминавшаяся выше монография В.Ю. Верещагина, В.В. Макеева, М.Ю. Понежина, периодически публикуются интересные статьи, посвященные различным аспектам его творчества [3, 9-11, 17]. При этом характерологической общей особенностью публикаций является увлеченность реконструкцией его взглядов и аргументации. В этом смысле сделано достаточно много, работы выдающегося философа прочитаны, их контент восстановлен и репродуцирован. Не хватает осязательно определенной определенности в понимании практического потенциала его работ. Остается ли его концепция монархической государственности актуальной в целом и каковы практические возможности ее использования в государственном строительстве и формировании политической культуры современной нам России?

Идеализировать разработки Л.А. Тихомирова не стоит, у него можно найти натяжки, неточности, смешивание фактографии и мифологии, некритическое следование распространенным в его время точкам зрения. Но вместе с тем невозможно отрицать его серьезнейший вклад, он инициатор создания адекватной политической практике интеллектуальной монархической культуры. Чтобы подчеркнуть масштаб его вклада, следует вспомнить, что монархизм как тип управления и стиль политической культуры рос эволюционно на протяжении нескольких столетий. Первоначально в России сложившийся на высшем уровне управления абсолютизм был «косплеем» европейских форм. Практика провинциальной жизни зачастую отличалась от столичной как небо от земли. Профессионализированное государственное управление Россия имела почти исключительно в пределах столиц и формировалось вместе с монархией. В провинции функции государства возлагались на армию и помещиков, в большинстве своем бывших военных. Достаточно посмотреть, как и кем наполнялась казна при Петре и какую роль в сборе подушной подати играла армия.

Разработанная Л.А. Тихомировым методология позволяет достаточно определенно понять, что тысячелетняя монархия чуть ли не от Рюрика – это литературный мифологический неверифицируемый сюжет. Гипотетиче-

ски, при всевозможных натяжках, очевидно, что власть древнерусских князей – это коллективная власть постепенно разросшегося кровно-родственного клана. Например, ни Владимир Мономах, ни Андрей Боголюбский, с точки зрения Л.А. Тихомирова, далеко еще не являются полноценными монархами ни по источнику своей власти, ни по статусному функционированию. Это выдвинувшиеся ситуативно по генеалогическим критериям фигуры. А московские князья ограничивались до эпохи Федора Алексеевича местничеством родственных боярских (бывших княжеских) кланов. Абсолютный монарх – император Александр I был республиканцем, как и его ближайшие друзья, прекрасно владел европейской либерально-республиканской риторикой благодаря своему учителю Лагарпу. Преемственность монархического государства формировалась как минимум несколько веков. Политическое развитие страны определяла не монархия, изображаемая как тираническая и деспотическая, а конфликты между аристократическими кланами, конфликты внутри одного разросшегося правящего клана (опричнина царя Ивана Васильевича легко может быть интерпретирована как межклановая борьба вплоть до распада государственной территории на опричнину и земщину). Это не есть признаки зрелости монархической государственности и культуры. Период первоначальных фаз генезиса завершается превращением монархии в выборную, но выборную не в современном смысле слова (электорат тогда – это несколько десятков представителей ведущих боярских кланов). Интуитивно это хорошо понимали деятели культуры России XIX в., например, Мусоргский и Римский-Корсаков в опере «Борис Годунов» в сцене доведения решения бояр до толпы простонародья. По сути, выборными, с делегированными полномочиями, замечал Л.А. Тихомиров, были Годунов, все Лжедмитрии, Шуйский, Михаил Романов.

В государственно-правовом учении Л.А. Тихомирова прямо указывается на невозможность стабильной или даже просто функциональной государственности, создаваемой на основе инспирированной из Европы либеральной правовой аксиоматики и выстроенных на ее основе концепций, так фатально индоктринировавшими правосознание в России. Современное государственное строительство в

России может и должно основываться на конструктивно-прагматическом потенциале творчески-традиционалистского, телеологическо-

го, православно-сциентистского государство-ведения.

Список источников

1. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1999.
2. Берман Гарольд Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999.
3. Верещагин В.Ю., Макеев В.В., Понезжин М.Ю. Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова. Ростов н/Д, 2003.
4. Ильин И.А. Понятия права и силы. Соч. в 2 т. Т. 1. М., 1993.
5. Ильин И.А. О сущности правосознания. Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1993.
6. Ильин И.А. О монархии и республике // Вопросы философии. 1991. № 4-5.
7. Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Очерки действующего права. М., 1999.
8. Кистяковский Б.А. Право и метод // Русская философия права: философия веры и нравственности: антология. СПб., 1997.
9. Комова Н.Б. Монархическая власть в отечественной государственно-правовой традиции: неоконсервативная идеология Л.А. Тихомирова // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. Специальный выпуск. Таганрог, 2009.
10. Манушаклова Б.Р. Концепция монархической власти в воззрениях Л.А. Тихомирова // Философия права. 2017. № 3.
11. Еньшина Е.Н., Сафронов Н.А. Учение Л.А. Тихомирова о верховной власти // Известия Алтайского государственного университета. Юридические науки. 2018. № 3.
12. Новгородцев П.И. О задачах философии права. М., 1995.
13. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб., 2000.
14. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 2020.
15. Победоносцев К.Н. Великая ложь нашего времени. М., 2004.
16. Победоносцев К.Н. Новая демократия // Церковь и демократия. М., 1996.
17. Романов И.А., Романова В.Н. Религиозно-политические идеи К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова в формировании научной школы рус-

References

1. Alekseev N.N. Fundamentals of the philosophy of law. St. Petersburg, 1999.
2. Berman Harold J. Faith and Law: Reconciliation of Law and Religion. M., 1999.
3. Vereshchagin V.Yu., Makeev V.V., Ponezhin M.Yu. L.A. Tikhomirov's doctrine of monarchical statehood. Rostov n/A, 2003.
4. Ilyin I.A. Concepts of law and force. Op. in 2 vols. Vol. 1. Moscow, 1993.
5. Ilyin I.A. About the essence of legal consciousness. Op. in 2 vols. Vol. 1. Moscow, 1993.
6. Ilyin I.A. About the monarchy and the Republic // Questions of Philosophy. 1991. № 4-5.
7. Kazansky P.E. The power of the All-Russian Emperor. Essays on current law. Moscow, 1999.
8. Kistyakovsky B.A. Law and Method // Russian Philosophy of Law: Philosophy of faith and morality: an anthology. St. Petersburg, 1997.
9. Komova N.B. Monarchical power in the national state-legal tradition: L.A. Tikhomirov's neoconservative ideology // Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov. Special issue. Taganrog, 2009.
10. Manushakova B.R. The concept of monarchic power in L.A. Tikhomirov's views // Philosophy of Law. 2017. № 3.
11. Yenshina E.N., Safronov N.A. L.A. Tikhomirov's teachings on the supreme power // Proceedings of the Altai State University. Legal sciences. 2018. № 3.
12. Novgorodtsev P.I. About the tasks of the philosophy of law. M., 1995.
13. Novgorodtsev P.I. Introduction to the philosophy of Law. The crisis of modern legal consciousness. St. Petersburg, 2000.
14. Novgorodtsev P.I. About the social ideal. Moscow, 2020.
15. Pobedonostsev K.N. The Great lie of our time. M., 2004.
16. Pobedonostsev K.N. New Democracy // Church and democracy. M., 1996.
17. Romanov I.A., Romanova V.N. K.N. Leontiev's and L.A. Tikhomirov's religious and political ideas in the formation of the scientific school of

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

ской государственности // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 2.

18. Солоневич И.Л. Народная монархия. Минск, 1998.

19. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 2006.

20. Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения. М., 2013.

21. Тихомиров Л.А. Христианство и политика. ТОО «Алир», 2002.

22. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М., 2012.

Russian statehood // Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East. 2016. № 2.

18. Solonevich I.L. The people's monarchy. Minsk, 1998.

19. Tikhomirov L.A. Monarchical statehood. M., 2006.

20. Tikhomirov L.A. Sole power as a principle of the state structure. Moscow, 2013.

21. Tikhomirov L.A. Christianity and politics. Alir LLP, 2002.

22. Tikhomirov L.A. Religious and philosophical foundations of history. Moscow, 2012.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Москаленко Сергей Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

ORCID ID: 0000-0003-0386-4246

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Moskalenko Sergey Grigoryevich, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko str., Rostov-on-Don, 344015, Russian Federation.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИЙ «НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ» И «ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО»: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Ромадыкина Виталия Сергеевна

ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского», Донецк, Российская Федерация, vitalija.romadykina@gmail.com

Введение: актуальность темы определена задачами теоретического анализа влияния национальной идеи на институты гражданского общества с целью создания целостного представления о существенных связях между ними. Обобщение достижений в сфере концептуального анализа указанных категорий позволило автору сформулировать гипотезу, согласно которой национальная идея – это генератор идей, инновационных решений и т. д., стимулирующих развитие институтов гражданского общества.

Материалы и методы: в качестве методологии использовались принципы и законы диалектики, системно-структурный, историко-правовой, функциональный и др. анализ, синергетика как теория и метод познания в процессе концептуального анализа категорий национальная идея и гражданское общество. Выявлено, что национальная идея основывается на фундаментальных мировоззренческих установках психологии обыденного сознания, культуры, исторической памяти народа, социальной справедливости, духовной и социальной свободы, патриотизме и государственности.

Результаты исследования: установлено, что национальная идея отождествляется с понятием государство, ее реализация связана с осознанием человека своей роли в структуре гражданского общества и системе общественных отношений. Гражданское общество неслучайное образование, оно является составной частью социума, встроено в государственно-правовое пространство, выпадая из которого, утрачивает главное предназначение быть гражданским. Русские философы и публицисты второй половины XIX – начала XX в., рассуждая о содержании национальной идеи, основой ее считали идеалистические или религиозные концепции, якобы близкие менталитету большинства русского народа. Наиболее яркое отражение они нашли в идеологии консерватизма.

Выводы и заключения: в условиях широкомасштабной русофобской кампании национальная идея и положения Конституции в определенном смысле содержат мировоззренческие конструкции, основанные на общечеловеческих ценностях и национальном менталитете, обусловленном историей и культурой российского многонационального государства. Установлено, что категории «национальная идея» и «гражданское общество» являются общественным идеалом, в основе которого лежит принцип свободы, когда свобода каждого человека становится совместимой со свободой всех.

Ключевые слова: гражданское общество, идеология, национальная идея, социальная философия, концепция, категории, мировоззрение, нравственность, общественное сознание.

Для цитирования: Ромадыкина В. С. Концептуальный анализ категорий «национальная идея» и «гражданское общество»: социально-философский аспект / В. С. Ромадыкина // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1 (104). – С. 133–139.

Original paper

CONCEPTUAL ANALYSIS OF THE CATEGORIES «NATIONAL IDEA» AND «CIVIL SOCIETY»: SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

Romadykina Vitaliya Sergeevna

Donetsk National University of Economics and Trade named after M. Tugan-Baranovsky, Donetsk, Russian Federation

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Introduction: the relevance of the topic is determined by the tasks of theoretical analysis of the influence of the national idea on the institutions of civil society in order to create a holistic view of the essential connections between them. Generalization of achievements in the field of conceptual analysis of these categories allowed the author to formulate a hypothesis according to which the national idea is a generator of ideas, innovative solutions, etc., stimulating the development of civil society institutions.

Materials and methods: principles and laws of dialectics, system-structural, historical-legal, functional, etc. were used as methodology. analysis, synergetics as a theory and method of cognition in the process of conceptual analysis of the categories national idea and civil society. It is revealed that the national idea is based on the fundamental ideological attitudes of the psychology of everyday consciousness, culture, historical memory of the people, social justice, spiritual and social freedom, patriotism and statehood.

Results of the research: it is established that the national idea is identified with the concept of the state, its implementation is associated with the awareness of a person of his role in the structure of civil society and the system of public relations. Civil society is not a random formation, it is an integral part of society, embedded in the state-legal space, falling out of which, it loses its main purpose to be civil. Russian philosophers and publicists of the second half of the XIX – early XX century, arguing about the content of the national idea, considered idealistic or religious concepts, allegedly close to the mentality of the majority of the Russian people, to be its basis. They found their most vivid reflection in the ideology of conservatism.

Conclusions: in the context of a large-scale Russophobic campaign, the national idea and the provisions of the Constitution in a certain sense contain ideological constructions based on universal values and national mentality conditioned by the history and culture of the Russian multinational state. It is established that the categories «national idea» and «civil society» are a social ideal, which is based on the principle of freedom, when the freedom of each person becomes compatible with the freedom of all.

Keywords: civil society, ideology, national idea, social philosophy, concept, categories, worldview, morality, public consciousness.

For citation: Romadykina V. S. Kontseptual'nyy analiz kategoriy «natsional'naya ideya» i «grazhdanskoye obshchestvo»: sotsial'no-filosofskiy aspekt [Conceptual analysis of the categories «National Idea» and «Civil Society»: Socio-philosophical aspect]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 2023. № 1 (104). P. 133–139.

Одним из побудительных мотивов человеческой деятельности являются идеи, связанные с постижением смыслов бытия, принципов и механизмов социального развития, целей его преобразований, что одновременно является результатом как практической, так и интеллектуальной деятельности людей. Философия, изучая актуальные проблемы, тенденции и смыслы общественного развития, оказывает непосредственное влияние на формирование мировоззренческих установок и одновременно идеологии, соответствующей периоду истории и политическому режиму. Идеология, как доктрина, оправдывающая существующую систему властных отношений, в большей мере отражает интересы власти в ее отношениях с обществом, при формировании внутренней и внешней политики государства, оценке ее политическими акторами в процессе борьбы за власть или доказательства правомерности своей деятельности. Она может изменяться в соответствии с политическими трансформациями или приходом к власти новых элит, презентующих ее как «национальную идею». Параллельно с ней формируется

национальная идея народа, стремящегося сохранить свою самобытность при любых политических режимах и обстоятельствах до тех пор, пока он существует. Национальная идея, являясь результатом истории и культуры народа, позволяет ему сохранять самоидентификацию и идентификацию в условиях поликультурализма, что объединяет ее с идентичными у других народов и культур.

Понятие «идеология» было введено в науку XVIII в. в связи с необходимостью теоретического обоснования лозунгов Французской буржуазной революции, определения ее задач, «анализа ощущений идей и знаков» [6] именно того, что наполняет смыслом борьбу за качество человеческого бытия. Формирование понятия «национальная идея» в Европе XIX в. явилось реакцией на философскую концепцию абсолютного духа Гегеля и то, что каждый народ имеет свое предназначение в мировой истории, свою миссию в пространстве философской истории. Обращение к его наследию связано с современным прочтением диалектики и концептуальным анализом понятий «национальная идея» и «гражданское общество».

Национальная идея основывается на фундаментальных мировоззренческих установках психологии обыденного сознания, культуры, исторической памяти народа, она связана со способностью людей делить жизненное пространство по принципу «свой» и «чужой». Национальная идентичность человека начинается с осознания национальных или родственных признаков, имеющих большее преимущество перед другими.

Гражданское общество не является случайным феноменом в социальной истории, оно ее динамичное состояние, обеспечивающее баланс интересов и сил в процессе достижения общественного консенсуса, обеспечиваемого Конституциями и конституционным правом. Гегель, подчеркивая неразрывное единство личности и общества, полагал, что конкретный человек является основой гражданского общества. Указывая на их единство, он писал, что они «существуют лишь друг для друга и посредством друга. Способствуя осуществлению моей цели, я способствую осуществлению всеобщего, а последнее в свою очередь способствует осуществлению моей цели» [4, с. 212–213]. Такой подход позволяет выявить концептуальные основы категории гражданское общество в плоскости социально-философского знания. Исследование категорий «национальная идея» и «гражданское общество» другими средствами, например, религии, морали, политики и т. д. приводит к социальным утопиям. Так как формируясь из множества межличностных отношений, социальных институтов, информационных и других факторов, идеи, отражающие интересы народа, способны стать основой консенсуса между гражданами и государственной властью.

В современной науке сложилась структура уровней научной методологии, включающая философско-гносеологический, логический, общенаучный и другие методы, благодаря которым установлено, что формирование политических предпочтений, выбор духовно-нравственных идеалов и ценностей связан не только с историческими, социально-культурными, политическими, религиозными и иными факторами, но и обыденными представлениями, в рамках которых живут и действуют люди. Метод предполагает взаимосвязь операций,

объединенных в логичную систему, приводящую к решению поставленных задач и намеченной цели познания. Посредством метода индукции, дедукции, наблюдения, моделирования, эксперимента и т. д. выявлено, что в зависимости от того, как выстраивается система ценностных предпочтений, так она и обосновывается в теории, философии, законодательстве, политике и праве государства. Методологической основой исследования категорий «национальная идея» и «гражданское общество» явились исторический, диалектический, сравнительно-правовой и другие методы, позволившие обосновать положение, что достижение консенсуса между обществом и государством реализуется на основе принципов конституционного права, закрепляющего права и свободы человека.

Историко-правовой метод позволил обосновать смену национально-идеологических концепций, существовавших в истории Российского государства и права, берущих свое начало от религиозной доктрины христианства и утверждения его морально-нравственных ценностей на государственном уровне в Х в. до «Москва – Третий Рим», обосновывавшей имперскую миссию российского самодержавия, имманентного самосознанию русского народа, не мыслящего себя вне его. Кризис средневекового схоластического мировоззрения в XVII веке стал одной из причин смены культурного кода, потребовавшей нового, отличного от православного обоснования правомерности государственной власти и соответствующей ей идеологии. Точкой отсчета стала теория европейских просветителей о единстве интересов государя и его подданных, для обеспечения которых монарху необходима неограниченная власть. Теория божественного происхождения верховной власти была дополнена теорией естественного права и общественного договора, ставших идеологией просвещенной монархии.

В реалиях Российской империи национальная идея французской буржуазной революции не получила поддержки, хотя и не имела искусственного характера. Ответом ей явилась разработанная в Российской империи 20-х гг. XIX в. консервативная теория С.С. Уварова, получившая название официальной народности: православие, самодержавие и народ.

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Были и другие концепции, прекратившие свое существование вместе с Российской империей. После прекращения существования СССР была утрачена и идея о светлом будущем коммунизма. В условиях социокультурных, идеологических, политических и других расколов образовались лакуны, т. е. пробелы, требующие их заполнения, что стало одной из задач концептуального анализа категорий национальная идея и гражданское общество в контексте социально-философского знания.

Формирование национальной идеи является сложным и ответственным процессом, требующим прогнозирования как возможных рисков общественного развития, так и причин его нестабильности. На основе прогнозистического анализа сделан вывод, что одной из причин появления в Конституции РФ ст. 13, устанавливающей идеологическое многообразие и запрет на «любую идеологию в качестве государственной или обязательной» [8], явились дискуссии о содержании национальной идеи и ее необходимости вообще, поскольку она может иметь различные смыслы, приводящие к противостоянию между гражданами. Так, В. Соловьев считал, что православному русскому народу присуща мистическая идея «всеединства»; его оппонент В. Иванов – «вселенского служения»; для А.С. Хомякова, представителя русской религиозной философии, «соборность» – это единство множества народов, взаимная любовь и свобода; идею «русского созерцающего сердца» как духовной народной общности предлагал И.А. Ильин; идея «коммунарности (коллективизма) братства людей и народов» Н.А. Бердяева отражает готовность русских людей сопереживать чужим бедам и откликаться на них, даже если они далеки национальным интересам и другие, продолжающие актуализацию идей христианства.

При разнообразии содержания национальной идея включает ряд общих положений, таких как:

- осознание национальной идентичности и самоидентичности, закрепленное в психологии большинства населения как способность отличать себя от других;
- экзистенциальное обоснование миссии своей нации и ее соотнесение со смыслом жизни человечества в целом;

– национальные идеалы, обеспечивающие историческое единство прошлого, настоящего и будущего народа и государства;

– идеи организации социума, передаваемые в зависимости от степени развитости общественного сознания с минимальным искажением их смысла и другие.

В преамбуле Конституции РФ сформулированы сущностные характеристики современной российской национальной идеи. К ним относят «память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость», «гражданский мир и согласие» [8], соответствующие общечеловеческим ценностям. Кроме того, указанные положения становятся точкой бифуркации, которая дает начало новым нелинейным направлениям развития национальной идеи русского народа в будущем.

Обзор широкого спектра мнений, связанных с поиском формулы национальной идеи, приводит иногда к мысли, что это задача почти нереальная. Но в процессе ее поиска В. Соловьев писал, что «...ни один народ не может жить в себе, через себя и для себя, но жизнь каждого народа представляет лишь определенное участие в жизни человечества. Органическая функция, которая возложена на ту или иную нацию в этой вселенской жизни, – вот ее истинная национальная идея, первично установленная в плане Бога» [10, с. 220]. В обществе, разграниченном не по принципу справедливости, а по иным основаниям, вряд ли возможно одинаковое понимание содержания принципов прав и свобод и, следовательно, содержания идеологии. Так, Н.А. Бердяев считал, что «русской идеей является построение на Земле «совершенного христианского социума» [1, с. 208]. Тем самым он акцентировал внимание на религиозной идеологии, которая, по его мнению, является единственным способом построения православного и суверенного государства. Но в многонациональной и поликонфессиональной России практически невозможно объединение последователей различных религий, поскольку для этого потребуются как минимум пересмотр содержания их религиозных доктрин, так и желание понять друг друга, что трудно и практически невозможно. Именно различия делают их самобытными, и если их не будет, то они утратят

своих последователей, поскольку людям свойственно выбирать.

Гегель указывал, что началом формирования народа является «дух, создающий из себя наличный действительный мир, который в данное время держится и существует в своей религии, в своем культе, в своих обычаях, в своем государственном устройстве и в своих политических законах, во всех своих учреждениях, в своих действиях и делах. Это есть его дело – это есть этот народ» [5, с. 78]. Национальный интерес как осознание своей уникальной национальной идентичности формируется через обособление, а нередко и противопоставление другим национальностям, их культуре. Не следует игнорировать и то, что национальная идея может стать причиной нарушения прав человека, привести к межнациональным конфликтам, повлечь за собой национализм, нацизм, но это уже другая проблема.

В социальной философии гражданское общество рассматривается как форма реализации общественного договора, заключенного гражданами с государством посредством своих представителей, инициативных групп, общественных организаций, политических партий и т. д. по поводу разделения полномочий и функций между ними по решению стоящих задач. В процессе перехода от социально-философской теории к практике общественной жизни, выступающей критерием истины, наличие гражданского общества вообще не отрицается ни наукой, ни участниками политических процессов. Поэтому на первый план выдвигается задача создания социально-философской концепции гражданского общества с целью реализации в государственно-политической практике, связанной с национальной идеей по сохранению народонаселения, самобытности нации, этносов и т.д.

Определяя материалистическую природу идеологии, К. Маркс и Ф. Энгельс доказали, что «идеи, господствующие в мире, идеи и понятия она (идеология) считает определяющими принципами, а мысли таинством материального мира...» [9, с. 12]. Оказывая влияние на содержание политической и социальной жизни, идеология становится предметом исследования целого ряда наук, включая социальную философию. В условиях политических, экономических и других конфликтов

идеологическое их сопровождение обычно оказывается завуалированным, поэтому национальная идея не находит достаточной поддержки в общественном сознании и может быть даже утраченной. М. Бэнкс, писал, что «...распространение числа людей, пользующихся Интернетом, ведет к тому, что начинают разрушаться традиционные представления морали, делаются неэффективными правовые нормы» [2, с. 35]. Поэтому в условиях неопределенности, неустойчивости и одновременно унификации жизни человека в информационном обществе не может быть достигнуто равновесие между социализацией и персонализацией как движущих сил общественного прогресса.

В исследовании «Идеология и утопия» К. Маннгейм пишет, что идеологические доктрины не являются социальной реальностью, они скорее «утопия», не влияющая на социальные процессы. Однако указанное утверждение не раз опровергнуто историей, например, концепцией прав и свобод человека, сформулированной философией Просвещения и Нового времени. Принципы ее до настоящего времени содержатся во Всеобщей декларации прав человека ООН (1948 г.) и Конституциях большинства демократических государств. Французская Декларация прав и свобод человека и гражданина (1789 г.) является отражением национальной идеи государства о правовом равенстве граждан перед законом и судом, презумпции невиновности, обязанности соблюдать законы, платить налоги и т. д. До настоящего времени с дополнениями и изменениями ее положения содержатся в конституциях большинства демократических государств. Понимание идеологии, как ложного знания, полученного извращенным сознанием, берет начало в творчестве Ф. Бэкона – основоположника эмпирической философии об идолах разума.

Наиболее яркое отражение идеалистические и религиозные концепции, считавшиеся близкими менталитету большинства русского народа, нашли в идеологии консерватизма, отвергавшего радикальные политтехнологии типа революций. Так, Б.А. Кистяковский в статье «В защиту права» писал, что идеи христианского государства, выполнив свою историческую миссию, будут заменяться буржуазны-

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

ми правами и свободами, идеями равенства и братства [7, с. 122]. В настоящее время в РФ они приобрели значение национальной идеи, а в Европе сведены к принципам буржуазного права и рыночной экономики. В то же время не исключается идея, что «человек – это целый мир», поэтому его мышление может быть «совершенно свободно от каких бы то ни было идеологий» [11]. Идеи и лозунги буржуазных европейских революций XIX в. стали для российских философов примером формирования национальной идеологии, но не в полном объеме, что, впрочем, не означало ее искусственного характера. Б.А. Кистяковский писал: «...основу прочного правопорядка составляет свобода личности и ее неприкосновенность... Но именно тут мы констатируем величайший пробел, так как наше общественное сознание никогда не выдвигало идеала правовой личности. Обе стороны этого идеала – личности, дисциплинированной правом и устойчивым правопорядком, и личности, наделенной всеми правами и свободно пользующейся ими, чужды сознанию нашей интеллигенции» [7, с. 128]. Национальная идея, выраженная через права, свободы и обязанности граждан, приобретала потенциал, необходимый для развития институтов российского гражданского общества и правового государства, что остается актуальной проблемой до настоящего времени.

Русские либералы восприняли идеологемы капиталистического общества через европейские философские школы, в которых все значимые моменты новых общественных отношений обосновывались с позиций свободных рыночных отношений. М.И. Туган-Барановский считал свободу высшей ценностью социума, которая, по его мнению, «...никогда не наступит, ибо нельзя созреть до свободы, не будучи предварительно свободным» [11, с. 26]. В то время именно эти идеи явились основой реформирования российского государства как традиционного с устойчивым балансом общественных интересов. Российская национальная идея формировалась в плоскости национальной истории и культуры, самоидентификации, православных и экзистенциальных переживаний о миссии русского народа и его роли в историческом времени и пространстве. В. Соловьев справедливо отмечал, что «идея нации есть не то, что она сама думает о себе во вре-

мени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [10, с. 81]. Позитивное значение национальной идеи заключается в том, что, опираясь на духовный потенциал народа, его ментальность, она определяет цели и задачи, стоящие перед гражданским обществом и правовым государством.

Установлено, что категории «национальная идея» и «гражданское общество» являются общественным идеалом, в основе которого лежит принцип свободы, когда свобода каждого человека становится совместимой со свободой всех. Во-вторых, гражданское общество тесно связано с правовым государством как итогом естественно-исторического развития, поэтому теоретическое осмысление этого находит отражение в национальной идее, способствующей реализации принципа устойчивого общественного развития. В-третьих, конкуренция, существующая во всех сферах общественной жизни, в национальной идее приобретает характер социальной гармонии между гражданами, гражданским обществом и государством. В-четвертых, национальная идея не всегда объединяет граждан, так как при определенных условиях она может стать причиной дополнительных противоречий, приводящих к различным конфликтам. Предположение, что познание сущности категорий национальная идея и гражданское общество в контексте социальной философии разрешит проблемы, связанные с их взаимоотношениями, является идеализированным, скорее это рассуждения о должном, но не о сущем, т. к. нет согласия между ними о причинах и движущих силах происходящих изменений, поэтому требуются их дополнительные исследования.

Концептуализация категорий «национальная идея» и «гражданское общество» обретает особую актуальность в периоды политических перемен и поиска общественных ориентиров... с целью «сделать жизнь общества человеческой, а человека общественным» [3, с. 187]. Миссия гражданского общества отличается от институтов народовластия тем, что она заключается в ограничении государственного присутствия в ряде сфер общественной и личной жизни граждан, корректировке его долгосрочной политики, укреплении системы сдержек и противовесов с целью ограничения политических амбиций государства.

Список источников

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж, 1946.
2. Бэнкс М. Психи и маньяки в Интернете: руководство по выживанию в киберпространстве / Пер. Э. Добиной. СПб., 1998.
3. Волкогонова О.Д. Образ России в философии русского зарубежья / М., 1998.
4. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. М., 1937. Т. 7.
5. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. М., 1970. Т. 1.
6. Де Траси Д. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / Пер. с фр. Д.А. Ланина. М., 2013; Иванова А.С. Начала «Идеологии». Антуан Дестю де Траси и его наука об идеях // Вопросы философии. 2013. № 8.
7. Кистяковский Б.А. В защиту права // Сборник Вехи. М., 1991.
8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., текст, опубликованный на официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013> (дата обращения: 07.01.2023).
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 3.
10. Соловьев В.С. Русская идея. Соч. в 2 т. М., 1989. Т. 2.
11. Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему: сборник социально-философских произведений. М., 1996.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ромадькина Виталия Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры философии. ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского». Российская Федерация, Донецкая народная республика, г. Донецк, ул. Щорса, 31.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Romadykina Vitaliya Sergeevna, PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy. Donetsk National University of Economics and Trade named after M. Tugan-Baranovsky. 31, Shchorsa ud., Donetsk People's Republic, Donetsk, Russian Federation.

References

1. Berdyaev N.A. The Russian idea. The main problems of Russian thought of the XIX century and the beginning of the XX century. Paris, 1946.
2. Banks M. Psychos and maniacs on the Internet: a guide to survival in cyberspace. Dobina. St. Petersburg, 1998.
3. Volkogonova O.D. The Image of Russia in the philosophy of the Russian abroad / M., 1998.
4. Hegel G.V.F. Essays. Moscow, 1937. Vol. 7.
5. Hegel G.V.F. Works of different years: in 2 t. M., 1970. Vol. 1.
6. De Tracy D. Fundamentals of ideology. Ideology in the proper sense of the word / Trans. from fr. D.A. Lanina. M., 2013; Ivanova A.S. The Beginnings of «Ideology». Antoine Destu de Tracy and his Science of Ideas // Questions of philosophy. 2013. № 8.
7. Kistyakovsky B.A. In defense of the right // Collection of Milestones. Moscow, 1991.
8. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993, the text published on the official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru), October 6, 2022, which includes the new subjects of the Russian Federation – the Donetsk People's Republic, the Luhansk People's Republic, the Zaporozhye Region and the Kherson region. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013> (accessed: 07.01.2023).
9. Marx K., Engels F. Essays. 2nd ed. M., 1955. Vol. 3.
10. Solovyov V.C. The Russian idea. Soc. in 2 vols. M., 1989. Vol. 2.
11. Tugan-Baranovsky M.I. Towards a Better Future: a collection of socio-philosophical works. M., 1996.

КРИТИКА УНИВЕРСАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Топилина Анна Васильевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, spring6@yandex.ru

Введение: последние годы стали временем переформатирования сложившейся после развала СССР однополярной системы в пользу многополярности, что влечет за собой отказ от исключительно европоцентристского понимания содержания прав человека. Идеи равенства, прав и свобод, лежащих в основе концепции прав человека, не являются универсальными. Некоторые культурные и религиозные системы имеют в своей основе жесткую субординацию, сословное расслоение, покорность, превалирование долга над свободой, коллективистских начал над индивидуалистскими, что делает невозможной саму идею реализации прав человека в их классическом, западноевропейском понимании. Целью настоящего исследования является критика универсалистского подхода к пониманию сущности и содержания прав человека в пользу культурно-релятивистского подхода.

Материалы и методы: в процессе исследования применялись различные общенаучные и частнонаучные методы, которые традиционно используются в гуманитарных науках. Так, диалектический и формально-логический методы обеспечили всесторонность изучения социальных систем и явлений, имеющих содержательное значение для формирования представлений о правах человека в отдельных государствах и культурных регионах. Применение цивилизационного подхода сделало возможным вычлнить цивилизационные типы, формирующие собственные представления о содержании прав человека, метод кросс-культурного анализа позволил сравнить содержание прав человека в различных социокультурных типах.

Результаты исследования: в исследовании описывается пять цивилизационных моделей прав человека: классическая (западноевропейская), исламская, индубуддийская, китайско-конфуцианская и африканская, каждая из которых обладает собственным пониманием места и значения личности в обществе, социальном и гражданском равенстве, правах и свободах человека. Указывается на влияние социально-экономического фактора на содержание прав человека в конкретной стране: страны с высоким ВВП делают акцент на реализации негативных, политических и гражданских прав, в то время как государства с нерешенными социально-экономическими проблемами основное внимание уделяют решению вопросов социального и экономического характера, т. е. позитивным правам человека. Помимо этого, на содержание прав человека влияет идеологическая составляющая: поскольку период правового оформления международной системы прав человека пришелся на период холодной войны, страны капиталистического и социалистического лагерей представили разные подходы к пониманию содержания прав человека, которые должны реализовываться в государствах-носителях той или иной идеологии.

Выводы и заключения: по итогам исследования обоснован вывод о несостоятельности универсалистской концепции в реализации прав человека, что представляется особенно актуальным в современном мире, стремящемся к многополярности. Сформулированные выводы могут быть применены в научной и образовательной деятельности, а также в формировании убеждения в том, что отказ от универсализма в форме европоцентризма в пользу культурно-релятивистского понимания социальных реалий является шагом на пути к складыванию многополярного мира.

Ключевые слова: права человека, универсализм, культурный релятивизм, цивилизационный подход, негативные права, позитивные права.

Для цитирования: Топилина А. В. Критика универсализма в контексте цивилизационной детерминированности содержания прав человека / А. В. Топилина // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1 (104). – С. 140–147.

CRITICISM OF UNIVERSALISM IN THE CONTEXT OF THE CIVILIZATIONAL DETERMINISM OF THE CONTENT OF HUMAN RIGHTS

Topilina Anna Vasilyevna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: recent years have become a time of reformatting the unipolar system that developed after the collapse of the USSR in favor of multipolarity, which entails the rejection of an exclusively Eurocentric understanding of the content of human rights. The ideas of equality, rights and freedoms underlying the concept of human rights are not universal. Some cultural and religious systems are based on rigid subordination, class stratification, obedience, the prevalence of duty over freedom, collectivist principles over individualist ones, which makes the very idea of the realization of human rights in their classical, Western European understanding impossible. The purpose of this study is to criticize the universalist approach to understanding the essence and content of human rights in favor of a cultural-relativistic approach.

Materials and methods: various general scientific and private scientific methods, which are traditionally used in the humanities, were used in the research process. Thus, dialectical and formal-logical methods have provided a comprehensive study of social systems and phenomena that have meaningful significance for the formation of ideas about human rights in individual states and cultural regions. The application of the civilizational approach made it possible to isolate civilizational types that form their own ideas about the content of human rights, the method of cross-cultural analysis made it possible to compare the content of human rights in various socio-cultural types.

Results of the research: the study describes five civilizational models of human rights: classical (Western European), Islamic, Indo-Buddhist, Chinese-Confucian and African, each of which has its own understanding of the place and importance of the individual in society, social and civil equality, human rights and freedoms. The influence of the socio-economic factor on the content of human rights in a particular country is indicated: countries with high GDP focus on the implementation of negative, political and civil rights, while States with unresolved socio-economic problems focus on solving issues of a social and economic nature, i.e. positive human rights. In addition, the content of human rights is influenced by the ideological component: since the period of legal formation of the international human rights system fell during the Cold War, the countries of the capitalist and socialist camps presented different approaches to understanding the content of human rights that should be implemented in the States with a particular ideology.

Conclusions: based on the results of the study, the conclusion about the failure of the universalist concept in the realization of human rights is substantiated, which seems especially relevant in the modern world striving for multipolarity. The formulated conclusions can be applied in scientific and educational activities, as well as in the formation of the belief that the rejection of universalism in the form of Eurocentrism in favor of a culturally relativistic understanding of social realities is a step towards the formation of a multipolar world.

Keywords: human rights, universalism, cultural relativism, civilizational approach, negative rights, positive rights.

For citation: Topilina A. V. Kritika universalizma v kontekste tsivilizatsionnoy determinirovannosti soderzhaniya prav cheloveka [Criticism of universalism in the context of the civilizational determinism of the content of human rights]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 2023. № 1 (104). P. 140–147.

Необходимо помнить о диалектике общего и особенного, изучая общество. С одной стороны, с точки зрения эволюционистов, общество постоянно усложняется, порождая новые формы социальных связей и новые феномены общественной жизни. При этом законы развития общества воспроизводятся и формируют схожие закономерности. С другой стороны, общества развиваются с разной скоростью и на разных базисах: одни общества характеризуются нали-

чием развитой экономики, основанной на использовании энергоресурсов, другие – продолжают вести присваивающее хозяйство. Подобная дифференциация в XIX в. привела к формированию в западноевропейских странах идеологии и философии европоцентризма, в рамках которой все известные на тот момент цивилизации выстраивались вдоль шкалы общественно-экономического развития, вершиной которой являлись западноевропейские страны.

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

В качестве реакции на европоцентризм сформировался цивилизационный подход к изучению общества, представители которого (А. Тойнби, О. Шпенглер, Н. Данилевский и др.) указывали, что не существует никакого общества в целом, нет единой эволюционной шкалы, в рамках которой Европа вырвалась вперед, а другие страны отстают, но существует множество конкретных обществ с их уникальными характеристиками, которые существуют и развиваются, исходя из внутренних потребностей и духовных ценностей.

Цивилизационный подход указывал на равноценность каждого цивилизационного типа и невозможность формирования некоего рейтинга социальных систем. Однако долгое время цивилизационный подход существовал лишь в гуманитарных науках – истории, культурологии, культурной антропологии и т. п. Период холодной войны поставил перед государствами социалистического, и в особенности капиталистического, лагеря задачу распространения своих идей и идеологий, и это стимулировало исследование возможностей различных культурных типов к принятию новых идей, что спровоцировало, в свою очередь, представления о существовании различных типов политических культур и заставило обратить внимание на цивилизационные различия. В реализации прав человека также важно учитывать цивилизационный подход, поскольку то, что, с точки зрения классической модели прав человека, является нарушением, с позиций конкретной культуры может являться традицией и культурной нормой, что, в частности, относится к ограничениям передвижения и свободы самовыражения женщин в исламском мире.

В процессе исследования применялись различные общенаучные и частнонаучные методы, которые традиционно используются в гуманитарных науках. Так, диалектический и формально-логический методы обеспечили всесторонность изучения социальных систем и явлений, имеющих содержательное значение для формирования представлений о правах человека в отдельных государствах и культурных регионах. Применение цивилизационного подхода сделало возможным вычленивать цивилизационные типы, формирующие собственные представления о содержании прав человека, метод кросс-культурного анализа позволил сравнить содержание прав человека в различных социокультурных типах.

В исследовании содержательных проблем существования различных государств и культур на сегодняшний день сложились две концепции: универсалистская, опирающаяся на ценности современной западной демократии и либерализма как на основополагающей и необходимые к распространению и воспроизводству во всем мире, и культурно-релятивистская, указывающая на самобытный характер различных цивилизаций и невозможность их универсализации.

Несмотря на то что, с точки зрения международного права, все государства в мире являются равноправными участниками мирового политического процесса, глобализационные процессы, происходящие в XX в. в экономической, политической и духовной сфере, поставили мир перед необходимостью решения мировых, равнозначимых для всех государств проблем экологического, экономического и политического характера. В такой ситуации снова (как в период расцвета европоцентристских идей) возникла необходимость типизировать государства и общества – к примеру, с целью оказания им экономической помощи. Кроме того, были предприняты попытки создать международные договоры и соглашения, которые могли бы обеспечить общее правовое поле для решения возникающих политических и правовых проблем.

Несомненно, важнейшим и имеющим определяющее значение в процессе формирования всеобщих правовых норм шагом было создание Организации Объединенных Наций, которая остается крупнейшей международной структурой (на сегодняшний день имеет 193 государства-члена). Целью создания ООН в 1948 г. было предотвращение войны и формирование нового мирового порядка на основаниях равенства всех государств и народов. В преамбуле Устава ООН говорится: «Мы, народы Объединенных Наций, в полной решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимую горе, стремимся вновь утвердить веру в основные права и свободы человека» [4].

Соблюдение прав и свобод человека стало одним из основных направлений деятельности ООН, однако обнаружилось, что, несмотря на то, что права человека носят всеобщий, неотчуждаемый и неделимый характер, в разных

регионах мира они наполняются различным содержанием в зависимости от уровня социально-экономического развития и принадлежности к определенному цивилизационному типу. Таким образом, мы наблюдаем диалектическую взаимосвязь универсализма и культурного релятивизма. Однако, с нашей точки зрения, очевидно, что культурный релятивизм в качестве методологического подхода демонстрирует большую жизнеспособность, оперируя понятиями «цивилизация» и «цивилизационный подход». Как указывает Е.А. Кашина, «цивилизации и цивилизационный подход применительно к правам человека представляет собой «безоценочную категорию, выражающую образ жизни и менталитет того или иного народа, способный придавать поступкам как рациональные, так и иррациональные формы» [9].

Учеными выделено пять основных цивилизационных моделей прав человека: западная (классическая), исламская, конфуцианско-китайская, индо-буддийская и африканская [7].

В странах Западной Европы и США сложился тип мышления и мировоззрения, основанный на индивидуализме, либерализме и демократии. В основе восприятия прав человека лежит естественно-правовая концепция, согласно которой права человека принадлежат ему от рождения, они неотчуждаемы и абсолютны. Права человека в классической модели – это, прежде всего, гражданские и политические права. Признавая человека активным творцом собственной жизни, права человека ограничивают произвол государства и предоставляют человеку в западном обществе многообразие свобод. Считается, что Российская Федерация также принадлежит к классической цивилизационной модели прав человека, хотя необходимо отметить, что скорее будет иметь место смешанный тип.

Здесь важно подчеркнуть, что в структуре прав человека выделяются позитивные и негативные права. Негативные права ограничивают вмешательство в жизнь индивида государства и других людей. К ним относятся право на жизнь, свободу и безопасность личности, право на неприкосновенность жилища, свободу совести, печати, передвижения и др. Позитивные права обязывают государство предоставлять индивиду необходимые блага, например, право на образование, охрану здоровья, достойный уровень жизни и т. п. В отли-

чие от негативных прав, которые основаны на невмешательстве, позитивные права требуют от государства вложения значительных ресурсов и усилий.

В то же время, анализируя закрепленный в конституциях различных стран комплекс прав человека, мы можем обратить внимание на то, что в зависимости от уровня социально-экономического развития на первый план могут выходить позитивные или негативные права. В случае с классической цивилизационной моделью прав человека негативные права лежат в основе представления о реализации прав человека.

Исламская модель прав человека основана на религиозной концепции и исламском законе – шариате. Исламская религия не предполагает развитого индивидуализма и направлена на формирование религиозной совести и нравственных ценностей. Права человека представлены с точки зрения позитивных прав, т. е. обязанностей государства защищать интересы мусульман. В статье 26 Основного закона Саудовской Аравии мы читаем: «Государство защищает права человека в соответствии с исламским шариатом» [7]. В исламской правовой доктрине права и обязанности тесно переплетены. Негативные права не имеют значительного распространения, поскольку обязанности человека в исламе имеют большее значение, чем права и свободы [5].

Китайско-конфуцианская модель прав человека также ставит интересы коллектива выше индивидуальных. Она опирается на позитивистскую концепцию прав человека, в которой права человека не даны ему от рождения, а являются результатом правотворчества государства. Китайская этика права не дифференцирует отдельные права и отдельные обязанности, базовая обязанность всегда порождает право. Обязанность носит характер полномочия, одновременно являясь правом человека. Поэтому в китайском праве более корректно говорить о наличии единых «правообязанностей» [7]. На первый план выдвигаются позитивные права – право на труд, образование, охрану здоровья и т. п. [1].

В рамках индо-буддийской цивилизационной модели права большое значение уделяется запрету дискриминации граждан. Учитывая, что Индия является страной с многовековой историей и традициями жесткого кастового

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

разделения общества, в последние десятилетия государство предпринимает попытки законодательно закрепить доступ представителей всех каст к основным гражданским и политическим правам. Кастовое деление закреплено на законодательном уровне, однако в ст. 17 Верховного закона Индии неприкасаемость и вовсе упраздняется, а любая ее практика признается преступлением [7]. Также большое значение в системе защиты прав и свобод уделяется женщинам и детям как слабым слоям населения индийского общества наряду с некоторыми кастами и племенами.

Африканская цивилизационная модель прав человека обусловлена коллективистскими традициями населения африканских стран. Традиционные общества характеризуются наличием обычного права, в котором многие права и обязанности носят не индивидуальный, а групповой характер, принадлежа семье или роду. В рамках подобного цивилизационного типа не может функционировать традиционное представление о равенстве, поскольку общество основано на иерархии, включая подчинение женщины мужчине. Интересен опыт африканских стран в области защиты прав человека в контексте принятия Африканской хартии прав человека и народов в 1981 г. На встрече глав государств – членов Организации африканского единства были приняты основные негативные права, характерные для классической модели: право на жизнь, право на неприкосновенность личности (ст. 4), право на равенство перед законом (ст. 3), право на достоинство личности (ст. 5), право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 6), право на свободу передвижения (ст. 12), право на участие в государственном управлении (ст. 13), право на свободу совести и религии (ст. 8) [3]. Однако результат подобного цивилизационного скачка был ничтожным: общества, традиционно живущие традиционным укладом с преобладанием коллективной психологии, в большинстве своем не восприняли идею индивидуальных прав человека.

Таким образом, мы видим, что политические и правовые идеи не универсальны. Их принятие и трансформация во многом зависят от преобладающего типа культуры, традиций, религии, образа жизни. Споры между универсалистами и культурными релятивистами дают возможности оценить преимущества и недос-

татки каждого подхода, так же как их ангажированность: претензии на универсализм принадлежат, как правило, представителям западноевропейских демократий, в то время как формирование многополярного мира снова актуализирует дискурс культурного релятивизма.

Помимо цивилизационной составляющей, рассмотренной выше, конкретное наполнение прав человека в различных обществах зависит также от социально-экономических условий, что, в свою очередь, зачастую игнорируется представителями классической западноевропейской модели прав человека.

Учитывая, что местом зарождения Всеобщей декларации прав человека был западный мир, конкретное содержание прав человека, которые должны были быть распространены во всех государствах, формулировалось, исходя из объективных реалий конца Второй мировой войны и реализовывало в основном негативные права: право на жизнь, свободу, неприкосновенность, свободу передвижения, презумпцию невиновности и др., а также политические права, принадлежащие гражданам конкретных государств. Права человека дополнились новым содержанием, отражающим региональные реалии. В настоящее время в дискурсе прав человека активно используется концепция «поколений» прав человека: к первому поколению принадлежат гражданские и политические права («права свободы»), ко второму – экономические, социальные и культурные права («права равенства» – право на труд; право на отдых; право на социальное обеспечение; право на жилище; право на достойный уровень жизни; право на охрану здоровья, право на образование, право на творчество и др.); и к третьему – коллективные права («права солидарности» – право на безопасную окружающую среду, право доступа к информации).

Таким образом, права первого поколения – это негативные права, а права второго поколения – позитивные права, и актуализируются они в тех регионах или государствах, где существует угроза их реализации.

Однако говоря о регионализации или о цивилизационном подходе, необходимо помнить о том, что схожесть цивилизационного типа вовсе не влечет автоматически схожести образа жизни. Так, христианство является мировой религией, к числу его адептов принадлежит треть населения Земли. Однако страны,

в которых большинство традиционно исповедует христианство, реализуют различные комплексы прав человека, например, католическая Испания и католическая Латинская Америка. Социально-экономическое положение стран Латинской Америки таково, что их правовые системы концентрируются на реализации позитивных прав, в то время как европейские государства реализуют негативные права [14].

В целях регионализации, дифференциации и структуризации мировым сообществом были разработаны концепции «трех миров» в их разнообразии, а также деление на развитые и развивающиеся страны. Основанием для деления в последнем случае послужил уровень развития рыночной экономики, демократии, социальных программ и гарантий прав человека. Развитые страны объединяются в ОЭСР – Организацию экономического сотрудничества и развития. Как указывает Е.А. Кашина: «Деление мира на центр и периферию согласно И. Валлерстайну создает условия фактического правового неравенства между гражданами развитых и развивающихся стран, рождает вопросы о разнице стандартов потребления. [...] О важности экономического фактора свидетельствуют сведения Программы ООН в области развития (ПРООН), согласно которым «пятая часть населения развивающихся стран ложится с чувством голода, четвертая часть не имеет возможности удовлетворить свою потребность в очищенной воде, третья часть живет в условиях ужасающей нищеты», что рождает первостепенную потребность в реализации социально-экономических прав населения, проживающего в беднейших регионах мира» [9]. Следствием подобной ситуации является опора на позитивные права в реализации прав человека, в то время как политические и гражданские права человека остаются на периферии общественного внимания.

Помимо разницы в социально-экономическом развитии, на содержание прав человека повлияла идеологическая составляющая. Биполяризация мира периода холодной войны и четкое разделение на страны капиталистического (наиболее развитые) и социалистического (менее развитые) блока привело к поляризации представления о правах человека, результатом которых стало создание в 1966 г. двух международных пактов – «По социально-экономическим и культурным правам» и

«По политическим и гражданским правам». Западные страны с длительной либеральной философской традицией сконцентрировались на реализации негативных прав, в то время как страны социалистического блока, среди которых оказалось много развивающихся стран, стремились реализовать позитивные права. На основе двух международных пактов были созданы два из 10 комитетов ООН по правам человека, которые закрепили дуалистичность мировых подходов к правам человека на институциональном уровне: «Комитет по социальным и экономическим правам», который заработал в 1985 г., и «Комитет по правам человека» – начал функционировать в 1976 г. [9].

Однако будет преждевременным считать, что все страны западного мира разделяют подход к правам человека как к негативным правам. Так, Е.А. Кашина пишет: «Ряд европейских государств является активными сторонниками позитивных прав человека, что на практике воплощается в модели государства всеобщего благоденствия или социального государства. Гёста-Эспинг Андерсен в своей работе «Три мира капитализма» разделил европейские государства на страны с либеральной, консервативной и социал-демократической моделями, отражающие в себе разницу подходов к социально-экономическим правам в западном мире» [9].

В то же время пять описанных выше цивилизационных моделей прав человека: западная (классическая), исламская, конфуцианско-китайская, индо-буддийская и африканская, в свою очередь, могут внутренне дифференцироваться или, напротив, объединяться по отдельным принципам. Как любая классификация, типологизация всего культурного разнообразия мира выполняет лишь методологическую функцию, не отражая всего плюрализма социокультурных, политических и экономических аспектов жизни.

Российская и латиноамериканская модели являются смешанными, сочетая в себе признаки разных цивилизационных типов: в современном российском представлении о правах человека мы можем видеть четкий след советского понимания прав человека, где акцент ставился на развитии человеческого потенциала, который сочетается с негативными правами человека. В советском блоке политические, гражданские и социально-экономические

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

права представляли собой единое целое. В то же время практика современного российского законодательства демонстрирует, что государство ограничивает негативные права человека в связи с угрозами общему благу, хотя Россия принадлежит к классической модели реализации прав человека [9].

Страны Латинской Америки, несмотря на то что принадлежат к группе развивающихся государств, уделяют внимание как социально-экономическим правам человека, так и гражданским и политическим. Особенно остро стоит вопрос гендерного равенства, нехарактерный, к примеру, для России [13]. Кроме того, представители организаций, защищающих права человека, указывают на формальный характер демократии и остатки колониализма в политической сфере, которые мешают развиваться всему комплексу прав человека.

Таким образом, рассмотрение прав человека исключительно с позиций универсализма представляется неверным. В рамках культурного релятивизма также существует определенная методологическая неоднозначность, связанная с разнообразием цивилизаций и невозможностью выделить четкие «идеальные типы». Маятниковые колебания в содержании

прав человека от универсализма к культурному релятивизму связаны с политической конъюнктурой: в ситуации биполярного мира биполяризируются концепции прав человека, в ситуации многополярного мира концепции плюрализируются, а в ситуации монополярного мира представления о правах человека универсализируются.

Настоящее исследование обращает внимание на невозможность универсализации требований, предъявляемых к содержанию и реализации прав человека в различных регионах мира. Несомненно, существуют базовые права человека (право на жизнь и неприкосновенность), борьба с нарушением которых должна стать задачей любого государства. Однако следует обратить внимание на национальные Конституции и представления о правах человека, которые соответствуют социокультурным реалиям конкретных государств. Деятельность международных институтов по реализации прав человека не должна стремиться к универсализации мира по западноевропейскому образцу, а должна сосредоточиться на тех актуальных проблемах с нарушением прав и свобод, которые характерны для конкретных социальных систем, будь то позитивные права или негативные свободы.

Список источников

1. Ishida T. Japanese Political Culture Change and Continuity L, 1983. P. 70–71.
2. Donnelly J. ‘Cultural Relativism and Universal Human Rights’, Human Rights Quarterly, 6 (4). 1984.
3. Африканская Хартия прав человека и народов (принята на встрече глав государств – членов Организации африканского единства 26 июня 1981 года, вступила в силу 21 октября 1986 года). URL: https://www.concourt.am/hr/rus/inter/6_4.htm (дата обращения: 18.10.22).
4. Всеобщая декларация прав человека. [Утв. и провозглашена Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.]. М., 1993.
5. Всеобщая исламская декларация прав человека (принята по инициативе Исламского совета Европы и зачитана 19 сентября 1981 года в Париже). URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-01.htm (дата обращения: 18.10.22).
6. Грачев Н.И. Генезис и основное содер-

References

1. Ishida T. Japanese Political Culture Change and Continuity L, 1983. P. 70-71.
2. Donnelly J. ‘Cultural Relativism and Universal Human Rights’, Human Rights Quarterly, 6 (4). 1984.
3. The African Charter on Human and Peoples’ Rights (adopted at the meeting of the Heads of State of the Organization of African Unity on June 26, 1981, entered into force on October 21, 1986). URL: https://www.concourt.am/hr/rus/inter/6_4.htm (accessed: 18.10.22).
4. The Universal Declaration of Human Rights. [Approved and proclaimed by the UN General Assembly on December 10, 1948]. Moscow, 1993.
5. The Universal Islamic Declaration of Human Rights (adopted on the initiative of the Islamic Council of Europe and read out on September 19, 1981 in Paris). URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-01.htm (accessed: 18.10.22).

жание концепции прав человека с позиций цивилизационного подхода. // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. 2018. № 27. С. 1–23.

7. Дмитриевская Д.С. Цивилизационный подход к правам человека и конституционно-правовое отражение их основных моделей // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. С. 107–119.

8. Карташкин В.А., Лукашева Е.А. Международно-правовые стандарты прав человека: универсализм, регионализм, реалии // Государство и право, 2010. № 7. С. 37–45.

9. Кашина Е.А. Проблема универсальности концепта прав человека в условиях политического и культурного разнообразия современного мира // Вестник Пермского университета. Политология. Т. 14. № 3. 2020. С. 53–63.

10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 01.07.2020 № 1-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 03.07.2020. № 31. Ст. 4412.

11. Меркушев В. Н. Права человека в контексте культурных различий: сравнительный анализ современных политологических концепций. Екатеринбург, 2005.

12. Отыцкий Г.П. Свобода и права человека в культурологическом измерении // Социальная политика и социология. 2017. № 4. С. 183–191.

13. Топилина А.В. Специфика уголовного законодательства республики Сальвадор в области защиты прав женщин и борьбы с феминицидами. // Философия права. 2022. № 2. С. 41–47.

14. Шемякин Я.Г. Тема прав человека в контексте проблемы идентичности: латиноамериканские подходы // Латинская Америка. 2018. № 3. С. 5-19.

6. Grachev N.I. The genesis and main content of the concept of human rights from the standpoint of the civilizational approach. // Bulletin of the East Siberian Open Academy. 2018. № 27. Pp. 1-23.

7. Dmitrievskaya D.S. Civilizational approach to human rights and constitutional and legal reflection of their basic models // Issues of Russian justice. 2022. № 17. Pp. 107-119.

8. Kartashkin V.A., Lukashova E.A. International legal standards of human rights: Universalism, regionalism, realities // State and Law, 2010. No. 7. Pp. 37-45.

9. Kashina E.A. The problem of universality of the concept of human rights in the conditions of political and cultural diversity of the modern world // Bulletin of Perm University. Political science. Vol. 14. No. 3. 2020. Pp. 53-63.

10. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 01.07.2020 No. 1-FZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 03.07.2020. № 31. Article 4412.

11. Merkushev V. N. Human rights in the context of cultural differences: a comparative analysis of modern political science concepts. Yekaterinburg, 2005.

12. Otyutsky G.P. Freedom and human rights in the cultural dimension // Social policy and sociology. 2017. № 4. Pp. 183-191.

13. Topilina A.V. The specifics of the criminal legislation of the Republic of El Salvador in the field of protecting women's rights and combating feminicides. // Philosophy of Law. 2022. № 2. Pp. 41-47.

14. Shemyakin Ya.G. The topic of human rights in the context of the problem of identity: Latin American approaches // Latin America. 2018. № 3. Pp. 5-19.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

*Топилина Анна Васильевна, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.
ORCID ID 0000-0002-7811-3633*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Topilina Anna Vasilyevna, PhD in Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko str., Rostov-on-Don, 344015, Russian Federation.

**ИДЕЯ ВОСКРЕШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА
В ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ И ПРОЕКТЕ ТРАНСГУМАНИЗМА:
ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

Рожковский Виталий Борисович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
v-rozkovski@mail.ru

Введение: в современном обществе трансгуманизм является популярным футурологическим движением, претендующим определять ценности и ориентиры будущего развития человечества с опорой на перспективные достижения науки и внедрения в жизнь человека и социума прогрессивных технологий. В своем сущностном выражении трансгуманизм выступает в качестве нового мировоззрения, опирающегося на представление о возможности радикального усовершенствования человеческой природы, вплоть до преодоления фиксированных природных качеств и условий бытия личности, в особенности посредством научного эксперимента в крионике по заморозке тел умерших людей с целью их воскрешения в будущем. Реализация идеи воскрешения человека сопровождается здесь требованием переосмысления отношения к христианской традиции и ее ценностям, что порождает неизвестные ранее этико-правовые проблемы, требующие решения.

Материалы и методы: для исследования идеи воскрешения человека был проведен сравнительный анализ сложившихся подходов к ее обоснованию, оценке и практической реализации в христианской традиции, религиозной мысли, футурологической концепции трансгуманизма и практике крионики. Использовались метод исторического анализа, дескриптивный и проблемный подходы, позволяющие выявлять наиболее актуальные вопросы по исследуемой теме и их открытое теоретическое и практическое значение в области философской антропологии, этике и праве.

Результаты исследования: для обоснования возможности воскрешения человеческой личности в «земном» мире за счет восстановления жизнеспособности тела идеологи футурологического проекта трансгуманизма в рамках практики крионики опираются не на прямые, а на косвенные доказательства и гипотезы, приводя в качестве аргументов ссылки на отдельные достижения науки в плане сохранения жизнеспособности и регенерации отдельных человеческих тканей и органов и некие транспонируемые в будущее признаки вероятностных усовершенствований природы человека (воспроизведение личного сознания в оживленной части тела благодаря сохранению нейронной памяти и др.). Данный подход отличается натурализмом и противоречит как холистическому подходу христианской антропологии к пониманию целостной природы человека, так и большинству философских представлений о природе понятий «личность» и «сознание», что характеризует его как утопический и несовместимый с традиционными ценностями отношения к телу человека.

Выводы и заключения: внедрение в общественное сознание идеи практического воскрешения человека средствами крионики и ее ограниченная практическая реализация в виде научно необоснованного проекта, противоречащего смыслам, ценностям и духовной практике христианской традиции, влечет огромные риски индивидуального и социального характера, связанные с нерешаемыми в настоящем и по крайней мере ближайшем будущем проблемами личностной идентичности, феноменом социального неравенства, утратой естественной связи поколений с традиционными духовными и культурными ценностями.

Ключевые слова: воскрешение человека, христианская традиция, трансгуманизм, крионика, этико-правовые аспекты.

Для цитирования: Рожковский В. Б. Идея воскрешения человека в христианской традиции и проекте трансгуманизма: философско-антропологические и этико-правовые аспекты / В. Б. Рожковский // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1 (104). – С. 148–157.

THE IDEA OF HUMAN RESURRECTION IN THE CHRISTIAN TRADITION AND THE TRANSHUMANISM PROJECT: PHILOSOPHICAL, ANTHROPOLOGICAL, ETHICAL AND LEGAL ASPECTS

Rozhkovsky Vitaly Borisovich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *in modern society, transhumanism is a popular futurological movement that claims to define values and guidelines for the future development of mankind based on promising achievements of science and the introduction of progressive technologies into human life and society. In its essential expression, transhumanism acts as a new worldview based on the idea of the possibility of radical improvement of human nature, up to overcoming fixed natural qualities and conditions of being of a person, especially through a scientific experiment in cryonics to freeze the bodies of deceased people with a view to their resurrection in the future. The realization of the idea of the resurrection of man is accompanied here by the requirement to rethink the attitude to the Christian tradition and its values, which gives rise to previously unknown ethical and legal problems that require solutions.*

Materials and methods: *it was carried out to study the idea of human resurrection, a comparative analysis of the existing approaches to its justification, evaluation and practical implementation in the Christian tradition, religious thought, the futurological concept of transhumanism and the practice of cryonics. The method of historical analysis, descriptive and problematic approaches were used to identify the most relevant issues on the topic under study and their open theoretical and practical significance in the field of philosophical anthropology, ethics and law.*

Results of the research: *to substantiate the possibility of the resurrection of a human personality in the «earthly» world by restoring the viability of the body, the ideologists of the futurological project of transhumanism in the framework of cryonics practice rely not on direct, but on indirect evidence and hypotheses, citing as arguments references to individual scientific achievements in terms of preserving the viability and regeneration of individual human issues and organs and some signs of probabilistic improvements of human nature transposed into the future (reproduction of personal consciousness in a lively part of the body due to the preservation of neural memory, etc.). This approach is distinguished by naturalism and contradicts both the holistic approach of Christian anthropology to the understanding of the integral nature of man, and most philosophical ideas about the nature of the concepts of «personality» and «consciousness», which characterizes it as utopian and incompatible with traditional values of attitude to the human body.*

Conclusions: *the introduction into the public consciousness of the idea of practical resurrection of a person by means of cryonics and its limited practical implementation in the form of a scientifically unfounded project that contradicts the meanings, values and spiritual practice of the Christian tradition entails huge risks of an individual and social nature associated with unsolvable in the present and at least in the near future problems of personal identity, the phenomenon of social inequality, loss of the natural connection of generations with traditional spiritual and cultural values.*

Keywords: *human resurrection, Christian tradition, transhumanism, cryonics, ethical and legal aspects.*

For citation: *Rozhkovsky V. B. Ideya voskresheniya cheloveka v khristianskoy traditsii i projekte transgumanizma: filosofsko-antropologicheskiye i etiko-pravovyye aspekty [The idea of human resurrection in the Christian Tradition and the Transhumanism Project: Philosophical, Anthropological, ethical and legal aspects]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 2023. № 1 (104). P. 148–157.*

Предельной целью в трансгуманизме как мировоззренческом проекте является преодоление страданий, болезней, старения и смерти человека [1], а одной из «базисных ценностей» достижения этого будущего состояния в человечестве объявляется «реальное воскрешение человека» и «достижение практического бессмертия» [2]. Крионика как одно из на-

правлений и способ реализации трансгуманистического проекта радикальной перестройки человека примечательна тем, что именно в ней ставится практическая задача воскрешения умершего человека с помощью применения научных технологий – заморозки тела (полностью или частично) умершего человека для возможности его воскрешения в ближайшей

5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)

перспективе. При этом крионика выходит за рамки лишь научного эксперимента и воплощается в качестве полноценного коммерческого проекта по реализации индивидуального телесного воскрешения, существующего в виде деятельности нескольких фирм в США, Китае и России. Такие фирмы предлагают взамен обычной практики захоронения или кремации юридические оформленные и дорогостоящие услуги заморозки тел недавно умерших людей (а также животных) при сверхнизких температурах для последующего возвращения их к жизни в неопределенном будущем.

Данная практика неизбежно связана с целым спектром важнейших этических и правовых вопросов, касающихся ценностного отношения к мертвому телу, личного выбора умершего и родственников, ответственности его родственников и крионической фирмы и др. Эти и сопутствующие им вопросы остаются тем более сложными, что среди научной общности преобладает точка зрения, согласно которой крионика не имеет под собой достаточного научного обоснования [3] и является проявлением шарлатанства в науке и мошенничества, имеющего целью материальную эксплуатацию доверившихся людей на основе присущих природе человека страха смерти и надежды на продление жизни. И потому она может быть отнесена к разряду утопических проектов, вместе с тем оказывающих влияние на общественное сознание и вступающего в противоречие с традиционными взглядами, которых и в настоящее время, несмотря на настойчивые футурологические обещания, придерживается большая часть социума. В таком случае естественно возникает проблемный вопрос: если трансгуманизм в определенном смысле есть отрицание традиции (гуманистической антропологии), а крионика в качестве нехарактерной практики отношения к телам умерших людей касается наиболее крайнего вопроса о возможности будущего воскрешения человека как личности, то в каком отношении трансгуманизм и крионика находятся к фундаментальному основанию традиции – христианскому взгляду на человека и христианской духовной практике?

Наиболее показательным в этом плане является обращение идеологов трансгуманизма и крионики к уникальному проекту русского

религиозного философа Н.Ф. Федорова, который впервые предложил рассматривать существенный смысл христианства как реализацию идеи воскрешения и утверждавший, что достижение индивидуального бессмертия возможно научно-техническими средствами. В его творчестве, относимом к направлению русского космизма, был представлен парадоксальный синтез: объединение положений религиозного (христианского) откровения и научно-футурологических идей с материалистической и позитивистской мировоззренческими доминантами. Так, В.В. Удалова (Прайд) – известный теоретик крионики в рамках идеологии и футурологического движения трансгуманизма и один из основателей и директор российской криофирмы «КриоРус» доказывает преемственность идей русского космизма (в лице Н.Ф. Федорова с его идеей воскрешения предков) в трансгуманизме (крионике) [4, с. 158]. Более того, в качестве мировоззренческого основания проекта крионики приводится ссылка на идею воскрешения в христианстве, выражающую извечную мечту человечества о преодолении факта смертности человеческого существа и достижении личного бессмертия, которая воплощалась в особенности в том факте евангельской истории, что Христос воскресал людей и Его ближайшие ученики (апостолы) позднее следовали Его завету.

Отсылка к учению Н.Ф. Федорова присутствует и у другого идеолога трансгуманизма – И.В. Вишева, который при этом считает религиозный вариант мировых религий, и в особенности христианства, с его проповедью посмертного существования души и будущего воскресения мертвых, ущербным, не решающим проблемы смертности. Более того, по его мнению, «факт смертности человеческого существа с объективной необходимостью породил смертническую парадигму – убежденность во всеобщности и неотвратимости смерти людей как трагического финала их индивидуального бытия» [5]. Рассматривая в глобально-историческом ключе развитие мировоззренческих парадигм отношения к смерти и бессмертию, И.В. Вишев признает, что христианство проповедует идею личного бессмертия, но в действительности его открытие и созданные на его основе гуманистические идеалы являются парадигмой «постмортализма» («послесмертия»), а не достижения

действительного бессмертия. Так что в итоге проблема бессмертия в христианстве (как и в других мировых религиях) решалась «вне контроля человеческой практики», без учета земных интересов и устремлений людей. Таким образом, по его мнению, в эпоху господства в жизни общества христианства «проблема реальной смерти на деле не решается, она не устраняется, а лишь сакрализуется» [5]. Апеллируя, как и В.В. Удалова, к Н.Ф. Федорову, И.В. Вишев признает безусловно положительным перенос русским мыслителем проблемы в пространство научно-технологических решений, позволяющим ставить и решать проблему активно, творчески, в рамках «земной» человеческой практики, без ограничений религиозного мировоззрения.

Исходя из приведенных выше суждений, показывающих своеобразную апелляцию теоретиков трансгуманизма и крионики к традиции религиозного (христианского) опыта и одновременно попытку его критической интерпретации как ограниченного, нераскрытого и исторически преходящего решения проблемы, а также к содержанию религиозно-философской концепции Н.Ф. Федорова, естественно поставить следующие вопросы. Справедлив ли упрек христианству в его односторонней пессимистичности решения проблемы, оставляющий право использовать для достижения воскрешения и бессмертия научные достижения? Или же, напротив, такое активное вмешательство с помощью новейших научных технологий будет недостаточным, или же искусственным и мнимым решением, порождающим лишь новые личностные и социальные проблемы этического характера? Может ли в действительности христианская антропология заключать в себе такие нераскрытые или неучтенные смыслы, которые позволят обосновать мировоззренческие основания проекта крионики (и трансгуманизма в целом), пусть и за пределами устоявшихся практик и традиционных культурных ценностей? Может ли быть сама идея воскрешения человека с помощью неких научных технологий и практик быть верифицируема и стать положительным ориентиром для будущего развития общества? Ответы на эти вопросы формируют основную цель и методы настоящего исследования, состоящие в верификации философско-антропологического статуса и сравнительном

анализе научно-практической идеи воскрешения человека и достижения им бессмертия в мировоззренческих установках и практике трансгуманизма в лице крионики и христианской традиции, а также выявлении связанной с ней этико-правовой проблематики.

В христианской традиции идея воскрешения и бессмертия человека получила онтологическое обоснование. «Бог не есть Бог мертвых, но живых» (Мф. 22, 32) – в этих словах Иисуса Христа свидетельствуется о том, что подлинное бессмертие человека может быть осуществлено только в личностно-религиозном смысле: личность причастна воскрешению и бессмертию, поскольку бессмертен Бог-Личность, сотворивший человека по Своему образу и подобию и находящийся с ним в общении.

Согласно холистической христианской антропологии, человек как личность представляет собой целостное существо, обладающее душевно-телесной природой. При этом вследствие грехопадения первых людей человеческая природа оказалась повреждена: индивидуальное тело человека оказалось подвержено страданиям, болезням и смерти, в то время как душа осталась бессмертной, как при сотворении, но оказалась уязвима к действию греховных страстей и плотских привязанностей, в относительной степени отделяющих личность человека от Бога. Иными словами, в «земной» жизни человека его индивидуальное тело стало ограничивающим началом. В сравнении с телом душа имеет некоторое функциональное превосходство – ее энергия, деятельность остается доминирующей, управляющей и связывающей человека с духовным миром. Смерть человека, как наказание за грех, начиная от Адама и Евы, означала гибель его тела; душа же переходила в загробный духовный мир («ад» или «рай») – в соответствии с тем, какое – положительное, добродетельное или греховно-страстное нравственное – содержание в ней преобладало. «Душа, сродственная Богу и подобная Ему, привлекается к Нему с легкостью тем большей, чем решительней она избавлялась от своей сопряженности с материей, т. е. телесности» [6], – пояснял видный отец Церкви Григорий Нисский, посвятивший интересующему нас вопросу книгу «О душе и воскресении». При этом, по мысли Григория Нисского, христианское верование о будущем

5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)

воссоединении души с телом – воскресении мертвых можно объяснить с помощью аргумента философско-антропологического характера, что каждая часть тела умершего, в каком бы разложении земных элементов или смешении стихий она не оказалась, отмечена печатью индивидуальной принадлежности, эйдоса организма. Иными словами, душа сохраняет некоторую память и привязанность о своем теле (частях тела) и после смерти, что становится как бы залогом надежды на ее будущее воссоединение со своим телом, поскольку только таким образом личность может быть полноценной. Существует мнение, что «в современном представлении этот аристотелевский “эйдос” тела может быть понят как его генетическая программа» [7]. Важно отметить, что память души неслучайна, она образуется единой жизнью человеческой личности, ее «любовью» не только к собственной душе, но и индивидуальному телу. По выражению русского религиозного философа В.В. Зеньковского, «если человек... есть живое единство всех его сил и живет единой жизнью, то это значит, что он всегда и во всем и телесен, и духовен» [8].

Вообще, в христианстве идея воскресения присутствует в нескольких отношениях. В исключительном смысле она выражает заключительный акт преодоления последствий грехопадения в Лице Богочеловека Иисуса Христа как событие, происшедшее Его собственной силой (самовоскрешение), результаты которого касаются преображения духовно-экзистенциальных параметров существования всех поколений людей.

В отношении воскресения человека речь идет о догмате воскресения всех умерших поколений людей в эсхатологической (постисторической) перспективе, когда действием Бога бессмертные души воссоединятся со своими телами в некоем обновленном виде. Таким образом, земная (телесная) смерть есть ситуация ожидания душой будущего воскресения. Причем, как поясняет Григорий Нисский, воскресение в этом смысле «означает возвращение к исходному состоянию, где еще не было течения времени... Постоянное изменение характерно только для нынешнего «тела душевного», но не для эсхатологического «тела духовного» (1 Кор. 25, 44) [9]. Таким образом, в будущем воскресении у людей будут не при-

сущие им в свое время «земные» тела, а тела в неких новых, или преображенных, природных качествах, но сохраняющие при этом печать личной индивидуальности.

Идея воскресения касается также уникальных действий Христа в Его земной жизни: согласно евангельскому повествованию, наиболее показательное и исключительное явление его способности воскрешать людей – воскресение «четырёхдневного» умершего Лазаря. Воскрешали умерших и ближайшие ученики Христа. Причем все виды воскресения, по христианскому вероучению, совершались не известными научными (медицинскими) средствами, а «силой Божьей», или по причастности к ней, в нарушение естественных законов мироздания.

Воскрешение в «земном» мире в духовных практиках христианства также возможно по отношению к особому мистическому опыту, в котором человек, «умерший» в своих привязанностях ко греху и материальным ценностям, способен пережить «воскресение» в своей душе обновленных своих способностей. Такое воскресение не относится к обратному восстановлению телесной природы после случившейся смерти или радикального ее переформатирования при жизни. Такое воскресение не меняет в человеке его онтологического состава, хотя касается, прежде всего, души, но совершается в аскетико-нравственном смысле восстановления деятельности поврежденных грехом способностей человека – и его души, и его тела. Этот опыт является проявлением творческой активности личности, в результате которой меняется не только душевное устройство, но и улучшается состояние тела, что влечет в лице достигших святости, в том числе последствия для посмертного его состояния в виде частичного сохранения жизнеспособности биологических тканей («нетления»).

Важно отметить, что в христианстве «смерть» человека понимается не только как гибель его индивидуального биологического организма, но и как трагический закон «тленного» мира. Появившийся вследствие грехопадения первых людей, этот закон выступает в качестве непреложного наказания для конкретной личности (лишь в малой мере нарушаемый фактами нетленности тел святых и редкими исключительными примерами

воскрешения умерших последователями Христа) и одновременно условием существования общества в преемственности поколений. Но вместе с тем это закон, обуславливающий ценность земной жизни – ее единственность и значимость как духовно-нравственной подготовки к жизни «загробной» в ожидании постисторического всеобщего воскресения.

Вследствие признания глубокой жизненной связи души с телом и надежды на будущее воскресение мертвых, в христианской традиции присутствует уважение не только к живому, но и к мертвому человеческому телу. Ведь тело предстает как индивидуальный, осознанный «своим» инструмент земной жизни, который душа успела полюбить, и который является запечатленной принадлежностью личности человека (в его эйдетическом виде), независимо от степени его последующего разрушения. Поэтому в этой традиции существуют не только обычаи совершения молитвенной памяти (поминовения) о душе скончавшегося человека, но и предпочитаемые в обществе формы и обстоятельства захоронения тела, нашедшие свое отражение в праве и сохраняющиеся до сих пор в правовых актах современных «светских» государств. При этом христианские этические правила не только исключают всякое глумление над мертвым телом, но и традиционно осуждают искусственное экспериментирование над ним (независимо от степени его разрушения). Кроме того, в отношении тел христианских святых («святых мощей»), даже если они не открыты в особом – «нетленном» состоянии (что является признаком святости почивших подвижников благочестия), в христианской традиции существует особое их почитание верующими.

Данное уважительное отношение к мертвому человеческому телу, которое покинула душа после смерти, память об умерших и молитвенное обращение о них, – все эти духовные практики, связывающие бытие личности с ее «земной» телесной жизнью, стали основой устойчивых на протяжении длительного времени культурных традиций, имеющих значение для огромной части современного общества.

В концептуальной статье российской криокомпании «КриоРус», занимающейся практикой замораживания умерших людей при сверх-

низких температурах, заявляется, что прижизненное существование индивида обеспечивается функционированием его мозга и что именно мозг управляет сознанием и «ответственен» за личностные особенности человека, так что для воскрешения в будущем человеческой личности достаточно найти научно-практический способ сберечь данные о личности в качестве информации о нейронных связях в мозге конкретного человека [10]. В данном случае в статье воспроизводится гипотеза, согласно которой при заморозке мозга долговременная память человеческой личности сохраняется между нейронами и может быть восстановлена после воскрешения замороженного мозга, что, по мнению идеологов крионики, подтверждает возможность воскрешения и всей личности человека при наличии в будущем соответствующих технологий.

Мы находим, что в этом и подобных представлениях личная связь человека с собственным телом, которое планируется воскресить в будущем (при новых возможностях науки), объясняется исходя из натуралистического подхода, сводящего бытие личности к отдельным проявлениям биологической природы человека (чувства, мышление, память и др.). Частью этого подхода является представление о человеческом теле как совокупности «запчастей» и функций [2], которое можно поэтому радикально улучшать и переконструировать и даже избавиться от процессов старения, умирания и вернуть жизнь. Восстановив же ущербные по какой-либо причине или даже утраченные функции тела, можно восстановить и работу уникального личного сознания человека. Один из западных ученых со всей серьезностью доказывает, что «основа сознания... может быть сохранена при криогенных температурах» [11].

Очевидна философская наивность научно-антропологических представлений о тождестве физиологических процессов в мозге с природой индивидуального сознания. На наш взгляд, достаточность оснований для ссылок на научно доказанную память «клеток» или «нейронных связей», как и для аргументации весьма популярного в трансгуманизме тезиса о возможности «переселения» сознания человека из его исходного биологического тела в какое-то иное (воскрешенное или искусственно созданное) с помощью научных

5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)

технологий, сомнительна. Вышеприведенный холистический принцип и другие положения христианской антропологии не позволяют допустить способность человечества осуществить «перенос» или «восстановление» уникального личного сознания в другой биологический или искусственный субстрат. Неслучайно и критики крионики со стороны науки отмечают, что даже восстановление отдельных внешних функций организма не позволит сохранить или восстановить личность с ее особенностями характера, эмоциональных проявлений, индивидуальным жизненным опытом (Г. Лифшиц) [12].

Идущий же от взглядов Григория Нисского философско-антропологический аргумент в пользу возможности воскрешения человека вследствие остающейся индивидуальной «памяти» души о своем теле (пусть и допускающий существование генетической или «клеточной» памяти) касается лишь эсхатологического акта воскрешения. Само это воскрешение осуществимо лишь «силой Божьей» (а не с помощью научных технологий) и притом в то время, когда смысл исторического существования обычного «земного» человека будет исчерпан, совершен.

Представители крионики отрицают кратковременность опыта умирания (которое в науке и соответствующих правовых актах определяется с фиксируемой известными медицинскими средствами смертью мозга человека) и стремятся аргументировать научное предположение, что процесс умирания организма можно разделить на некие стадии и на ранних стадиях возможно обратное восстановление жизненных характеристик биологического организма [10]. Однако такая аргументация не учитывает смысложизненную уникальность и единственность, а следовательно, и необратимость личного опыта жизни и смерти.

В христианстве проблема воскрешения и бессмертия вполне решается в его имманентной логике, приобретая оптимистический характер благодаря признанию действия Бога, которое происходит в тех границах, которые отвечают историческому смыслу человеческого существования в условиях особенностей его антропологического устройства и его фактического несовершенства и греховности. Таким образом, декларируемая теоретиками трансгуманизма и крионики будто бы неполнота решения проблемы в христианстве коренится в изначальном мировоззренческом неприятии идеи участия Бога в жизни мира и опоре на недостаточно аргументированные и некорректные предположения в рамках натуралистической философско-антропологической концепции. Этим объясняется роковая двусмысленность в подходе к решению проблемы, которая присутствовала в творчестве Н.Ф. Федорова и получила свое развитие в трансгуманизме. Следствием чего стала недооценка в области философской антропологии и этике важнейших сторон проблемы личного бессмертия. Прежде всего, это недооценка христианского холистического учения о целостной человеческой личности, воскресение которой и невозможно, и антигуманно посредством искусственного восстановления некоей природно-телесной составляющей человека, связанной с его генетической «памятью», «информацией», «сознанием» и т. п. Кроме того, это недооценка смысла фактического трагизма в жизни личности, обреченной в настоящем мире принимать последствия за свое нравственное несовершенство в виде болезней, страданий и смерти в качестве некоего тягостного испытания и одновременно лекарства для жизни будущих поколений. Невозможность в исторической реальности воскрешения полноценной человеческой личности влечет ее относительное забвение. Однако такое забвение умершего человека в христианстве является как проявлением тягостных последствий указанного трагизма, поскольку изменчиво к памяти о его личности и действию в нас совершенных им добрых дел, так и вместе с тем исцелением от последствий его злых дел, отягощающих и ограничивающих жизнь его потомков.

С проблемой реализации идеи воскрешения и личного бессмертия в трансгуманизме и крионике сопряжена целая серия этико-правовых и социально-правовых вопросов и проблем.

В Российской Федерации для обоснования правового статуса своей деятельности единственная действующая крионическая фирма («КриоРус») апеллирует к Федеральному закону № 323-ФЗ от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ст. 68 которого устанавливает «возможность

использования тела, органов и тканей умершего человека для медицинских, научных и учебных целей» [13]. Однако истолкование данного правового положения, очевидно, должно не противоречить существующим в Российской Федерации традиционным духовно-культурным ценностям, которые исторически во многом определялись православным христианством, для которого было характерно иное решение проблемы личного воскрешения и бессмертия, чем в проекте и практике крионики. Поэтому необходимо принимать во внимание, что согласно Федеральному закону от 12.01.1996 № 8-ФЗ (ред. от 28.11.2015, с изм. от 14.12.2015) «О погребении и похоронном деле» устанавливаются определенные гарантии погребения умершего с учетом волеизъявления, выраженного лицом при жизни и пожелания родственников (ст. 1), и оговаривается, что обрядовые действия по захоронению тела (останков) человека после его смерти должны осуществляться в соответствии с существующими обычаями и традициями (ст. 3) [14]. Отношение к человеку как к личности, чье духовное достоинство непререкаемо и после его смерти, в христианской традиции означало особое почтение к телу умершего человека и уникальной памяти о нем, чуждое проведению над ним искусственных экспериментов, тем более этически сомнительных, как это имеет место в крионических коммерческих фирмах.

В праве понятие «личность» – важнейшее основание регуляции отношений между людьми. Но может ли личность «иметь право» на искусственную, произвольную перестройку своей природы, в особенности за пределами своей обычной земной жизни, если в таком случае будет нарушена личностная идентичность человека? Человек как личность обладает моральной автономией по отношению к тем или иным решениям в собственной жизни и моменту смерти и даже посмертного существования своего тела. Но может ли право справедливо регулировать отношения некоего существа, полноценность человеческой природы которого сомнительна, – в том случае, когда в результате крионического эксперимента будет возвращена к жизни не уникальная человеческая индивидуальность в совокупности всех своих сложнейших характеристик, а только некая (ущербная) часть челове-

ческого тела? Кроме того, будет ли конкретная личность, в отличие от других людей, не прошедших опыт заморозки для будущего воскрешения, уже обладать какими-то особенными правами, пусть и на отдаленное будущее, либо, напротив, обладать не всеми правами? Данные вопросы представляются открытыми в свете возможной реализации в будущем идеи воскрешения человека.

Если же считать воскрешение в крионике не более чем утопическим и нереализуемым в действительности проектом, то не следует ли считать волеизъявление лица в том или ином виде для крионирования своего тела лишь фактическим правом быть особым образом похороненным? Вообще, поскольку «крионирование является научным экспериментом, вопрос о том, можно ли в некоторых случаях трактовать его как погребение по определенному обычаю, остается открытым» [15]. Между тем «в российской цивилистической науке проблема правового режима крионирования... с точки зрения признания ее одной из форм погребения не рассматривалась. Правовое регулирование гарантий погребения... в настоящее время требует глубокого анализа и совершенствования, в том числе и положений, касающихся вопросов заморозки людей» [16].

Отношение к проекту воскрешения человека со стороны прав его родственников также оставляет открытыми ряд вопросов. Так, могут ли родственники принимать не только заочное решение об эвтаназии (которое само по себе не является полностью легализованным правом), но и решение, напротив, о возможном будущем воскрешении? Имеют ли они право вообще на эксперимент с телом умершего родственника, тем более если другие родственники придерживаются иных мировоззренческих взглядов и ценностей? Известны прецеденты с разным отношением родственников к судьбе тела умершего родственника (использовать ли практику крионирования или обычного захоронения). В США в центре «Алькор» было крионировано тело 83-летнего экс-бейсболиста команды «Бостон РедСокс» Теда Уильямса, при этом апелляция старшей дочери спортсмена о кремации отца не была удовлетворена по причине неофициального семейного договора между Тедом и его младшими детьми. В Рос-

5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)

сии произошло противостояние между фирмой «КриоРус» и женой криопациента Михаила Воронина, которая после его смерти забрала тело и передала в крематорий. При этом представители «КриоРус» на основе существующей видеозаписи волеизъявления Воронина о крионировании его мозга не смогли добиться решения о передаче им тела, и оно было кремировано [15].

Крионика как утопический в своей основе и притом коммерческий научно-практический проект эгалитарен, что радикально отличает его от федоровской идеи бескорыстного всеобщего воскрешения, в котором каждый человек должен стать воскрешающим и воскрешенным. Реализация данного проекта в настоящем и будущем неизбежно образует правовые коллизии, связанные с неравным доступом людей с различным материальным достатком к возможностям радикального усовершенствования человека.

В связи с вышеприведенными правовыми инцидентами с захоронениями тел умерших людей остается открытым вопрос, как быть с правами тех их родственников, кто не считает, что он детерминирован процессом, основанным на неких научных догадках, вероятностях, вызывающих серьезные сомнения как в их научной обоснованности, так и этической ценности.

В трансгуманизме речь идет о практическом преодолении страданий, болезней и вообще ограниченности человеческого тела, о таких последствиях развития научных технологий, которые устранят прирожденную или приобретенную инвалидность, уродливость, и т. п. Следует признать относительную пользу достижений, связанных в крионике с сохранением жизнеспособности отдельных че-

ловеческих тканей и даже органов для будущей пересадки и восполнения возможностей человека.

Однако развитие трансгуманизма и крионики в направлении обоснования научно-практической реализации воскрешения человеческого тела и (или) достижения в настоящее время сталкивается с существенными мировоззренческими и правовыми проблемами и коллизиями. Настоящий, реальный трагизм человеческого бытия обнаруживается уже сейчас в неясности и необеспеченности будущего состояния тела, хранящегося в замороженном виде на основании юридически оформленного контракта, на соблюдение которого, несмотря на его материальную обеспеченность, умерший человек никак повлиять не может и вынужден на неопределенное время только довериться утопическому проекту и добропорядочности будущих поколений, которые к тому же будут лишены в большинстве своем реального участия в проекте будущего бессмертия. Но и для тех, кто будет причастен к ожидаемому воскрешению своего индивидуального тела, откроются сомнительные перспективы оказаться в другом мире, возможно, в гораздо более уязвимом состоянии перед новыми видами зла и ущербности сущего. По меньшей мере эти избранные вынуждены будут столкнуться с гораздо более опасным различием в духовно-экзистенциальном опыте и мировоззренческих установках с будущими поколениями. Тем самым нарушится то естественное течение истории, которое возможно только во всем ее, пусть несовершенном, многообразии и одновременно единственности, принадлежащей хронотопу личного бытия.

Список источников

1. Bostrom N. A history of transhumanist thought. URL: <https://www.jetpress.org/volume14/bostrom.pdf> (дата обращения: 24.01.2023).
2. Вишев И.В. Достижение практического бессмертия человека и его реального воскрешения как базисная ценность современной цивилизации. URL: <https://www.dialog21.ru/congress2008/Doklady/03210.htm> (дата обращения: 24.01.2023).
3. Steinback R.L. Mainstreamscience is frosty over keeping the dead in ice. URL: <https://web.archive.org/>

References

1. Bostrom N. A history of transhumanist thought. URL: <https://www.jetpress.org/volume14/bostrom.pdf> (accessed: 24.01.2023).
2. Vishev I.V. The achievement of practical immortality of man and his real resurrection as the basic value of modern civilization. URL: <https://www.dialog21.ru/congress2008/Doklady/03210.htm> (accessed: 24.01.2023).
3. Steinback R.L. Mainstreamscience is frosty over keeping the dead in ice. URL: <https://>

web/20190717153237/https://www.chicagotribune.com/news/ct-xpm-2002-09-29-0209290429-story.html (дата обращения: 24.01.2023).

4. Удалова В.В. О преемственности идей космизма и трансгуманизма / Валерия Прайд (В.В. Удалова) // Материалы XLII научных чтений памяти К.Э. Циолковского. Калуга, 2007.

5. Вишев И.В. Парадигмы смертности и новые формы гуманизма. URL: <https://razumru.su/humanism/journal/48/vishev.htm> (дата обращения: 24.01.2023).

6. Григорий Нисский. О Душе и воскресении. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Nisskij/o_dushe_voskresenii/ (дата обращения: 24.01.2023).

7. Семенова С.Г. Философия воскрешения Н.Ф. Федорова. URL: <https://textarchive.ru/c-1306035-p3.html> (дата обращения: 24.01.2023).

8. Зеньковский В.В. Принципы православной антропологии. // Русская религиозная антропология. Т. 2. URL: https://azbyka.ru/otechnik/antropologiya-i-asketika/russkaja-religioznaja-antropologija-tom-2/8_6 (дата обращения: 24.01.2023).

9. Карфилова Ленка. Григорий Нисский. Божия и человеческая бесконечность. URL: <https://bogoslav.ru/article/753318> (дата обращения: 24.01.2023).

10. Официальный сайт Первой крионической компании в Евразии Kriorus. URL: <https://kriorus.ru/intro.html> (дата обращения: 24.01.2023).

11. Best B.P. Scientific Justification of Cryonics Practice. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/18321197/> (дата обращения: 24.01.2023).

12. Краузова Е. Ледяное бессмертие. Фантастический российский бизнес по заморозке людей и животных для оживления в будущем URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2014/02/19/56bf62759a7947299f72d541> (дата обращения: 24.01.2023).

13. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

14. О погребении и похоронном деле: федер. закон Российской Федерации от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ (ред. от 28.11.2015, с изм. от 14.12.2015). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Михайлова А. Заморозь меня после смерти: правовые аспекты крионики. URL:

web.archive.org/web/20190717153237/https://www.chicagotribune.com/news/ct-xpm-2002-09-29-0209290429-story.html (accessed: 24.01.2023).

4. Udalova V.V. On the continuity of the ideas of cosmism and transhumanism / Valeria Pride (V.V. Udalova) // Materials of the XLII scientific readings in memory of K.E. Tsiolkovsky. Kaluga, 2007.

5. Vishev I.V. Paradigms of mortality and new forms of humanism. URL: <https://razumru.su/humanism/journal/48/vishev.htm> (accessed: 24.01.2023).

6. Gregory of Nyssa. About the Soul and resurrection. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Nisskij/o_dushe_voskresenii/ (accessed: 24.01.2023).

7. Semenova S.G. The philosophy of resurrection N.F. Fedorova. URL: <https://textarchive.ru/c-1306035-p3.html> (accessed: 24.01.2023).

8. Zenkovsky V.V. Principles of Orthodox Anthropology. // Russian Religious Anthropology. Vol. 2. URL: https://azbyka.ru/otechnik/antropologiya-i-asketika/russkaja-religioznaja-antropologija-tom-2/8_6 (accessed: 24.01.2023).

9. Karfikova Lenka. Gregory of Nyssa. God's and man's infinity. URL: <https://bogoslav.ru/article/753318> (accessed: 24.01.2023).

10. Official website of the First cryonics company in Eurasia Kriorus. URL: <https://kriorus.ru/intro.html> (accessed: 24.01.2023).

11. Best B.P. Scientific Justification of Cryonics Practice. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/18321197/> (accessed: 01.24.2023).

12. Krauzova E. Icy immortality. Fantastic Russian business of freezing people and animals for revival in the future URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2014/02/19/56bf62759a7947299f72d541> (accessed: 24.01.2023).

13. On the basics of public health protection in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 323-FZ of November 21, 2011. Access from the legal system «ConsultantPlus».

14. About burial and funeral business: Federal Law of the Russian Federation No. 8-FZ of January 12, 1996 (as amended on 11.28.2015, with amendments from 12.14.2015). Access from the legal system «ConsultantPlus».

15. Mikhailova A. Freeze me after death: Legal aspects of cryonics. URL: <https://pravo.ru/story/220936/> (accessed: 24.01.2023).

5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)

<https://pravo.ru/story/220936/> (дата обращения: 24.01.2023).

16. Кулицкая Л.И. Крионика как альтернативная форма погребения: правовой аспект. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krionika-kak-alternativnaya-forma-pogrebeniya-pravovoy-aspekt> (дата обращения: 24.01.2023).

16. Kulitskaya L.I. Cryonics as an alternative form of burial: a legal aspect. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krionika-kak-alternativnaya-forma-pogrebeniya-pravovoy-aspekt> (accessed: 24.01.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рожковский Виталий Борисович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.
ORCID: 0000-0001-6423-4664

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rozhkovsky Vitaly Borisovich, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83 Eremenko str., Rostov-on-Don, 344015, Russian Federation.

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ ЛЕГИТИМАЦИИ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Рунаев Роман Юрьевич

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация, donnash@mail.ru

Введение: сложность, актуальность и многогранность исследования на заданную тему имеет целью изучить особенности морально-этического восприятия легитимизации вспомогательных репродуктивных технологий со стороны общества (в т. ч. выяснение общественной значимости и востребованности подобных медицинских практик, этичность легализованного существования программы «репродуктивного туризма», в какой степени государство должно контролировать и вмешиваться в работу лиц, занимающихся данным видом коммерческой деятельности, и т. д.).

Материалы и методы: актуальность темы заданного исследования заставляет рассматривать проблематику ракурса применения вспомогательных репродуктивных технологий в разнообразных отраслях социогуманитарного знания: философии, экономике, социологии, религиозной и светской биоэтике. В данной работе автор опирался на труды как отечественных, так и западных ученых и публицистов, посвященные разрешению противоречивого отношения к такому социально-правовому феномену, как вспомогательные репродуктивные технологии, от полной легализации к их окончательному табуированию в современной медицинской практике.

Результаты исследования: в статье проанализирована биотехнологическая сторона процедуры реализации вспомогательных репродуктивных технологий в трудах ведущих исследователей данного вопроса, что позволило окончательно сформулировать понятие и описание детской вспомогательной репродукции. Указанный шаг в раскрытии ее сути позволил выделить основные направления биоэтического контроля за практической реализацией репродуктивных практик, а значит и возможное разрешение порождаемых ими социально-правовых противоречий.

Выводы и заключения: в работе сделан вывод, что если оставить реализацию вспомогательных репродуктивных технологий вне правового поля и без соответствующего контроля со стороны государства, это повлечет значительные социально-правовые риски как в отправлении самих репродуктивных практик, так и в отношении «плодов» этих усилий, влекущих в дальнейшем дезадаптацию и дезориентацию детей, рожденных посредством прогрессивных биомедицинских технологий.

Ключевые слова: социальная антропология, вспомогательные репродуктивные технологии, сурrogатное материнство, биокапитализм, биомедицина, биоэтика.

Для цитирования: Рунаев Р. Ю. Философское осмысление социально-правовых противоречий легитимации вспомогательных репродуктивных технологий / Р. Ю. Рунаев // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1 (104). – С. 159–167.

Original paper

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE SOCIO-LEGAL CONTRADICTIONS OF LEGITIMATION OF ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES

Runaev Roman Yurievich

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the complexity, relevance and versatility of research on a given topic aims to study the features of the moral and ethical perception of the legitimization of assisted reproductive technologies on the part of society (including finding out the social significance and relevance of such medical practices, the ethics of the

5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)

legalized existence of the program «reproductive tourism», to what extent the state should control and interfere in the work of individuals, engaged in this type of commercial activity, etc.).

Materials and methods: the relevance of the topic of the given study makes it necessary to consider the problems of the perspective of the use of assisted reproductive technologies in various branches of socio-humanitarian knowledge: philosophy, economics, sociology, religious and secular bioethics. In this work, the author relied on the works of both domestic and Western scientists and publicists devoted to resolving the contradictory attitude to such a socio-legal phenomenon as assisted reproductive technologies, from full legalization to their final taboo in modern medical practice.

Results of the research: the article analyzes the biotechnological side of the procedure for implementing assisted reproductive technologies in the works of leading researchers on this issue, which allowed us to finally formulate the concept and description of child assisted reproduction. This step in revealing its essence made it possible to identify the main directions of bioethical control over the practical implementation of reproductive practices, and hence the possible resolution of the socio-legal contradictions generated by them.

Conclusions: if we leave the implementation of assisted reproductive technologies outside the legal field and without appropriate state control, this will entail significant socio-legal risks both in the administration of reproductive practices themselves and in relation to the «fruits» of these efforts, entailing further maladaptation and disorientation of children born through advanced biomedical technologies.

Keywords: social anthropology, assisted reproductive technologies, surrogacy, biocapitalism, biomedicine, bioethics.

For citation: Runaev R. Yu. *Filosofskoye osmysleniye sotsial'no-pravovykh protivorechiy legitimatsii vspomogatel'nykh reproductivnykh tekhnologiy [Philosophical understanding of the socio-legal contradictions of legitimation of assisted reproductive technologies]. Filosofiya prava – Philosophy of Law. 2023. № 1 (104). P. 159–167.*

Человек – одно из существ животного мира, потребностью которого является продолжение рода. Но, к сожалению, как и любой живой организм, он подвержен воздействию различных факторов, вследствие которых человек утрачивает некоторые возможности, к коим можно отнести, например, репродуктивную функцию.

Невозможность людей самостоятельно воспроизвести себе подобных становится актуальной проблемой в современном мире. В силу различных обстоятельств в каждой стране есть десятки, а то и сотни семейных пар, которые не могут иметь детей, что служит одной из причин распада браков.

На этапе обнаружения таких трудностей общество начало задумываться, каким образом можно помочь человеку продолжить свой род. Здесь речь заходит о бесплодии, что, несомненно, является одной из глобальных демографических проблем человечества.

Бесплодие как невозможность семейной пары зачать ребенка явилось объектом изучения еще в древние времена. Считалось, что это связано с волей Божьей и заключается в неспособности забеременеть. Заблуждение насчет виновности женщины в бесплодии рас-

пространяется и на современное общество. На самом деле физиологические проблемы как женщины, так и мужчины в равной мере являются основной причиной бездетности. Однако примерно у 10 % бездетных супружеских пар не удается установить основания неспособности иметь детей, и это зачастую служит причиной личных драм, конфликтных ситуаций, семейных разводов.

В жизни человека одну из важных ролей играет институт брака. При этом почти никто не может представить семью без детей. Но встречаются такие пары, которые не могут стать генетическими родителями, но к XXI в. общество преуспело в изучении и нивелировании данных физиологических сбоях человеческой природы. Методы, с помощью которых становится возможным деторождение, открывают перспективу «новой жизни» перед бесплодными парами, у которых еще в конце XX в. в этом плане не было никаких надежд. Эти методы стали очень востребованными благодаря изменениям, случившимся не только в западном обществе, но в глобальном человеческом сообществе в целом.

Наиболее успешно решить проблему бездетности призваны различные **вспомогательные**

репродуктивные технологии (от англ. assisted reproductive technologies). Словосочетание вспомогательные репродуктивные технологии (далее – ВРТ) является все больше узнаваемой аббревиатурой, и стремительное развитие и внедрение в практику суррогатного материнства, как разновидности ВРТ, за первые два десятилетия нынешнего столетия помогли многим семьям, одиноким женщинам и мужчинам обрести счастье материнства или отцовства. Более того, для большого числа бесплодных пар данные технологии являются единственным шансом обрести своего ребенка.

На данный момент эта технология, с одной стороны, дарит бездетным семьям и/или бесплодным родителям шанс испытать родительское счастье, с другой – неизбежно порождает широкие общественные разногласия на предмет соблюдения норм морали. Если мы говорим о биоэтической стороне вопроса, важно отметить, что ВРТ предполагают такое вмешательство в организм, которое зачастую является тяжелым для женщины, а также искусственно стимулируют процесс зарождения новой человеческой жизни. Кроме того, ВРТ позволяют иметь ребенка одинокой женщине или гомосексуальным семьям.

Неизбежным следствием использования ВРТ стало появление ряда серьезных социальных и этических вопросов, которые до настоящего времени порождают коллизийные споры социально-философского плана, для разрешения которых в рамках проведенного исследования обращалось внимание на труды других авторов, исследовавших рассматриваемую проблематику неоднозначного социального ракурса применения ВРТ, в разнообразных отраслях социогуманитарного знания: философии, экономике, социологии, социальной антропологии, религиозной и светской биоэтике.

В данной работе автор, в частности, опирается на труды отечественных и западных ученых и публицистов, посвященных разрешению противоречивого отношения к такому социально-правовому феномену, как суррогатное материнство. В частности, основой для работы послужили труды таких западных авторов, как В. Тамбоне, Э. Сгреччи, М. Камю, Ф. Фукуямы, Ж. Бодрийяра, К. Экмана и др. Среди российских авторов существенный вклад в написа-

ние работы внесли труды М.А. Беляевой, П.Д. Тищенко, Б.Г. Юдина, В.В. Самойловой, Н.Н. Седовой, О.О. Гогловой и др.

Институт суррогатного материнства известен миру с давних времен. Однако упорядочить и развить методы, позволяющие бесплодным парам открыть перспективу деторождения, удалось относительно недавно. Данные технологии стали востребованными благодаря изменениям, случившимся в глобальном человеческом сообществе, и прежде всего в странах западного мира.

При этом прогрессия практической апробации ВРТ произошла во 2-й половине XX в., что было предопределено общей тенденцией развития глобализированного мира, которая получила название «биокапитализм». В рамках этой тенденции человеческая жизнь рассматривается как бизнес-проект, а каждый человек реально или потенциально является сам себе предпринимателем, который призван обеспечить себе высокий уровень качества жизни (от поддержания здоровья до достаточно хорошего уровня потребления, бытовых условий, отдыха и т. д.).

Естественно для большинства людей достижение подобного уровня требует немало времени. Отсюда средний возраст женщин, когда они решаются на первую беременность, значительно увеличивается, а период фертильности не меняется. ВРТ способны компенсировать падение фертильности.

Согласно определению профессора Н.Н. Седовой, «качество жизни есть адекватность психосоматического состояния индивида его социальному статусу» [8, с. 63]. Другими словами, чтобы соответствовать определенному (и, возможно, высокому) социальному статусу, нужно поддерживать психосоматическое состояние человека на должном уровне. Более того, такая поддержка отвечает запросам биокапитализма, с его постоянным требованием к человеку быть включенным в предпринимательскую деятельность в любой сфере, где любая нравственная ценность становится предметом меркантильного интереса стремящегося стать успешным человеком.

Предполагается, что человек в режиме биокапитализма должен превратить свой человеческий капитал в капитал экономический. Только таким образом человек способен

5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)

создать сам себе хоть какие-то социальные гарантии. Подобный режим существования порождает перманентный стресс, который никак не способствует поддержанию такого нормального качества жизни, что был бы психосоматически адекватен социальному статусу. Современные биотехнологии и те, что появятся в ближайшие годы и десятилетия, призваны помочь человеку сохранить нормальное качество жизни для выполнения сверхзадачи, поставленной перед ним биокапитализмом.

Более того, поскольку главным критерием оценки человека в общественном укладе под названием «биокапитализм» является «высокий рейтинг» и «эффективность», уровень просто нормального качества жизни зачастую оказывается недостаточным. Отсюда возникает целый биотехнологический проект, получивший название *human enhancement*, что переводится как «усовершенствование», «совершенствование», «расширение возможностей» «доработка» человека. Все эти переводы явно указывают на именно технологический аспект.

Технологии *human enhancement* в настоящее время считаются одними из самых передовых в современной биомедицине, и к уже внедряемым и внедренным технологиям можно отнести выращивание органов (так называемая регенеративная медицина), конструирование искусственных органов, вспомогательные репродуктивные технологии (включающие, помимо самой репродукции, и отбор эмбрионов), создание искусственной утробы (искусственная матка) и многое другое.

Все большее распространение практики ВРТ привело к тому, что уже существуют **этические принципы**, которые должны соблюдаться при использовании данных технологий. Суть этих принципов такова: «Достоинство и индивидуальность человека должны быть защищены. Каждому человеку, при применении к нему методов биомедицины, будет обеспечено уважение его прав и свобод. Интересы отдельного человека должны превалировать над научными интересами (ст. 2 Конвенции «О правах человека и биомедицине», Овьедо, 1997 г.)» [9, с. 203].

Исходя из вышеописанной биокапиталистической парадигмы, человек может планировать не только приносящую материальные блага деятельность, но и ее духовную состав-

ляющую в части заведения потомства. Однако данная репродуктивная технология имеет две альтернативные стороны. И если одна говорит нам о нравственном благе для женщин, которые стремятся стать матерями всей душой, другая подчеркивает, что это, по сути, «рыночная услуга», оказывать которую помогают другие женщины, являющиеся фактически живыми... «инкубаторами».

Таким образом, несмотря на наличие обозначенных принципов, моральные проблемы, возникающие по мере распространения практики ВРТ, не только остаются, но и усложняются. *Во-первых*, хотелось бы согласиться со следующей постановкой вопроса: «Не является ли навязывание новых биотехнологий властвующими ими странами большим коммерческим проектом?» [12, с. 130] Что же движет реализующими проекты суррогатного материнства лицами в большей степени – возможность создания «нового» человека или опосредование эксклюзивной возможности пополнить собственный карман за счет реализации данных биомедицинских технологий?

Можно сказать, что финансовая составляющая позволяет поставить под сомнение этическую оправданность широкого использования ВРТ. Так, например, технология ЭКО наиболее активно и успешно развивается в США. Тем не менее «стоимость процедуры ЭКО в американских клиниках в среднем колеблется в районе 15 тыс. долларов. В Европе процедура ЭКО наиболее отлажена в Бельгии. Средняя стоимость услуг ЭКО здесь часто переходит отметку 10 тыс. Стоимость процедуры ЭКО в чешских клиниках – от 3 тыс. долларов. Интересен и опыт такой страны, как Греция. Цена услуг в среднем составляет 6–7 тыс. долларов» [12, с. 106].

Что же касается технологии суррогатного материнства, то цена вопроса в данном случае значительно больше. «Анализ известных данных позволяет говорить лишь о приблизительной сумме, которая в России составляет около 15 тыс. долларов» [3, с. 87]. Естественно, на Западе стоимость этой технологии в несколько раз больше и может достигать до 150 тыс. долларов.

Таким образом, позволить себе прибегнуть к услугам ВРТ могут лишь несколько процентов населения как в России, так и в западных странах. Однако в мировом масштабе эти

несколько процентов обеспеченных и очень обеспеченных граждан способны гарантировать весьма ощутимую прибыль в этом сегменте рынка.

Во-вторых, существует чисто этическая проблема использования ВРТ. Оплодотворение у человека, равно как и деторождение, представляет собой действие, в котором принимают участие конкретный мужчина и конкретная женщина. Процесс оплодотворения предполагает заинтересованное стремление данных конкретных людей воссоздать еще одного человека, который будет с ними связан кровно и генетически.

Согласно вековым нравственным традициям цивилизованного общества, зарождение (зачатие) ребенка – это в известной степени интимный акт, по сути, «сокровенное таинство». Результатом данного действия становится появление нового человеческого существа. Это действие требует от мужчины и женщины общей ответственности, которая лежит в основе жизни мужа и жены. Это ответственность и за судьбу человека, который будет рожден.

Однако этическая проблема настоящего исследования заключается в том, что в процесс зарождения новой жизни искусственно допущены... сторонние лица. В результате этого деторождение неизбежно теряет полноту своих красочных индивидуальных оценок, поскольку перестает быть плодом духовного и физического соединения мужчины и женщины.

Акт репродукции, который теряет телесное выражение, лишается общения между двумя личностями, которое может быть выражено полностью только в теле. Специфической особенностью любовных отношений мужчины и женщины является их интегральный характер и обмен дарами двух личностей. Когда же телесная близость замещается «высокой» технологией, интимный акт редуцируется к технической процедуре.

Техническая процедура формирует объект, по отношению к которому субъект технического действия получает право собственности. В случае же межличностного общения, такого как интимный акт, субъект выражается через отношение с другим субъектом. При этом имеют место признание и уважение другого.

Кроме этого, в случае ЭКО оплодотворение производится медицинским работником, который выступает как третий, чужой, «лиш-

ний» компонент, участвующий в акте репродукции. ЭКО является в определенном смысле эле оплодотворением за пределами брака.

Таким образом, слова «рождение», «оплодотворение» оказываются неуместными в отношении будущих отца и матери. Так как в реальности медицинский работник, который производит решающие действия для будущего деторождения, есть третий, посторонний субъект.

Как отмечают итальянские специалисты в области биоэтики Элио Сгречча и Виктор Тамбоне, «всякое биомедицинское и техническое вмешательство в процесс деторождения не может оцениваться по мерке другого физиологического и технического акта, каким является, например, почечный диализ, который тогда, когда он не может органическим образом протекать внутри организма, искусственно производится извне, не порождая при этом никаких этических проблем» [13, с. 225].

Поэтому, по мнению Сгречча и Тамбоне, медицина не должна брать на себя ответственность в решении вопросов, связанных напрямую с такими специфическими человеческими ценностями, как жизнь эмбриона, личность рожденного ребенка, сущность самого брака. Этический и биоэтический ответы на такие вопросы поспособствуют обозначить социальную и правовую проблему, которая возникает в результате применения ВРТ.

Природа, которую нужно уважать, не является исключительно биологической природой, но определенной сущностью в философском смысле, структурной особенностью личности человека, обуславливающей его личность как таковую. Эта природа есть индивидуальность, где духовное и телесное объединены так, что в теле проявляется душа, которая затем оформляет и одухотворяет человеческую биологическую основу.

Вместе с тем существует нравственный закон, который не является идентичным закону биологическому. Биологический закон реализуется всегда, включая искусственное оплодотворение. Тем не менее в случае искусственного оплодотворения нравственный закон не соблюдается. Безнравственным оказывается не само применение ВРТ, но практика разделения деторождения, как биологического акта и духовно-психологической основы «нашего брачного Я» [13, с. 230].

5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)

В рамках консервативной биоэтики можно отметить два моральных требования, которые связаны с репродуктивным поведением человека и которые вполне обоснованы рационально. Первое требование предписывает сохранение жизни эмбриона. Второе говорит о том, что деторождение следует рассматривать как результат союза и отношений двух личностей (мужчины и женщины).

«Деинтимизация» репродуктивных практик, в свою очередь, неизбежно расшатывает морально-нравственные устои будущих «родителей» суррогатных малышей, которые вынужденно допускают в приватную зону численного восполнения своих семей третьих лиц. Подчас реализация такого рода практик доходит до абсолютнейшего абсурда, когда ребенка могут «подарить» бесплодному родственнику.

Морально недопустимым в рамках консервативной биоэтики следует считать взятие биологического материала от донора. Использование данного материала нарушает целостность союза мужчины и женщины. Искусственное гетерологичное осеменение разрушает единство мужа и жены, наносит ущерб их достоинству и призванию будущих родителей, а также праву ребенка на зачатие и рождение в браке и от брака одного мужчины и одной женщины.

Более того, применение данной методики ВРТ морально вредит призванию мужа и жены, которые должны стать отцом и матерью. Оно разрушает деторождение в браке его целостности и единства и дифференцирует тех, кто биологически дает ребенку жизнь, тех, кто «обеспечивает» его внутриутробное развитие, и тех, кто заботится и воспитывает дитя.

Последствия такой дифференциации способны негативно повлиять потом на психику ребенка, который может узнать и как-то принять историю собственного зачатия и появления на свет. При этом следует поставить под сомнение положение о сохранении тайны имени настоящего отца ребенка, ибо любой человек имеет право (данное право признано большинством стран) знать, кто его настоящие родители.

Относительно детей, выношенных суррогатными матерями, «в полной рост» встает проблема двусмысленности своего происхождения, поскольку для всех здравомыслящих

людей желанный ребенок – это не столько плод физиологических манипуляций, сколько акт духовного единения двух любящих людей. Когда же к процессу зачатия ребенка замешивается некая искусственная подоплека и духовная основа подменяется чисто технологической, будущий «суррогатный» малыш неизбежно будет обеспокоен смыслами своего появления на свет и дальнейшего существования.

Также, поскольку у «суррогатных» младенцев априори имеется несколько родителей, в последующей жизни они вынуждены испытывать постоянную стрессовую ситуацию, вырастая в неопределенности отношения к своим социальным родителям. А если появлением «суррогатного» малыша в состав семьи еще вносится раскол в отношениях с другими детьми по признаку «родной – неродной», такая ситуация и вовсе может обернуться сильнеешим психотравмирующим фактором для личности ребенка.

Есть и другая сторона медали – ситуация с криминальными абортами в нашей стране также оставляет желать лучшего, что и придает дополнительную социальную значимость организациям, оказывающим услуги в сфере детских репродуктивных технологий. Помимо общегуманной цели осчастливить конкретных женщин радостью материнства, подчеркнуто меркантильный интерес представителей «репродуктивных» фирм выступает гарантом того, что младенческая жизнь будет сохранена, поскольку стремление заказчиков воспользоваться услугами таких организаций продиктовано не только вполне осознанным желанием стать родителями, но и подкреплением данного намерения соответствующими финансовыми возможностями.

Однако факт остается фактом: практика того же суррогатного материнства сопровождается легализацией товарно-денежных отношений особого рода, где будущий ребенок есть товар. Ситуация на рынке «репродуктивного туризма» в нашей стране вызывает все большее общественное недовольство, и ряд независимых экспертов открыто говорит о том, что российские законы о суррогатном материнстве – самые либеральные в Европе, следствием чего является тот факт, что Россия стала мировым центром коммерчески выгодной детской репродукции.

По публичному признанию Константина Свитнева – главы юридической компании «Росюрконсалтинг», до недавнего времени сопровождавшей «суррогатные» сделки, «в России «объем этого рынка измеряется многими миллиардами долларов». Заказать себе ребенка могут только богатые люди: известно, что для россиян эта процедура стоила два миллиона рублей, для иностранцев – 3,5¹. Богатые иностранцы массово едут в Россию, чтобы купить для себя ребенка. И среди них немало представителей «сексуальных меньшинств».

Он же несколько лет назад с гордостью сообщал австрийскому журналу DATUM, что половина его иностранных клиентов – зарубежные гомосексуальные пары, ведь, по его собственным словам, «Россия – единственная страна в Европе, где одинокие люди могут стать родителями». Умерший недавно в Петербурге младенец был одним из десяти детей, заказанных гомосексуалистами при посредничестве китайской компании *BlueBaby*. Эта компания – часть большого холдинга *BlueCity*, обслуживающего миллионы гомосексуалистов во всем мире в обеспечении их возможностью заказать себе «суррогатных» малышей².

Поэтому в настоящем исследовании подчеркивается, что особенности социально-правового восприятия практики ВРТ представляют серьезную моральную и этическую проблему ввиду сомнительной этичности «репродуктивного туризма», случаев усыновления рожденных от суррогатных матерей детей представителями «сексуальных меньшинств», смертности «суррогатных» малышей и т. д. Также не до конца определенной остается степень допустимого контроля и вмешательства государственных органов в работу лиц, занимающихся данным видом коммерческой деятельности, и т. д.

В Российской Федерации технология суррогатного материнства в настоящее время узаконена, однако вопрос понятия «суррогатное

материнство» до сих пор окончательно не урегулирован. Существует лишь несколько нормативных правовых актов, где оно только упоминается, но его толкование не дается.

Термин «суррогат» (от лат. *surrogatus*, т.е. «замененный» – продукт, отчасти заменяющий какой-либо другой продукт) считается официальным и используется на законодательном уровне [7, с. 234]. Согласно данной терминологии, ребенок будет считаться генетически родным только при использовании биологических материалов будущих родителей.

Приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» определяет суррогатное материнство как один из методов терапии бесплодия, при котором отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне организма³.

Проанализировав биотехнологическую сторону процедуры реализации ВРТ в исследованиях таких ученых, как В.В. Самойлова, Т.В. Сорокина, Е.С. Митрякова и В.Н. Лежнин, понятие и описание детской вспомогательной репродукции в отечественном законодательстве можно сформулировать следующим образом: **вспомогательные репродуктивные технологии** – это биотехнологический комплекс, который позволяет искусственным путем добиться зачатия или существенно облегчить определенные стадии воспроизведения потомства при невозможности или нежелании осуществить продолжение рода естественным путем.

17 декабря 2021 г. группа депутатов во главе с Петром Толстым направила на рассмотрение Государственной Думы Российской Федерации (далее – ГД РФ) законопроект № 41630-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», регулирующий сферу суррогатного материнства в России. Как пояснили авторы законо-

¹ Задержанные акушеры продавали «суррогатных» младенцев однополым парам // Интернет-портал «НТВ». 17.07.2020. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2375206/>.

² Гомосексуалисты наладили поставку «суррогатных» детей из Санкт-Петербурга // Интернет-портал «IFN». 21.10.2020. URL: <https://ifamnews.com/ru/gomoseksualisty-naladili-postavku-surrogatnyh-detei-iz-sankt-peterburga>.

³ О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н.

5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)

проекта, запрет на свободное распоряжение биологическим материалом, способным воспроизводить потомство, необходим для пресечения каналов незаконного экспорта репродуктивного «продукта» за рубеж, поскольку бесконтрольность пользования «рынком» суррогатного материнства в нашей стране иностранцами включает в себе серьезные репутационные риски для международного престижа нашей страны.

Особо инициативной депутатской группой подчеркивалось, что отсутствие государственного регулирования в сфере легитимизации ВРТ влечет серьезную угрозу для общественной, экономической и биологической (читай – демографической) безопасности страны. И это в то время, когда основной закон страны декларирует институт материнства и детства как наиболее охраняемую ценность и приоритет в отправлении национальной политики страны. Несоблюдение должного контроля за технологиями суррогатного материнства создает условия для теневого (читай – преступного) оборота донорских клеток и воспроизводимого с их помощью репродуктивного материала в интересах представителей иностранных государств и в ущерб собственной демографической политике России.

При этом 08.12.2022 предложенный законопроект был рассмотрен и принят ГД РФ во втором чтении, после чего был направлен на одобрение в Совет Федерации РФ, на заседании которого 14.12.2022 был также одобрен. Далее указанный законопроект был рассмотрен Президентом Российской Федерации, и на

основе его окончательной редакции был подписан Федеральный закон от 19.12.2022 № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который ввел запрет на пользование услугами суррогатного материнства в отношении иностранных граждан⁴.

Вместе с тем указанным Федеральным законом была заглажена лишь практика суррогатного материнства в отношении иностранных граждан, желающих воспользоваться отечественными биоресурсами. В то же время реализация программ ВРТ остается существенной «детородной» стороной жизни современного российского общества, сохраняя при этом недостаточность биоэтического контроля за деятельностью репродуктивной медицины со стороны государства и, как следствие, весь комплекс порождаемых этим социально-правовых противоречий.

Отсюда перед российским обществом надлежит прямо поставить вопрос: «Стоит ли даже одна загубленная детская судьба того, чтобы бесконтрольная репродуктивная технология продолжала существовать в нашей стране?» Если глубоко копнуть природу зарождения и существования данного явления в современной российской действительности, то ответ на данный вопрос необходимо искать не только в уголовно-правовой плоскости его постановки, но и в нравственно-этической стороне данного социально-философского феномена. Рано или поздно российским законодателям придется отвечать на этот «кричащий» общественный запрос нашего времени.

Список источников

1. Беляева М.А. Влияние ВРТ на развитие репродуктивной культуры. Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 8: Технологии и трансформации: сборник статей. М., 2014.
2. Бодрийяр Ж. Соблазн. Издательство AdMarginem. М., 2000.
3. Гоглова О.О., Гоглова Ю.О. Суррогатное материнство. Степень допустимости. Философские

References

1. Belyaeva M.A. The influence of ART on the development of reproductive culture. Philosophical problems of biology and medicine. Issue 8: Technologies and transformation: collection of articles. Moscow, 2014.
2. Baudrillard J. Temptation. AdMarginem Publishing House. Moscow, 2000.
3. Goglova O.O., Goglova Yu.O. Surrogate motherhood. The degree of admissibility. Philosophical

⁴ Сайт «Системы обеспечения законодательной деятельности ГД РФ». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/41630-8> (по состоянию на 27.01.2023).

проблемы биологии и медицины. Вып. 8: Технологии и трансформации: сборник статей. М., 2014.

4. Леженин В.Н. Проблемы договорных отношений, связанные с суррогатным материнством. Воронеж, 2002.

5. Лязина Ю. А. ЭКО: этические проблемы. Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 8: Технологии и трансформации: сборник статей. М., 2014.

6. Митрякова Е.С. Правовое регулирование суррогатного материнства в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006.

7. Самойлова В.В. Суррогатное материнство как правовой институт // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4.

8. Седова Н.Н. Биоэтика. М., 2016.

9. Седова Н.Н. Мысли о биоэтике. Волгоград, 2018.

10. Семейный кодекс РФ. М., 1993.

11. Сорокина Т.В. Суррогатное материнство: понятие и критерии его определения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2010. Т. 5. № 2(13). 12. Технологии улучшения человека в социологическом измерении: монография / Н.Н. Седова, Б.А. Навроцкий, М.Е. Волчанский. Волгоград, 2017.

13. Элио Сгречча, Виктор Тамбоне. Биоэтика. М., 2002.

problems of biology and medicine. Issue 8: Technologies and transformation: collection of articles. Moscow, 2014.

4. Lezhenin V.N. Problems of contractual relations related to surrogacy. Voronezh, 2002.

5. Lyazina Yu . But. ECO: ethical issues. Philosophical problems of biology and medicine. Issue 8: Technologies and transformations: collection of articles. Moscow, 2014.

6. Mitryakova E.S. Legal regulation of surrogate motherhood in Russia: autoref. dis. ... cand. jurid. sciences'. Tyumen, 2006.

7. Samoylova V.V. Surrogacy as a legal institution // Theory and practice of social development. 2014. № 4.

8. Sedova N.N. Bioethics. Moscow, 2016.

9. Sedova N.N. Thoughts on bioethics. Volgograd, 2018.

10. The Family Code of the Russian Federation. Moscow, 1993.

11. Sorokina T.V. Surrogate motherhood: the concept and criteria for its definition // Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. 2010. Vol. 5. No. 2(13).

12. Technologies of human improvement in the sociological dimension: monograph / N.N. Sedova, B.A. Navrotsky, M.E. Volchansky. Volgograd, 2017.

13. Elio Sgreccia, Victor Tambone. Bioethics. M., 2002.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рунаев Роман Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии. Волгоградская академия МВД России. 400089, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.
ORCID: 0000-0003-3313-9626

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Runaev Roman Yurievich, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 139, ul. Historical, Volgograd, 400089, Russian Federation.

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Материалы направляются в электронном виде в редакцию журнала по электронному адресу: mkuzmin49@mvd.ru (тел.: (863) 207-86-34). Автором (-ами) экземпляр статьи и оригиналы всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83, Ростовский юридический институт МВД России, редакция научно-теоретического и информационно-методического журнала «Философия права».

1.1. На бумажном носителе (на листах формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи. Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

1.2. На электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполняются в текстовом редакторе Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.

2. Объем рукописи научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, рецензий, отзывов и иных научных материалов на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.

3. Рукопись должна содержать следующую информацию на русском языке:

3.1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).

3.2. Название статьи.

3.3. Фамилию, имя, отчество (полностью), место работы (учебы для адъюнктов, аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса (включая индекс), должность, почетное звание (при наличии), ученое звание, ученую степень, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, образовательной организации и т. п.), по которому с автором можно связаться) и ORCID id автора (при наличии).

3.4. Аннотацию (рекомендуемый средний объем аннотации 500 печатных знаков (ГОСТ 7.9–95 СИБИД), которая должна быть структурирована и содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения. Аннотация не должна повторять текст самой статьи, сведения, содержащиеся в ее заглавии; включать малоинформативные формулировки.

3.5. Ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), характеризующие проблематику статьи.

3.6. Список источников.

4. Перевод на английский язык сведений, отраженных в пп. 3.2–3.6, осуществляется редакцией журнала.

5. В статье должны быть сделаны ссылки на приведенные таблицы, рисунки, схемы, диаграммы, которые нумеруются в порядке их упоминания и располагаются непосредственно после текста, в котором они указываются впервые. Весь графический материал должен иметь заголовки (в том числе переведенные на английский язык) (ГОСТ 7.32–2001, ГОСТ Р 7.07–2021).

Иллюстрации предоставляются отдельными файлами. Рекомендуемый формат – *.jpg. Сканированные материалы должны иметь разрешение не менее 300 пикс/дюйм.

6. Список источников должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ Р 7.0.76–2022, который размещается в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница (например, [3, с. 56]). Нельзя включать в списки литературы анонимные источники и нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.), приводить их следует непосредственно в тексте или во внутритекстовых сносках; нежелательно использовать публицистические и рекламные статьи, ссылки на русскоязычные интернет-ресурсы, российские СНИПы, ГОСТы и т. д. (на них можно сослаться непосредственно в тексте статьи).

Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий статья опубликована не будет!